

Денисъ Ивановичъ
ФОНВИЗИНЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ

Сборникъ историко-литературныхъ статей

СОСТАВИЛЪ
В. И. Покровскій

Москва 1908.

Изданіе второе.

Денисъ Ивановичъ ФОНВИЗИНЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Цѣна 50 коп.

МОСКВА.
Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Тверская, Столешниковъ пер., д. Ліанозова.
Телефонъ 120—95.
1908.

Типографія Г. Лисснера и Д. Собко.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Во второмъ изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Памяти Фонвизина, *Бильбасова.* — Характерныя для Екатерининскаго времени лица, выведенныя въ комедіи „Бригадиръ“, *Варнеке.* — Темныя стороны русской жизни XVIII вѣка въ комедіи „Бригадиръ“ по ея типичнымъ представителямъ, *Иванова.* — Стародумъ и Правдинъ и ихъ отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ, XVIII вѣка, *его же.* — Вопросъ о воспитаніи въ комедіи Фонвизина „Недоросль“, *Варнеке.* — Педагогическія, нравственныя и политическія убѣжденія Фонвизина, *Пятковскаго.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Очеркъ жизни и литературной дѣятельности Фонвизина.

Фонвизинъ Денисъ Ивановичъ род. въ Москвѣ 9 апрѣля 1745 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 1 декабря 1792 г. Родословныя росписи рода Фонвизиныхъ начинаются именемъ Петра Володимерова, титулуемаго барономъ. „Въ царство великаго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца, какъ онъ, великій государь, воевалъ Лифляндскую землю, взялъ въ плѣнъ Мечиносящаго братства брата Петра барона Володимерова сына Фонвизина съ сыномъ его Денисомъ и иныхъ того же честнаго братства шляхтовъ; и даны имъ въ Московскомъ государствѣ помѣстья многія въ разныхъ городахъ и служили они великимъ государемъ въ нѣмецкой вѣрѣ". Въ 1653 г. внукъ Петра Фонвизина Юрій Денисовичъ перешелъ въ православіе, принявъ при этомъ имя Аѳанасія. Внукъ этого Юрія Аѳанасія Денисовича — Иванъ Андреевичъ, отецъ автора Недоросля, служилъ сначала въ военной службѣ, потомъ перешелъ въ гражданскую, занявъ мѣсто члена ревизіонъ-комиссіи; въ 1774 г. онъ вышелъ въ отставку, умеръ въ 1786 г. 68 лѣтъ отъ роду. По свидѣтельству своего знаменитаго сына, Иванъ Андреевичъ „былъ человѣкъ большого здраваго разсудка, но не имѣлъ случая, по тогдашнему образу воспитанія, просвѣтить себя ученіемъ. По крайней мѣрѣ, читалъ онъ всѣ русскія книги, изъ коихъ любилъ отмѣнно Древнюю и Римскую исторію, Мнѣнія Цицероновы и прочіе хорошіе переводы нравоучительныхъ книгъ". О матери своей Катеринѣ Васильевнѣ (рожд. Дмитріевой-Мамоновой) Фонвизинъ вспоминалъ, какъ о женщинѣ умной, доброй и трудолюбивой. „Вторая супруга отца моего, а моя мать", читаемъ въ „Чистосердечномъ признаніи" Фонвизина, „имѣла разумъ тонкій и духовными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная".

Первоначальнымъ образованіемъ Фонвизинъ обязанъ отцу. Образованіе было, конечно, скромное: ребенокъ выучился грамотѣ, знакомился подъ руководствомъ отца съ церковнославянскимъ языкомъ. „Какъ скоро я выучился читать", разсказываетъ Фонвизинъ, „такъ отецъ мой у крестовъ (т.-е. при молебнахъ и другихъ домашнихъ

богослуженіяхъ) заставлялъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я съ славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно!!... Отецъ мой, примѣчая изъ читаннаго мною тѣ мѣста, коихъ, казалось ему, читая, я не разумѣлъ, принималъ на себя трудъ изъяснять мнѣ оныя; словомъ, попеченія его о моемъ наученіи были безмѣрны". Учителей иностранныхъ языковъ у Фонвизина не было.

Въ 1755 г. открытъ былъ Московскій университетъ и при немъ гимназія. Одними изъ первыхъ воспитанниковъ, поступившихъ въ гимназію, были братья Фонвизины: Денисъ и Павелъ. Научное преподаваніе въ университетской гимназіи оставляло желать очень многаго. „Учились мы", говоритъ Фонвизинъ, „весьма безпорядочно, ибо съ одной стороны причиною тому была ребяческая лѣность, а съ другой — нерадѣніе и пьянство учителей". Несмотря однако на недочеты въ ходѣ учебнаго дѣла, Фонвизинъ съ благодарностью вспоминалъ о своихъ школьныхъ годахъ. Въ это время обучась по-латыни, онъ „положилъ основаніе нѣкоторымъ знаніямъ". Тогда же онъ „научился довольно нѣмецкому языку" и „получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ". Знакомство съ латинскимъ языкомъ, по словамъ Фонвизина, „пособило весьма къ обученію французскаго"; этимъ языкомъ Фонвизинъ занялся въ концѣ учебнаго курса. Изъ преподавателей своихъ онъ съ особенной признательностью вспоминалъ о профессорѣ Шаденѣ, который преподавалъ логику на латинскомъ языкѣ. Денисъ Фонвизинъ считался однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ гимназіи: онъ не разъ получалъ награды (въ 1756, 1760 и 1791 гг.); его школьныя сочиненія назначались, вмѣстѣ съ другими лучшими работами, для прочтенія на публичныхъ актахъ. Въ одномъ изъ такихъ сочиненій юный авторъ старался „показать щедрость и прозорливость Ея Императорскаго Величества, всещедрой музъ основательницы и покровительницы"; въ другой работѣ, изложенной на нѣмецкомъ языкѣ, рѣчь шла „о наилучшемъ способѣ къ обученію языковъ". Объ успѣхахъ Фонвизина свидѣтельствуетъ также его представленіе Ив. Ив. Шувалову. Директоръ университета, съ нѣкоторыми лучшими воспитанниками, отправлялся въ Петербургъ „для показанія основателю университета плодовъ сего училища". Въ числѣ „избранныхъ учениковъ" были и братья Фонвизины. Время этой поѣздки опредѣляется двумя указаніями самого Фонвизина: онъ былъ представленъ Шувалову прежде „производства" въ студенты, а это производство относится къ 1760 г.; въ Петербургѣ московскій гимназистъ видѣлъ на сценѣ комедію Гольберга: „Генрихъ и Пернилла"; первое представленіе этой комедіи по свидѣтельству „Драматическаго словаря", относится также къ 1760 г.; остается такимъ образомъ признать, что Фонвизинъ былъ въ Петербургѣ въ началѣ этого года именно 1760 г. (по словамъ Фонвизина, онъ и его товарищи ѣздили въ Петербургъ „зимой"). Замѣчаніе Фонвизина о томъ, что во время поѣздки, т.-е. въ январѣ — февралѣ 1760 г., онъ былъ „не старѣе четырнадцати

лѣтъ“ вполнѣ совпадаетъ съ годомъ его рожденія, указаннымъ въ надписи на надмогильномъ камнѣ (3 апрѣля 1745 г.).

Въ Петербургѣ Денисъ Ивановичъ имѣлъ случай видѣть нѣкоторыхъ тогдашнихъ знаменитостей нашего служебнаго, ученаго и артистическаго міра. Онъ былъ представленъ Шувалову. Былъ на куртагѣ во дворцѣ, гдѣ его поразило „вездѣ сіяющее золото, собраніе людей въ голубыхъ и красныхъ лентахъ, множество дамъ прекрасныхъ, наконецъ огромная музыка“. При представленіи московскихъ гимназистовъ Шувалову присутствовалъ Ломоносовъ. Узнавъ, что Фонвизинъ и его товарищи учились по-латыни, ученый „началъ говорить о пользѣ латинскаго языка съ великимъ краснорѣчіемъ“. Въ домѣ своего дяди Фонвизинъ познакомился съ знаменитыми актерами Ѳ. Гр. Волковымъ и Ив. Аѳ. Дмитревскимъ. Это знакомство оказалось особенно интереснымъ для будущаго драматурга. „Ничто въ Петербургѣ“, говоритъ онъ, „такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отъ роду... Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ глубокаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіянты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ“.

Въ 1760 г., спустя нѣкоторое время по возвращеніи изъ Петербурга, братья Фонвизины „произведены были въ студенты“. Слушателемъ университета Денисъ оставался два года. Къ этой студенческой порѣ относятся его первые литературные опыты и вмѣстѣ съ тѣмъ его первые литературные успѣхи. Въ 1761 г. Фонвизинъ помѣстилъ въ журналѣ „Полезное Увеселеніе“, издававшимся подъ руководствомъ М. М. Хераскова, переводную статейку „Правосудный Юпитеръ“. Въ томъ же году появился переводъ басенъ Гольберга, сдѣланный Фонвизинымъ по заказу университетскаго книгопродавца; книга эта выдержала нѣсколько изданій.

Во время поѣздки въ Петербургъ московскій гимназистъ убѣдился, „сколько нуженъ молодому человѣку французскій языкъ“. Спустя два года (1762), онъ уже могъ разумѣть Вольтера и началъ переводить стихами его „Альзиру“. Этотъ переводъ трагедіи Вольтера не остался незамѣченнымъ, хотя и не былъ напечатанъ. „Переводъ мой Альзиры“, говоритъ Фонвизинъ въ „Чистосердечномъ признаніи“, „сталъ дѣлать много шума и я самъ началъ имѣть нѣкоторое мнѣніе о моемъ дарованіи; но признаюсь, что, будучи недоволенъ переводомъ, не отдалъ его ни на театръ ни въ печать“. Переводъ „Альзиры“, дѣйствительно, былъ несвободенъ отъ нѣкоторыхъ грубыхъ промаховъ, почему Фонвизинъ называлъ этотъ свой трудъ „грѣхомъ юности“ своей. Въ томъ же году, когда переведена была Альзира, напечатана была первая часть русскаго перевода книги аббата Террасона: „Геройская добродѣтель, или жизнь Сифа, царя Египетскаго, изъ таинственныхъ свидѣтельствъ древняго Египта взятая“; слѣдующія части книги появились въ 1763 г.

(ч. II), 1764 г. (ч. III) и въ 1768 г. (ч. IV); на первыхъ трехъ частяхъ означено имя переводчика Дениса Фонвизина. Ему же принадлежитъ переводъ „слова“ профессора исторіи I. Г. Рейхеля о томъ, что „науки и художества процвѣтаютъ защищеніемъ и покровительствомъ владѣющихъ особъ и великихъ людей въ государствѣ“; слово это произнесено было Рейхелемъ въ публичномъ собраніи Московскаго университета 3 октября 1762 г. Въ этомъ же году проф. Рейхель предпринялъ періодическое изданіе подъ заглавіемъ: „Собраніе лучшихъ сочиненій къ распространенію знанія и къ произведенію удовольствій“. Въ изданіи Рейхеля помѣщено нѣсколько переводныхъ работъ Фонвизина: „Изысканіе о зеркалахъ древнихъ“, „Торгъ семи музъ“, „О приращеніи рисовальнаго художества“, „Разсужденіе о дѣйствіи и существѣ стихотворства“. Выборъ переведенныхъ статей сдѣланъ былъ, конечно, по указанію Рейхеля, который съ участіемъ слѣдилъ за дѣятельностью своего даровитаго слушателя. „Не напрасный трудъ имѣлъ господинъ Фонвизинъ въ переводѣ на россійскій языкъ книги сея своимъ согражданамъ, писалъ Рейхель по поводу перевода „Сифа“. „Великой благодарности достойны переводчики, когда употребляютъ они время свое на такія книги, кои служатъ къ распространенію ученія и которыя вообще полезны для свободныхъ наукъ. При столь великомъ множествѣ худыхъ книгъ видно похвальное достоинство переводчика, когда избираетъ онъ нѣчто доброе, полезное и особливое. Что господинъ Фонвизинъ въ разсужденіи сего сдѣлалъ, о томъ общество узнаетъ съ удовольствіемъ. О знаніи его въ нѣмецкомъ языкѣ я весьма увѣренъ, а общество видѣло уже силу его въ россійскомъ языкѣ, какъ изъ различныхъ опытовъ, такъ и изъ басенъ барона Гольберга. Можетъ быть, переведенныя имъ на россійскій языкъ Овидіевы превращенія будутъ бо́льшимъ доказательствомъ его способности“. Біографъ Рейхеля (Шевыревъ) предполагаетъ, что сближеніе даровитаго студента съ профессоромъ исторіи и нѣмецкой литературы могло имѣть вліяніе и на развитіе сатирическаго таланта Фонвизина: „изъ писемъ Рейхеля къ Миллеру мы могли бы съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что профессоръ своею иронією и своимъ умѣніемъ схватывать неразумную сторону жизни, свойствами, которыя въ этой перепискѣ сильно обнаруживаются, могъ имѣть отчасти вліяніе на нравственное развитіе геніальнаго комика“.

Упомянутый Рейхелемъ переводъ „Метаморфозъ“ Овидія неизвѣстенъ. Нужно думать, что не дошли до насъ и нѣкоторыя оригинальныя произведенія Фонвизина перваго періода его дѣятельности. „Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ, разсказываетъ авторъ „Чистосердечнаго Признанія“. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ

сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей... Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть; и я вмѣсто того, чтобъ привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много въ нихъ было сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли". Для объясненія этого разсказа Фонвизина объ успѣхѣ его „острыхъ ругательствъ" не мѣшаетъ припомнить, что подобныя, не попадавшія въ печать, сатиры были въ то время въ большомъ ходу. Въ 1764 г. главнокомандующій въ Москвѣ графъ Салтыковъ доносилъ императрицѣ слѣдующее: „Развращенное здѣсь, на Москвѣ, между молодыми людьми своевольство и наглость до такой степени возрасли, что нѣкоторые изъ нихъ... дерзнули по всему городу разсѣять ругательныя сочиненія, состоящія въ каталогахъ на французскомъ и русскомъ языкахъ, въ которыхъ до 300 человѣкъ и больше, какъ наизнатнѣйшихъ, такъ и прочихъ фамилій, въ томъ числѣ дамы и дѣвицы, не взирая ни на чины ни на достоинства, наичувствительнѣйшими выраженіями обезчещены и обижены". Теперь изъ всѣхъ сатирическихъ сочиненій Фонвизина, носившихся по Москвѣ, дошли только два произведенія, съ вѣроятностію относимыя къ 1762 г.: эпиграмма на мнимое величіе (О, Климъ, дѣла твои велики!) и злая сатира въ формѣ басни: „Лисица казнодѣй". Изъ числа сочиненій, приписываемыхъ Фонвизину, къ этой ранней порѣ его литературной дѣятельности относятъ шуточное стихотвореніе: „Чертикъ на дрожкахъ. Новая быль".

Въ 1759 г. въ Москвѣ открытъ былъ „россійскій театръ". По свидѣтельству Штелинга, въ этомъ театрѣ, кромѣ актеровъ по занятіямъ (Троепольскій, Троепольская, Пушкина), играли также „нѣкоторые университетскіе студенты". Сохранилось преданіе, что лучшими исполнителями изъ числа студентовъ были Як. Ив. Булгаковъ и Д. И. Фонвизинъ.

По обычаю стараго времени Фонвизинъ рано былъ записанъ въ военную службу; въ 1762 г., оставаясь студентомъ, онъ числился въ спискѣ сержантовъ Семеновскаго полка. Осенью 1762 г., во время пребыванія двора въ Москвѣ, этотъ „лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку сержантъ и московскаго университета студентъ" подалъ прошеніе объ увольненіи его изъ университета и объ опредѣленіи на государственную службу.

Въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, куда желалъ поступить Фонвизинъ, онъ былъ свидѣтельствованъ въ языкахъ латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ и найденъ въ знаніи оныхъ достаточнымъ. Выдержавъ экзаменъ, Фонвизинъ поступилъ въ коллегію переводчикомъ капитанъ-поручичья чина. Ко времени этой службы въ коллегіи относится первое путешествіе Фонвизина за границу. Онъ былъ посланъ съ лентой ордена св. Екатерины къ герцогинѣ Мекленбургъ-Шверинской. Порученіе было исполнено удачно. „Тогда былъ я еще сущій ребенокъ", говоритъ Фонвизинъ, „и почти не имѣлъ понятія о свѣтскомъ обращеніи; но какъ я читалъ уже довольно и имѣлъ

природную остроту, то у Шверинскаго двора не показался я невѣждою. И впрочемъ поведеніемъ своимъ пріобрѣлъ я благоволѣніе герцогини и одобреніе публики".

Въ 1763 г. служебное положеніе Фонвизина измѣнилось: 7 октября этого года императрица Екатерина подписала указъ: „Переводчику Денису Фонвизину, числясь при иностранной коллегіи, быть для нѣкоторыхъ дѣлъ при нашемъ статскомъ совѣтникѣ Елагинѣ, получая жалованье по прежнему изъ оной коллегіи".

Ив. Перф. Елагинъ занималъ въ это время должность кабинетъ-министра у принятія челобитенъ, а нѣсколько позже (1776 г.) къ этой службѣ присоединена была другая, — завѣдываніе театрами. Въ это время у секретарей Елагина было, конечно, не мало дѣла. Въ 1768 г. принятіе челобитенъ передано было Степ. Ѳед. Стрекалову. „Дѣла наши", писалъ Фонвизинъ роднымъ, „снятіемъ дѣлъ челобитческихъ совершенно облегчены, однако я каждый день у Ив. Перфильевича бываю, а сколь это безпокойно, то самъ Богъ видитъ". Фонвизинъ оставался при Елагинѣ, получившимъ званіе сенатора и удержавшемъ должность „надъ спектаклями главнаго директора".

Поселившись по мѣсту службы въ Петербургѣ, Фонвизинъ поддерживалъ живую переписку съ родными; сохранились его письма къ отцу и матери, къ сестрѣ Ѳедосьѣ Ивановнѣ и къ ея мужу В. А. Аграмакову. Изрѣдка Фонвизинъ пріѣзжалъ въ родной городъ; такъ, въ концѣ 1765 г. онъ пробылъ въ Москвѣ около мѣсяца; въ 1769 г., какъ видно изъ писемъ къ Елагину, прожилъ въ Москвѣ больше полугода. Въ Петербургѣ молодой москвичъ на первыхъ порахъ сильно скучалъ. „Здѣсь знакомства еще не сдѣлалъ", читаемъ въ первомъ сохранившемся письмѣ Фонвизина къ сестрѣ (отъ 10 августа 1763 г.). „Съ кадетскимъ корпусомъ не очень обхожусь затѣмъ, что тамъ большая часть солдаты; а съ академіей затѣмъ, что тамъ большая часть педанты". Молодой человѣкъ искалъ въ знакомствѣ или дружбы или любви. „Однако этого желанія", говоритъ онъ, „по несчастію не достигаю и ниже тѣни къ исполненію имѣю. Разсуди, не скучно ль такъ жить тому, кто имѣетъ чувствительное сердце". Мало-по-малу знакомство однако завязалось. Кругъ этого знакомства, насколько можно судить по письмамъ Фонвизина, состоялъ изъ людей чиновныхъ и знатныхъ, среди которыхъ замѣшалось лишь одно имя, выборъ котораго объясняется артистическими наклонностями молодого писателя, — имя Ив. Аѳ. Дмитревскаго, котораго Фонвизинъ называлъ „человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ". Изъ своихъ сверстниковъ, принадлежавшихъ къ свѣтской молодежи, Фонвизинъ особенно близко сошелся съ Вас. Ал. Аграмаковымъ, своимъ будущимъ зятемъ, служившимъ въ то время въ конной гвардіи, и съ кн. Ф. А. Козловскимъ, служившимъ въ Преображенскомъ полку. „Склонности и сходство нравовъ соединили насъ такъ много, что произошло оттуда истинное дружество", писалъ Фонвизинъ объ Аграмаковѣ. Съ кн. Козловскимъ, кромѣ подобнаго же сходства нравовъ, могли сближать Дениса Ива-

новича литературные интересы: Ѳ. А. Козловскій († 1770) не безъ нѣкотораго успѣха пробовалъ свои силы въ прозѣ и стихахъ. Знакомство съ этимъ рано умершимъ писателемъ оставило глубокій слѣдъ въ воспоминаніяхъ Фонвизина. Козловскій ввелъ своего друга въ общество, о которомъ тотъ впослѣдствіи не могъ „безъ ужаса вспомнить, ибо лучшее препровожденіе времени состояло въ богохуленіи и кощунствѣ. Въ первомъ“, замѣчаетъ Фонвизинъ, „не принималъ я никакого участія и содрогался, слыша ругательство безбожниковъ; а въ кощунствѣ игралъ я и самъ не послѣднюю роль. Въ сіе время сочинилъ я Посланіе къ Шумилову, въ коемъ нѣкоторые стихи являютъ тогдашнее мое заблужденіе, такъ что отъ сего сочиненія у многихъ прослылъ я безбожникомъ“. Авторъ „Посланія къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“ въ шуточной формѣ касается философскаго вопроса, на которомъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливались мыслители XVIII в., вопроса о такъ называемыхъ конечныхъ причинахъ (causes finales), о цѣляхъ міроздaнія; отвѣтъ сатирика на этотъ вопросъ — безнадежно скептическій, если не вполнѣ отрицательный: „И самъ не знаю я, на что сей созданъ свѣтъ!“ Въ этомъ стихотвореніи, по словамъ Фонвизина, отрицалось лишь его мимолетное, поверхностное увлеченіе; въ глубинѣ души его таилось постоянно иное, религіозное настроеніе. Это настроеніе подверглось новому испытанію, когда все тотъ же кн. Козловскій познакомилъ Фонвизина съ какимъ-то старикомъ графомъ, который „ничему не вѣрилъ“. „Разсужденія его“ говоритъ Фонвизинъ, „были софистическія и безуміе явное, но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою“. Эти колебанія прекратились, душевное настроеніе Дениса Ивановича пришло въ прежнее равновѣсіе послѣ бесѣды съ Г. Н. Тепловымъ, человѣкомъ умнымъ, ловкимъ и немножко философомъ (онъ составилъ книгу: „Наставленія нравственной философіи, или знанія до философіи касающіяся“). Тепловъ посовѣтовалъ Фонвизину прочитать сочиненіе англійскаго писателя Самуэля Кларка: „Доказательства бытія Божія и истины христіанскія вѣры“. Книга такъ понравилась успокоившемуся скептику, что онъ рѣшился перевести ее на русскій языкъ и „издавъ въ свѣтъ сдѣлать нѣкоторую услугу соотчичамъ“. Тепловъ, которому сообщилъ о своемъ намѣреніи Фонвизинъ, замѣтилъ, что изданіе полнаго перевода можетъ встрѣтить затрудненія, и посовѣтовалъ сдѣлать лишь извлеченіе изъ книги Кларка. „Я послѣдовалъ совѣту Григорія Николаевича“, говоритъ Фонвизинъ, и „сдѣлалъ выписку изъ Кларка. Недавно я ее читалъ и нахожу за нужное поправить нѣчто, а впрочемъ выписка годится. Въ самомъ же концѣ моихъ „Признаній“ я ее прилагаю, сердечно желая, чтобы трудъ мой принесъ хотя нѣкоторую пользу благомыслящимъ читателямъ“. Признанія остались неоконченными. Не дошла до насъ и выписка изъ Кларка.

Литературные интересы и занятія Фонвизина сплетались и съ общественными и съ служебными его отношеніями. Начальникъ Фонвизина Иванъ Перфильевичъ Елагинъ считался въ свое время замѣ-

чательнымъ писателемъ: его переводы признавались „примѣрными на россійскомъ языкѣ“ („Словарь“ Новикова), его называли „первымъ нашимъ писателемъ въ прозѣ“ послѣ Ломоносова; начитанность Елагина казалась „изумительной“ („Извѣстіе“ Дмитревскаго). Сближеніе съ такимъ человѣкомъ не могло, конечно, не имѣть вліянія на дѣятельность 20-лѣтняго писателя. Извѣстно, что Фонвизинъ высоко цѣнилъ литературныя мнѣнія Елагина, дорожилъ его критическими замѣчаніями. „Не хочу видѣть мою комедію представленною,“ писалъ Фонвизинъ Елагину о „Бригадирѣ“, „прежде нежели вы мнѣ самую истину о ней сказать изволите, т.-е. прикажете выключить то, что вамъ не нравится, и прибавить то, что вамъ угодно. Ваша критика мнѣ необходима“. Въ одной изъ статей, написанныхъ Фонвизинымъ, ужъ въ концѣ жизни (1788 г.), сочиненія Елагина упоминаются, какъ образцы „россійскаго витійства“. Ближайшимъ сослуживцемъ Фонвизина былъ также писатель — Владимиръ Игнатьевичъ Лукинъ (1737—1794), авторъ комедій, пользовавшихся въ свое время извѣстностью. Лукинъ былъ секретаремъ Елагина, Фонвизинъ — его помощникомъ. Писатели сослуживцы не сумѣли сохранить добрыхъ отношеній. Лукинъ, правда, высоко цѣнилъ талантъ Фонвизина, признавалъ, что тотъ имѣетъ больше его „способности и знанія“, но это не мѣшало секретарю Елагина всячески вредить своему помощнику по службѣ. „Невозможно представить себѣ на мысль“, писалъ Фонвизинъ отцу (26 іюня 1766 г.), „всѣ тѣ злости, всѣ тѣ бездѣльническія хитрости, которыя употреблялъ онъ въ поврежденіе меня въ мысляхъ Ивана Перфильевича и всей его фамиліи“. Фонвизинъ отзывался о своемъ противникѣ какъ о человѣкѣ умномъ, хотя и неуживчивомъ; что же касается литературной дѣятельности Лукина, то она давала матеріалъ для обычной насмѣшливости остроумнаго сатирика. Гордый Лукинъ не могъ, конечно, простить этихъ насмѣшекъ. „Сей человѣкъ“, „читаемъ въ „Чистосердечномъ Признаніи“, „имѣющій, впрочемъ, разумъ, былъ безпримѣрнаго высокомѣрія и нравомъ тяжелъ пренесносно. Онъ упражнялся въ сочиненіяхъ на русскомъ языкѣ; физіономія ли моя, или весьма скромный мой отзывъ о его перѣ причиною стали его ко мнѣ ненависти. Могу сказать, что въ домѣ самаго честнаго и снисходительнаго начальника велъ я жизнь самую непріятнѣйшую отъ дѣйствія ненависти его любимца“. Фонвизинъ пытался вывести Елагина „изъ заблужденія“, надѣялся, что Елагинъ „узнаетъ мало-по-малу, что любилъ бездѣльника“. Но эти надежды не сбылись. Расположеніе министра къ своему секретарю осталось неизмѣннымъ. Въ 1769 г. Фонвизинъ писалъ Елагину изъ Москвы: „Ваше превосходительство изволите сами знать, что я для милліона резоновъ съ г. Лукинымъ быть вмѣстѣ не могу“. Вскорѣ послѣ этого Фонвизинъ дѣйствительно оставилъ службу при Елагинѣ.

Кромѣ упомянутаго выше „Посланія къ слугамъ“ и Выписки изъ Кларка, Фонвизинъ написалъ въ это время (1763—1768) нѣсколько оригинальныхъ произведеній въ стихахъ и въ прозѣ и издалъ нѣ-

сколько переводныхъ работъ. Предполагаютъ, что изъ немногихъ дошедшихъ до насъ стихотвореній Фонвизина къ этой именно порѣ относятся: „Къ уму моему“ (отрывокъ) и „Матюшка разнощикъ“ (извѣстно только по упоминанію въ словаряхъ Новикова и м. Евгенія и въ посланіи А. С. Хвостова). Въ письмѣ сестры Фонвизина Ѳ. Ив. Аграмаковой отъ 7 іюля 1765 г. упоминается привѣтствіе императрицѣ въ стихахъ, написанное Фонвизинымъ, по порученію Елагина, по случаю закладки церкви въ Академіи Художествъ: „Сегодня Василій Алексѣевичъ (Аграмаковъ) и братецъ Денисъ Ивановичъ поѣхали въ академію; тамъ празднество и сама государыня изволитъ присутствовать... Братецъ поѣхалъ нѣсколько и для того, что думаю, хоръ академіи будетъ пѣть его похвальные государынѣ стихи, которые велѣлъ ему сдѣлать Елагинъ... Стихи, которые не болѣе, какъ на девяти строкахъ, братецъ сдѣлалъ на одну матерію трижды и показалъ всѣ три сочиненія Елагину“. Въ припискѣ къ письму замѣчено: „стиховъ братцовыхъ въ академіи не пѣли, а пѣли стихи Теплова, которые очень дурны передъ братцевыми“. Переводныя работы Фонвизина этой поры: „Любовь Кариты и Полидора“, романъ Ж. Ж. Бартелеми (1763), „Торгующее дворянство противоположенное дворянству военному“, сочиненіе аббата Куайе (Coyer) съ приложеніемъ „особливаго о томъ же разсужденія г. Юстія“ (1766); „Сидней и Силли, или благодѣяніе и благодарность“, повѣсть Арно (1769); „Іосифъ“, поэма въ десяти пѣсняхъ, соч. г. Битобе (1769). Въ 1764 г. поставлена была на сценѣ комедія Фонвизина „Коріонъ“, написанная стихами. Вслѣдъ за Коріономъ появился знаменитый „Бригадиръ“. Время перваго изданія и перваго представленія этой комедіи неизвѣстно. Съ вѣроятностію можно отнести появленіе Бригадира къ 1768—1769 гг. Дмитревскій, пріятель Фонвизина, отправившійся въ августѣ 1767 г. за границу и составившій во время путешествія „Извѣстіе о русскихъ писателяхъ“, говоритъ и о Фонвизинѣ, но въ числѣ его произведеній еще не знаетъ Бригадира; въ іюльскомъ выпускѣ журнала „Пустомеля“ за 1770 г. упоминается о комедіи Фонвизина, которая „столько по справедливости разумными и знающими людьми была похваляема, что лутчаго и Моліеръ во Франціи своимъ комедіямъ не видалъ принятія и не желалъ“. Замѣтка относится, конечно, къ „Бригадиру“. Выраженія замѣтки указываетъ на то, что въ половинѣ 1770 г. комедія Фонвизина не была уже послѣдней литературной новинкой. По свидѣтельству самого Фонвизина „Бригадиръ“ написанъ почти одновременно съ Іосифомъ: „Тогда сдѣлалъ я Бригадира; скоро потомъ перевелъ Іосифа, и все сіе окончилъ въ Москвѣ... Я пріѣхалъ въ Петербургъ и привезъ съ собою Бригадира и Іосифа“. Подобное же указаніе находимъ въ письмѣ Фонвизина къ Елагину изъ Москвы: „я время мое провожу здѣсь весьма полезно... перевелъ Іосифа, напечаталъ Сиднея, пишу стихи, дописалъ почти свою комедію“.

Какъ „Сидней“, такъ и „Іосифъ“ появились въ печати въ 1769 г. Въ этомъ же, очевидно, году, возвратился Фонвизинъ въ Петербургъ

и привезъ съ собой „Бригадира“. Въ бумагахъ Фонвизина отысканы были: начало комедіи „Добрый наставникъ“ и отрывокъ другой какой-то комедіи. Предполагаютъ, что эти отрывки написаны вскорѣ послѣ „Бригадира“.

Изъ переводовъ Фонвизина особенный успѣхъ имѣла поэма „Іосифъ“, выдержавшая нѣсколько изданій (1769, 1780, 1787, 1790, 1802, 1819). Біографъ Фонвизина, кн. П. А. Вяземскій подсмѣивается надъ славянизмами Фонвизина въ Іосифѣ; ревностному карамзинисту „эти славянизмы напоминаютъ карикатурныя лица французскихъ водевилей“. Иначе судили современники переводчика. „Поэму Іосифъ, говоритъ Новиковъ, перевелъ прозою на Россійскій языкъ съ совершеннымъ искусствомъ. Въ переводѣ семъ держался онъ важности славенскаго и чистоты Россійскаго языка“. Для объясненія дѣла нужно припомнить замѣчаніе Карамзина объ Елагинскомъ періодѣ въ исторіи нашего литературнаго слога: „раздѣляя слогъ нашъ на эпохи, первую должно начать съ Кантемира, вторую съ Ломоносова; третію съ переводовъ славяно-русскихъ господина Елагина и его многочисленныхъ подражателей. Очевидно, и Фонвизинъ, какъ переводчикъ, принадлежалъ къ этой именно Елагинской эпохѣ.

Къ числу переводовъ можно отнести и комедію „Коріонъ“, представляющую передѣлку драмы Грессе (Gresset) Сидней. Не вполнѣ оригиналенъ по замыслу и Бригадиръ. Образцомъ для этой комедіи послужило одно изъ произведеній того датскаго писателя, съ которымъ Фонвизинъ познакомился еще въ университетѣ. Гольбергъ въ комедіи Jean de France выставляетъ молодого человѣка, побывавшаго въ Парижѣ, считающаго себя представителемъ высшей культуры, пренебрежительно относящагося къ родному языку и къ родному быту. Таковъ же и Иванушка Фонвизина. Замѣчательно, что въ одно время съ „Коріономъ“ Фонвизина (1764) поставлена была на сценѣ комедія „Французъ Русскій“, переложенная Елагинымъ изъ упомянутой комедіи; эту же, конечно, пьесу отмѣчаетъ „Драматическій словарь“ подъ заглавіемъ: „Жанъ де Моле, комедія въ 5 дѣйствіяхъ г. Елагина“; авторъ, по отзыву словаря, показываетъ развращеніе тѣхъ молодыхъ людей, „кои къ сожалѣнію нашему будучи въ чужихъ краяхъ, возвращаются подобными персонажу Жана де Моле, не обрѣтая ничего, кромѣ тщеславія и нетерпѣнія своего языка“. Комедія Фонвизина заставила забыть передѣлку Елагина. Литературныя достоинства комедіи, мастерское чтеніе автора доставили „Бригадиру“ рѣдкій, необыкновенный успѣхъ. „Надобно примѣтить, говоритъ Фонвизинъ, что я... читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе А. И. Бибикова и графа Гр. Гр. Орлова, который не приминулъ донести о томъ государынѣ. Императрица пожелала ознакомиться съ „Бригадиромъ“ въ передачѣ автора. 29-го іюня въ Петербургѣ Фонвизинъ представленъ былъ Екатеринѣ. Она прерывала чтеніе выраженіями своего одобренія, а выслушавъ всю пьесу, поблагодарила автора „всемилостивѣйшимъ привѣтствіемъ“. Затѣмъ Фонвизинъ читалъ свою

комедію у наслѣдника престола, у гр. Н. Ив. Панина, у кн. Зах. Гр. Чернышева и др., вездѣ выслушивая единодушныя похвалы. Кн. Козловскій говорилъ Фонвизину, что „весь Петербургъ наполненъ его комедіею, изъ которой многія острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ“. Тоже говорилъ ему гр. Н. Ив. Панинъ: „я васъ увѣряю, что нынѣ во всемъ Петергофѣ (гдѣ находился тогда дворъ) ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ о комедіи и о чтеніи вашемъ. Панинъ называлъ „Бригадира“ „первой комедіей въ нашихъ нравахъ“; его особенно заинтересовалъ характеръ Бригадирши: „я удивляюсь“, говорилъ Никита Ивановичъ Фонвизину, вашему искусству, какъ вы, заставя говорить такую дурищу во всѣ пять актовъ, сдѣлали однако роль ея столько интересною, что все хочется ее слушать; я не удивляюсь, если сія комедія столь много имѣетъ успѣха“. Эти извѣстія объ успѣхѣ „Бригадира“, переданныя самимъ Фонвизинымъ въ его „Признаніи“, подтверждаются и другими свидѣтельствами. Приведенная выше замѣтка „Пустомели“ говоритъ, что авторъ Бригадира выслушивалъ такія похвалы, какихъ, можетъ быть, не слыхалъ и Мольеръ. „Драматическій словарь“ (1787 г.) называетъ комедію Фонвизина „нравящеюся публикѣ“ и „невыходящею изо вкуса“; она и часто представлялась на театрахъ, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ, завсегда къ отмѣнному удовольстію зрителей“. Позднѣйшая критика указала нѣкоторые недочеты какъ въ построеніи комедіи, такъ и въ отдѣльныхъ подробностяхъ, но эти недочеты съ остаткомъ покрываются яркой характеристикой дѣйствующихъ лицъ: недалекой, забитой, но добродушной Бригадирши, взяточника и ханжи Совѣтника, русскаго француза Иванушки, крутого и грубаго Бригадира.

Служебное честолюбіе Фонвизина не удовлетворялось занятіями у Елагина. Повидимому и самое поступленіе Фонвизина на службу къ кабинетъ-министру состоялось лишь по желанію его родныхъ. Молодому человѣку казалось болѣе привлекательной служба въ иностранной коллегіи. Въ письмѣ къ роднымъ отъ 9 февраля 1764 г. (т.-е. спустя четыре мѣсяца послѣ начала занятій у Елагина), Фонвизинъ оправдывается въ какихъ-то отношеніяхъ въ коллегіи: „Напрасно думаете, чтобъ хотѣлъ я остаться въ коллегіи для того, чтобы всѣмъ тѣмъ огорчить васъ. Къ тому же я очень знаю, сколь много я любимъ вами, и сколь много счастье мое вамъ нужно“. Досада родныхъ имѣла однако основаніе. Вслѣдъ за приведенными словами Денисъ Ивановичъ сообщаетъ о своихъ планахъ относительно службы: онъ разсчитываетъ получить какое-то мѣсто при нашемъ резидентѣ въ Данцигѣ: „ce n'est pas loin d'ici, et je pourrais venir et revenir en Russie autant qu'il me plaira“, утѣшалъ родныхъ молодой чиновникъ. Это предположеніе о Данцигѣ не осуществилось. Спустя четыре года, въ 1768 г., секретарь Елагина жаловался роднымъ на невнимательность своего шефа. „Въ произволствѣ моемъ надежды никакой нѣтъ. По крайней мѣрѣ Иванъ Перфирьевичъ о томъ, кажется, уже забылъ... Онъ меня любитъ, да вся его любовь состоитъ только въ томъ, чтобъ

со мною отобѣдать и проводить время. О счастіи же моемъ не рачитъ онъ ни мало“. Фонвизинъ рѣшился „расквитаться“ съ Елагинымъ. Въ 1768 г. онъ выхлопоталъ себѣ продолжительный отпускъ и поселился въ Москвѣ. Въ слѣдующемъ году осуществилось желаніе Фонвизина: онъ расквитался съ Елагинымъ и вернулся къ первоначальной своей службѣ.

9 декабря 1769 г. по именному указу, Денисъ Фонвизинъ опредѣленъ былъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, во главѣ которой состоялъ въ это время гр. Ник. Ив. Панинъ, знавшій и оцѣнившій талантливость автора „Бригадира“. Кромѣ завѣдыванія иностранными дѣлами, у Панина была еще другая важная должность, „надзираніе надъ воспитаніемъ великаго князя Павла Петровича“. Служба при Панинѣ оказалась нелегкой. Въ письмахъ Фонвизина этой поры нерѣдко встрѣчаются оговорки о „крайнихъ недосугахъ“, о „стеченіи множества дѣлъ“, которыя занимаютъ все его время. „Время, конечно, у тебя“ мало, писалъ Фонвизину его пріятель В. Зиновьевъ, „и я на тебя не буду пенять, хотя и очень рѣдко будешь писать“. Обширная переписка, которую приходилось вести Фонвизину, была, большею частію, дополненіемъ къ его служебнымъ занятіямъ. По мѣткому замѣчанію кн. Вяземскаго, въ этой перепискѣ секретаря Панина „видимъ его, такъ сказать, проводникомъ, къ которому примыкали всѣ второстепенныя, содѣйствующія и предварительныя сношенія многосложныхъ пружинъ съ главнымъ побудителемъ политическаго движенія“. Извѣстны письма къ Фонвизину нашихъ пословъ въ Варшавѣ (Сальдерна и Штакельберга), Лондонѣ (Мусина-Пушкина), Мадритѣ (Зиновьева), Стокгольмѣ (гр. Остермана), Царьградѣ (Обрѣскова), секретаря посольства въ Варшавѣ Я. И. Булгакова и др. Сохранились и письма Фонвизина къ нѣкоторымъ изъ этихъ лицъ. Брату своего начальника П. Ив. Панину Фонвизинъ считалъ себя обязаннымъ сообщать постоянныя извѣстія о ходѣ политическихъ событій; въ приложеніяхъ къ письмамъ помѣщались копіи болѣе важныхъ и любопытныхъ дипломатическихъ бумагъ. Отъ этой же поры дошло до насъ нѣсколько писемъ Фонвизина къ роднымъ, изъ которыхъ видно, какіе трудные и тяжелые дни приходилось иногда переживать людямъ, близкимъ къ Н. Панину. Враждебное къ нему отношеніе могущественнаго кн. Орлова, придворныя интриги, вторгавшіяся въ дѣятельность министра и воспитателя цесаревича, не оставляли въ покоѣ и сотрудниковъ Панина. Въ одномъ изъ писемъ 1773 г. Фонвизинъ жалуется на интриги, какихъ „ни въ какомъ скадерномъ приказѣ нѣтъ“. „Все вертится“, пишетъ секретать Панина, „надъ бѣднымъ моимъ графомъ, котораго терпѣнію, кажется, конца не будетъ. Брата своего онъ сюда привезти боится, чтобъ еще скорѣе ему шеи не сломали, а здѣсь ни одной души не имѣетъ, кто бы ему былъ истинный другъ. Ужасное состояніе. Я ничего у Бога не прошу, какъ чтобъ вынесъ меня съ честью изъ этого ада“. Это ужасное состояніе было бы совершенно невыносимымъ, если бы Фонвизина не поддерживала свойственная ему

веселость и энергія духа, которыхъ онъ не терялъ среди самыхъ тягостныхъ обстоятельствъ. „Знай матушка", писалъ Фонвизинъ сестрѣ, что я весьма скучаю придворною жизнью. Ты вѣдаешь, созданъ ли я для нея. Между тѣмъ я положилъ за правило стараться вести время свое такъ весело, какъ могу, и если знаю, что сегодня въ такомъ-то домѣ будетъ мнѣ весело, то у себя дома не остаюсь". Было бы ошибкой видѣть въ этихъ словахъ указаніе только на свѣтскія развлеченія Фонвизина. Среди людей, въ обществѣ которыхъ находилъ онъ отдыхъ и отраду, было не мало лицъ, съ которыми связывали автора „Бригадира" литературные интересы. Онъ бывалъ у Державина, знакомъ былъ съ Княжнинымъ, Козодавлевымъ, Домашневымъ, Херасковымъ, Майковымъ, Богдановичемъ, Барковымъ. Съ нѣкоторыми изъ этихъ писателей Фонвизинъ встрѣчался въ литературномъ кружкѣ, собиравшемся у г-жи Мятлевой.

Въ 1773 г. гр. Панинъ получилъ въ награду богатыя помѣстья. Цѣня заслуги своихъ секретарей (Бакунина, Убри и Фонвизина), Панинъ подѣлился съ ними высочайшимъ подаркомъ. Фонвизину досталось имѣніе въ Витебской губерніи съ крѣпостнымъ населеніемъ въ 1180 чел. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что Фонвизинъ, кромѣ занятій по должности секретаря министра, исполнялъ нерѣдко и частныя порученія Никиты Ивановича и цесаревича.

Женился Фонвизинъ въ 1774 г. на вдовѣ Катеринѣ Ивановнѣ Хлоповой, рожд. Роговиковой. Передъ женитьбой, въ началѣ 1774 г. Фонвизинъ побывалъ въ Москвѣ; въ концѣ этого года онъ снова собирался пріѣхать въ родной городъ. Этотъ послѣдній пріѣздъ объясняется служебными отношеніями. Въ январѣ 1775 г. императрица Екатерина, вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ, отправилась въ Москву для празднованія окончанія турецкой войны, заключенія Кайнарджійскаго мира. Въ 1777 г. разстроившееся здоровье г-жи Фонвизиной потребовало климатическаго лѣченія, и мѣстомъ лѣченія было избрана южная Франція. Въ началѣ іюля Фонвизины выѣхали изъ Петербурга. На пути они останавливались въ Варшавѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Мангеймѣ, Страсбургѣ, Ліонѣ. Въ Монпелье, гдѣ лѣчилась Катерина Ивановна, они пробыли около двухъ мѣсяцевъ. „Житье въ Монпелье было не тщетно", по выраженію Фонвизина. Когда здоровье жены достаточно окрѣпло, Денисъ Ивановичъ „взялъ намѣреніе воспользоваться остающимся временемъ и посмотрѣть нѣкоторыя южныя французскія провинціи". Онъ посѣтилъ Лангедокъ, Провансъ, Дафинэ, Бургонь, Шампань. „Осмотрѣвъ все то, что заслуживало любопытство въ сихъ провинціяхъ", Фонвизинъ направился въ Парижъ, куда прибылъ 20 февраля 1778 г. Въ столицѣ Франціи русскіе путешественники пробыли полгода. Осенью 1778 г. они вернулись въ Петербургъ.

Человѣкъ, близкій къ Ник. Ив. Панину, сотрудникъ лица, руководившаго внѣшней политикой русскаго правительства, находилъ, конечно, радушный пріемъ и у нашихъ пословъ и при иностранныхъ дворахъ. Въ Варшавѣ русскій посланникъ Штакельбергъ „офрировалъ

намъ", замѣчаетъ Фонвизинъ, „домъ свой такъ, чтобъ мы его за нашъ собственный почитали". На куртагѣ секретарь Панина представленъ былъ королю. „Король" разсказываетъ Фонвизинъ, „подошедъ ко мнѣ, сказалъ, съ видомъ весьма ласковымъ, что онъ знаетъ меня давно по репутаціи и что весьма радъ видѣть меня въ своей землѣ. Потомъ спрашивалъ меня о состояніи здоровья жены моей и долго ли здѣсь останемся. На отвѣтъ мой, что я не могу имѣть счастіе долго здѣсь пробыть, сказалъ онъ мнѣ, что весьма о томъ жалѣетъ, что такое короткое время не позволяетъ ему оказать мнѣ всей аттенціи, которую бъ онъ хотѣлъ мнѣ сдѣлать". Въ Мангеймѣ, резиденціи курфирста Пфальцскаго, Фонвизинъ, зная „положеніе сего двора въ разсужденіи нашего", нашелъ нужнымъ представиться курфирсту. Ласково принятый при этомъ маленькомъ дворѣ, русскій путешественникъ изъ разговора съ курфирстомъ и его супругой убѣдился въ ихъ „просвѣщенномъ благоразуміи, усердіи къ нашему двору и большомъ уваженіи" къ Н. И. Панину. Передъ отправленіемъ въ Монпелье Фонвизинъ получилъ рекомендательныя письма къ маркизѣ Fraizeville, которая перезнакомила Дениса Ивановича и его жену со всей мѣстной знатью. Жившіе въ Парижѣ русскіе встрѣтили заѣзжаго соотечественника, какъ желаннаго гостя. „На другой день" (послѣ пріѣзда въ Парижъ), разсказываетъ Фонвизинъ, послалъ я къ секретарю нашего министра, чтобы онъ ко мнѣ пришелъ; вмѣсто секретаря Барятинскій самъ прискакалъ ко мнѣ верхомъ и, обошелся со мною, какъ съ роднымъ братомъ. Онъ меня взялъ съ собою и повезъ къ Шуваловой, Строгонову, Разумовскому и къ другимъ русскимъ". Гр. Шувалова и гр. Строгонова пріѣхали навѣстить жену Дениса Ивановича, не дожидаясь ея визита; онѣ хотѣли показать, что „желаютъ обходиться съ нами безъ всякихъ чиновъ", замѣчаетъ путешественникъ. „И дѣйствительно, мы всѣ видимся всякій день, — продолжаетъ Фонвизинъ. „Русскихъ здѣсь множество и всѣ живутъ какъ одна семья". Продолжительный отпускъ Фонвизина, его полугодовое пребываніе въ Парижѣ, свидѣтельствуя о вниманіи и расположеніи Панина къ своему секретарю, наводятъ вмѣстѣ съ тѣмъ на мысль, что при поѣздкѣ за границу Фонвизинъ могъ получить какое-нибудь особое служебное порученіе. По словамъ Клостермана, Фонвизинъ находился въ Парижѣ „по дѣламъ". Есть, впрочемъ, извѣстіе, объясняющее продолжительный отпускъ Фонвизина иначе: онъ будто бы принужденъ былъ уѣхать изъ Россіи потому, что навлекъ на себя неудовольствіе могущественнаго Потемкина.

Находясь за границей, Фонвизинъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ П. И. Панинымъ и съ московскими родными. Въ обширныхъ и интересныхъ письмахъ изъ Франціи русскаго сатирика читатель находитъ рядъ замѣтокъ о жизни двора и дворянства, о положеніи духовенства, объ административномъ и судебномъ строѣ французскаго королевства, о бытѣ крестьянъ, объ ученыхъ учрежденіяхъ и людяхъ, объ искусствѣ и артистахъ. Общій тонъ заграничныхъ писемъ Фонвизина вызвалъ рѣзкое осужденіе кн. Вяземскаго: „Дома бичъ пред-

разсудковъ, ревнитель образованности и успѣховъ разума, Фонвизинъ — путешественникъ смотритъ на все глазами предразсудка и только что не гласнымъ образомъ, а отрицательными умствованіями проповѣдуетъ выгоду невѣжества". Такъ ли? Фонвизинъ, по справедливому замѣчанію Н. С. Тихонравова, — „по природной склонности къ насмѣшливости, смотрѣлъ на заграничную жизнь глазами сатирика и описанія путешествій, служившія для него образцами, выбралъ также написанныя въ сатирическомъ родѣ". Но и оставаясь вѣрнымъ своему сатирическому таланту, Фонвизинъ не закрывалъ глаза передъ тѣми сторонами иноземнаго быта, которыя заслуживали уваженія и симпатіи. „Надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины", говоритъ онъ, если сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и подражанія достойнаго". Русскому путешественнику нравятся нѣкоторыя черты французскаго народнаго характера: „сердечная доброта, привязанность къ родинѣ". Французы, по отзыву Фонвизина — „нація просвѣщенная и, по справедливости сказать, человѣколюбивѣйшая". Это замѣчаніе о просвѣщенной націи показываетъ, чѣмъ именно дорожилъ и интересовался Фонвизинъ при изученіи европейской, въ частности — французской жизни: его вниманіе привлекала культура Франціи, ея наука, литература и искусство. Удивляясь „множеству способовъ просвѣщенія" во Франціи, Фонвизинъ старался воспользоваться этими способами для пополненія своего образованія: онъ учился юриспруденціи у французскаго адвоката, слушалъ курсъ экспериментальной физики у Бриссона, пригласилъ къ себѣ для чтенія лекцій какого-то „учителя философіи", знакомился съ французскими писателями, усердно пополнялъ свою библіотеку, посѣщалъ засѣданія ученыхъ и литературныхъ обществъ. Въ одномъ изъ такихъ обществъ или съѣздовъ (le rendez-vous de la république des lettres et des arts) русскій писатель выступилъ съ сообщеніемъ объ особенностяхъ родного языка: „я имѣлъ удачу понравиться въ собраніи разсказываніемъ о свойствѣ нашего языка" замѣчаетъ онъ въ одномъ изъ писемъ къ роднымъ. По поводу своихъ занятій правовѣдѣніемъ, Фонвизинъ выражается такъ: „Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много не совмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь, напротивъ того, общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и въ способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдкими умами". Находясь въ Парижѣ, авторъ „Бригадира" не могъ, конечно, не заинтересоваться французскимъ театромъ. Отъ комедіи французской Фонвизинъ въ восторгѣ: „Что принадлежитъ до спектаклей", пишетъ онъ, „то комедія возведена здѣсь на возможную степень совершенства. Нельзя, смотря ее, не забываться до того, чтобъ не почесть ее истинною исторіею, въ тотъ моментъ происходящею. Я никогда себѣ не воображалъ видѣть подражаніе натурѣ столь совершеннымъ. Словомъ, комедія, въ своемъ родѣ, есть лучшее, что я въ Парижѣ видѣлъ".

Говоря о французской литературѣ, Фонвизинъ не скрываетъ недостатковъ нравственнаго характера нѣкоторыхъ писателей, какъ бы ни былъ великъ ихъ талантъ и литературный авторитетъ; онъ говоритъ объ этихъ недостаткахъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ, но самая рѣзкость этихъ выраженій свидѣтельствуетъ о силѣ впечатлѣнія, оставленнаго въ душѣ нашего писателя произведеніями французской литературы. „Не могу вамъ довольно изъяснить“, пишетъ онъ, „какими скадерами нашелъ я въ натурѣ тѣхъ людей, коимъ сочиненія вселили въ меня душевное къ нимъ почтеніе“. Въ этихъ словахъ слышится разочарованіе и обида; русскому писателю до боли досадно оттого, что нравственный уровень французской литературной среды оказался не соотвѣтствующимъ высотѣ талантовъ, блестѣвшихъ въ этой средѣ. Фонвизинъ цѣнилъ писателей, которые „соединили свои знанія съ поведеніемъ“. Такими, по его суду, оказались Руссо, съ которымъ, впрочемъ, русскому путешественнику не удалось познакомиться, и Тома (Thomas), авторъ „Похвальнаго слова Марку Аврелію“, которое переведено было Фонвизинымъ на русскій языкъ. „Судьба не велѣла мнѣ видѣть славнаго Руссо, пишетъ Фонвизинъ сестрѣ. Твоя, однакожъ, правда, что чуть ли онъ не всѣхъ почтеннѣе и честнѣе изъ господъ философовъ нынѣшняго вѣка. По крайней мѣрѣ, безкорыстіе его было строжайшее“. О Томѣ нашъ писатель отзывается такъ: „Исключая Томаса, котораго кротость и честность мнѣ очень понравились, нашелъ я почти во всѣхъ другихъ много высокомѣрія, лжи, корыстолюбія и подлѣйшей лести! Одинъ изъ историковъ французской литературы называетъ Тома, любимца нашего сатирика, un homme de bien qu'aucun soupçon ne peut atteindre et qui echappa complétement à la contagion morale dans un siècle de licence... philosophe à la manière des anciens, disciple d'Epictete et de Marc-Aurèle égaré parmi epicuriens“. Что касается сужденій нашего писателя объ общественныхъ отношеніяхъ и административныхъ порядкахъ Франціи, то для правильной оцѣнки этихъ сужденій нужно припомнить время, къ которому относятся наблюденія Фонвизина, — время, когда старый государственный строй, ancien régime, доживалъ свои послѣдніе дни. Французскіе историки пользуются письмами Фонвизина, какъ цѣннымъ матеріаломъ для изображенія нѣкоторыхъ сторонъ быта дореволюціонной Франціи. Въ исторической хрестоматіи (Lectures historiques) по исторіи новаго времени, составленной Ж. Лакуръ-Гайе, приведено нѣсколько отрывковъ изъ писемъ Фонвизина, рисующихъ „сцены провинціальной жизни“ (гл. XVIII, отд. II); отрывки приведены по французскому переводу, изданіе съ предисловіемъ Мельхіора де Вогюэ. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что дѣлясь съ своими корреспондентами наблюденіями надъ европейской жизнью, авторъ никогда не забывалъ своего Ивинушку. Онъ боялся и тѣни сходства съ тѣми людьми, которые выдавали себя за знатоковъ и поклонниковъ европейскаго образованія, не понимая на самомъ дѣлѣ и не умѣя понимать истиннаго смысла этого образованія. „Я очень радъ, что видѣлъ чужія края, пишетъ

Фонвизинъ сестрѣ. По крайней мѣрѣ, не могутъ мнѣ импозировать наши Jean de France. Спору нѣтъ, много есть (здѣсь) очень хорошаго, но повѣрь же мнѣ, истинно хорошаго сіи господа, конечно, и не примѣчали; оно ушло отъ ихъ вниманія. Можно вообще сказать, что хорошее здѣсь найдешь, поискавши, а худое само въ глаза валитъ". Въ этихъ послѣднихъ словахъ открывается передъ нами сатирикъ. Худое ему „въ глаза валитъ"; поэтому и картины, изображающія это худое, выходили подъ его перомъ болѣе живыми, болѣе колоритными, чѣмъ замѣтки о „хорошемъ и подражанія достойномъ"...

Въ 1771 г. А. П. Сумароковъ въ Послѣсловіи къ своему „Дмитрію Самозванцу" жаловался на то, что въ драматической литературѣ „ввелся новый и пакостный родъ слезныхъ комедій; эти комедіи вползли уже въ Москву, не смѣя появиться въ Петербургѣ, нашли всенародную похвалу и рукоплесканіе". Александръ Петровичъ напрасно утѣшалъ себя, предполагая, что петербургская сцена останется вѣрною строго-классическимъ преданіямъ. Слезныя комедіи имѣли одинаковый успѣхъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Еще въ 1765 г. знакомый намъ соперникъ Фонвизина В. И. Лукинъ въ предисловіи къ пьесѣ: „Мотъ любовію исправленный" говорилъ о любителяхъ „жалостныхъ комедій", объ успѣхѣ пьесъ Детуша (Destouches) и Нивель де-ла-Шоссе (Nivelle de-la-Chaussée). „Одна и весьма малая часть партера любитъ характерныя, жалостныя и благородными мыслями наполненныя, а другая, и главная, веселыя комедіи. Вкусъ первыхъ съ того времени утвердился, какъ они увидѣли де-Тушевы и Шоссевы комедіи". О покровительствѣ Лукина Ив. П. Елагинѣ сохранилось извѣстіе, что онъ перевелъ „почти всѣ драматическія сочиненія Детуша". Вмѣстѣ съ переводами жалостныхъ комедій стали появляться и оригинальныя произведенія этого рода. Къ слезнымъ комедіямъ принадлежатъ по литературному характеру и „Недоросль" Фонвизина. По вѣрному замѣчанію князя Вяземскаго, въ содержаніи комедіи „Недоросль" и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ: разумѣется, что трагедія будетъ не по греческой или по французской классической выкройкѣ, но не менѣе того развязка можетъ быть трагическая"; впрочемъ, и въ данной Фонвизинымъ развязкѣ „Недоросля", въ этомъ крикѣ отчаянія, вырвавшемся изъ сердца Простаковой: „Нѣтъ у меня сына"! есть несомнѣнный трагизмъ. Біографъ и критикъ Фонвизина находитъ въ „Недорослѣ" одинъ недостатокъ: „недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва ли найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка". Но эти недостатки въ построеніи драмы оставались незамѣтными и ничтожными для современниковъ Фонвизина: они забывали о разматываніи драматическаго клубка, когда передъ ними развертывалась поразительная картина „злонравія", выросшаго на почвѣ крѣпостныхъ отношеній, — картина дикаго произвола, одинаково гибельнаго для

господъ и рабовъ. „Недоросль“, по словамъ Фонвизина, имѣлъ „полный успѣхъ“ (Письмо къ Медоксу). Въ „Драматическомъ словарѣ“ отмѣчено, что при первомъ представленіи „Недоросля“ несравненно театръ былъ наполненъ и публика апплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ (подарковъ артистамъ). Заслужившая „вниманіе отъ публики“ и „принятая съ отмѣннымъ удовольствіемъ отъ всѣхъ“, комедія „почасту на санктпетербургскомъ и московскомъ театрахъ была представляема“. Сохранилось преданіе, что Потемкинъ, выходя изъ театра и увидѣвъ сочинителя, съ обыкновеннымъ своимъ просторѣчіемъ сказалъ ему, шутя: „Умри теперь, Денисъ, или хоть больше ничего ужъ не пиши: имя твое безсмертно будетъ по этой одной піесѣ“ (Словарь м. Евгенія).

Въ мрачныя картины „злонравія и порока драматурги стараго времени вводили, обыкновенно, нѣсколько свѣтлыхъ образовъ, олицетворявшихъ добро и правду. Эти добродѣтельныя лица рѣдко увеличиваютъ художественное достоинство комедіи, но они важны для ознакомленія съ взглядами и симпатіями драматурговъ. Въ „Недорослѣ“ главнымъ представителемъ воззрѣній автора выступаетъ Стародумъ, умоначертаніе котораго указывается отчасти его именемъ: „отецъ мой воспиталъ меня по тогдашнему“, говоритъ Стародумъ. „Служилъ онъ Петру Великому. Тогда одинъ человѣкъ назывался ты, а не вы; тогда не знали еще заражать людей столько, чтобъ всякій считалъ себя за многихъ. Зато нонче многіе не стоютъ одного“. Въ этомъ противопоставленіи „тогда“ и „нонче“, былого и настоящаго, Фонвизинъ сходится съ нѣкоторыми современными ему писателями, какъ Новиковъ, Болтинъ и др. „Въ старину думали“, читаемъ въ Трутнѣ, „что для украшенія разума науками надлежитъ цѣлый жить вѣкъ, то-есть посвятить себя наукамъ... изъ чего сдѣлали пословицу: Вѣкъ живи и вѣкъ учись. Но молодые наши дворяне, увидя ясно невѣжество предковъ своихъ, изъ сего заблужденія вышли и изъ стараго правила сдѣлали новое: Недѣлю учися и вѣкъ живи“. Въ выраженіи Новиковскаго журнала: „въ старину думали“ слышится, очевидно, голосъ такого же Стародума, какого рисуетъ Фонвизинъ. Было бы, однако, ошибкой причислять Фонвизина или Новикова къ людямъ, которые помѣщаютъ всѣ свои симпатіи въ быломъ, которые томятся страннымъ желаніемъ остановить движенія исторической жизни или даже направить это движеніе вспять. Авторъ „Недоросля“, съ такой силой изображавшій недугъ стараго быта, не могъ, конечно, быть сторонникомъ попятнаго движенія. Пользуясь идеализаціей былого для болѣе яркаго освѣщенія непригляднымъ сторонъ современности, Фонвизинъ не пропускалъ, однако, случая, когда могъ высказаться противъ „стариннаго рабства“ и невѣжества. Въ „Сокращенномъ описаніи житія графа Никиты Ивановича Панина“, представляющемъ въ сущности не біографію этого министра, а идеальное изображеніе „добродѣтельнаго мужа“, Фонвизинъ рисуетъ достоинства государственнаго человѣка такими чертами: „По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей пове-

деніемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ націи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ и пр. Не могъ онъ терпѣть, чтобъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластіемъ частныя комиссіи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленія. Съ содроганіемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный... всякій подвигъ презрительной корысти и пристрастія, всякій обманъ, обольщающій очи государя или публики, всякое низкое дѣйствіе душъ, заматерѣвшихъ въ робости стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастіемъ на знаменитыя степени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу".

Племянникъ автора „Недоросля" М. А. Фонвизинъ сохранилъ извѣстіе, что по порученію и подъ руководствомъ Н. Панина Денисомъ Ивановичемъ составленъ былъ проектъ государственныхъ реформъ. Въ проектѣ шла рѣчь о верховномъ совѣтѣ, которому предполагалось предоставить законодательную власть, о губернскихъ и уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ, о постепенномъ освобожденіи крѣпостныхъ. Теперь извѣстно лишь введеніе къ этому акту, содержащее общія разсужденія, мотивировавшія, очевидно, потребность реформы. Рѣзкими чертами изображается здѣсь тяжелое положеніе государства при господствѣ временщиковъ и любимцевъ, когда „никто не намѣренъ заслуживать, всякой ищетъ выслуживать!" Въ самомъ дѣлѣ, „посвятя жизнь свою военной службѣ, лестно ли дослужиться до полководства, когда вчерашній капралъ, неизвѣстно кто, и сказать стыдно, за что становится сегодня полководцемъ и принимаетъ начальство надъ заслуженнымъ и ранами покрытымъ офицеромъ? Авторъ проекта пытается выяснить истинныя основы государственнаго благосостоянія: „при изслѣдованіи, въ чемъ состоитъ величайшее благо государствъ и народовъ, и что есть истинное намѣреніе всѣхъ системъ законодательства, найдемъ необходимо два главнѣйшіе пункта: вольность и собственность". Окружавшая писателя дѣйствительность была далека отъ живого осуществленія этихъ пунктовъ. „Представимъ себѣ", говоритъ Фонвизинъ, „государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ исцомъ и судьею надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый, слѣдственно, можетъ быть или тиранъ или жертва... гдѣ народъ, пресмыкаясь во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства". Любопытно для объясненія дѣла сопоставить эти замѣчанія Фонвизина и Панина съ нѣкоторыми мѣстами изъ писемъ (1778—1779) цесаревича Павла Петровича къ П. И. Панину: „По несчастію употребляются они (государственные доходы) или на то, чтобъ доставить себѣ удовольствія... или на то, чтобы окружить себя людьми, кои, недовольствуясь милліонами, которые имъ даются, удвояютъ расходъ ихъ непорядочнымъ поведеніемъ и правленіемъ частей своихъ".— „Спо-

койствіе внутреннее зависитъ отъ спокойствія каждаго человѣка, составляющаго общество; чтобъ каждый былъ спокоенъ, то должно, чтобъ его собственныя, такъ и другихъ, подобныхъ ему, страсти были обузданы, — чѣмъ ихъ обуздать инымъ, какъ законами? Они общая узда, и такъ должно о семъ фундаментѣ спокойствія общаго подумать. Здѣсь опять воспрещаю себѣ болѣе о семъ говорить, ибо нечувствительно сіе разсужденіе довело бы меня до того пункта, отъ котораго твердость и непоколебимость законовъ зависитъ, утверждая навсегда бытіе и состояніе на вѣчность каждаго и рода его“... Сохранилось преданіе, что проектъ реформъ составленъ былъ Панинымъ и Фонвизинымъ съ вѣдома вел. кн. Павла Петровича и его супруги Натальи Алексѣевны, сочувствовавшихъ предположеніямъ реформаторовъ. Мысли, выраженныя въ проектѣ, должны были лечь въ основу законоположенія, которому Павелъ Петровичъ имѣлъ въ виду придать, по своемъ воцареніи, значеніе государственнаго устава.

Важныхъ государственныхъ и общественныхъ вопросовъ касается Фонвизинъ и въ нѣкоторыхъ литературныхъ своихъ работахъ. Въ „Челобитной Россійской Минервѣ“, вызванной, какъ догадываются, столкновеніемъ Державина съ кн. А. А. Вяземскимъ, обращается вниманіе „Минервы“ на положеніе литературы, на правовыя отношенія россійскихъ писателей: они жалуются въ своей челобитной на „знаменитыхъ невѣждъ“, которые „постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ“. Глубоко серіозное значеніе имѣютъ также нѣкоторые „Вопросы“ Фонвизина, обращенные „къ автору „Былей и небылицъ“. Въ „Бригадирѣ“ набросанъ портретъ отставного взяточника, который откровенно сознается, что бралъ и съ виновныхъ и съ правыхъ: „Я самъ бывалъ судьею“, говоритъ Совѣтникъ, „виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ“. Такимъ образомъ, „правосудіе претворилось въ торжище“, какъ и замѣчено въ предисловіи къ проекту реформъ. Въ „Вопросахъ“ Фонвизинъ осторожно намекаетъ на гласность судопроизводства, какъ на одну изъ мѣръ для прекращенія „торжища“: „Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства“ (вопр. 5-й). Екатерина отвѣчаетъ шуткой: „Для того, что вольныхъ типографій до 1782 г. не было“. — Вопросъ 10-й („Отчего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?“) имѣлъ цѣлью напомнить автору „Былей и небылицъ“ былые годы, пору Наказа и Комиссіи объ уложеніи. Вопросъ 21 („Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ“) любопытенъ, какъ показатель пробудившейся въ русскомъ обществѣ потребности національнаго самоопредѣленія; Фонвизинъ не безъ причины предложилъ этотъ вопросъ императрицѣ Екатеринѣ: онъ помнилъ тѣ замѣчанія о „народномъ умствованіи“, которыя внесены были въ „Наказъ“ подъ вліяніемъ взглядовъ Монтескье: „многія вещи господствуютъ надъ человѣкомъ: вѣра, климатъ, законы, правила, принятыя

въ основаніе отъ правительства, примѣры дѣлъ прешедшихъ, нравы, обычаи. Отъ сихъ вещей рождается общее въ народѣ умствованіе съ оными сообразуемое... Законоположеніе должно примѣнять къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности и (гл. VI, § 45, 46, 57).

31 марта 1783 г. умеръ Н. Ив. Панинъ. Вскорѣ послѣ его смерти Фонвизинъ вышелъ въ отставку „съ чиномъ статскаго совѣтника и ежегоднымъ пенсіономъ въ 3 т. рублей изъ почтовыхъ доходовъ". (Зап. Клостермана.)

Въ исторіи нашего просвѣщенія 1783 г. памятенъ, какъ годъ учрежденія Россійской академіи.

Въ спискѣ лицъ, вступившихъ въ члены академіи при ея открытіи (20 окт.), значится и имя Фонвизина. Онъ посѣщалъ первыя засѣданія новаго учрежденія, принималъ дѣятельное участіе въ его работахъ. Вскорѣ послѣ открытія академіи при ней образована была комиссія (отрядъ), которая должна была выработать руководящія правила для составленія словаря русскаго языка. Въ составъ отряда вошли: митрополитъ Гавріилъ Петровъ, Фонвизинъ, Леонтьевъ, Румовскій и Лепехинъ. „Планъ или начертаніе словаря, послужившее основою для дальнѣйшихъ работъ", говоритъ историкъ Россійской академіи „представленъ въ академію какъ „сочиненное отрядомъ", но есть основаніе полагать, что истиннымъ авторомъ его былъ Фонвизинъ. Онъ, а не кто другой изъ членовъ, читалъ начертаніе въ собраніи Россійской академіи; онъ же горячо отстаивалъ начертаніе и въ личныхъ бесѣдахъ и въ письменныхъ сношеніяхъ съ своими сочленами". Главныя возраженія противъ начертанія сдѣланы были Болтинымъ. Фонвизинъ отвѣчалъ на эти возраженія въ формѣ письма къ О. И. Козодавлеву. Кромѣ этого труда, Фонвизинъ, по порученію академіи, составилъ аналогическую таблицу буквъ К. и Л. (т.-е. списокъ словъ, начинающихся этими буквами), выбиралъ слова изъ „Лѣтописца архангелогородского", записывалъ „охотничьи термины" со словъ П. Ив. Панина, собиралъ „производныя и сложныя слова отъ глагола *дать*", продолжалъ также работать надъ своимъ „Сословникомъ".

Изъ письма Дениса Ивановича къ кн. Дашковой узнаемъ, что словарныя работы были закончены и представлены въ академію въ началѣ 1784 г. Фонвизинъ жилъ въ это время въ Москвѣ. Лѣтомъ 1784 г. онъ отправился вмѣстѣ съ женой въ заграничное путешествіе, продолжавшееся цѣлый годъ. Маршрутъ былъ такой: Пруссія, Саксонія, Баварія, Тироль, Италія. Путешественники останавливались въ Кенигсбергѣ, Лейпцигѣ, Нюренбергѣ, Аугсбургѣ, Инсбрукѣ, Боценѣ; въ Италіи пробыли около 8 мѣс. На обратномъ пути останавливались въ Вѣнѣ, чтобы посовѣтоваться съ „славнымъ вѣнскимъ медикомъ Столле". Вернувшись на родину лѣтомъ 1785 г., Фонвизины поселились въ Москвѣ.

Связи съ міромъ дипломатическимъ и придворнымъ поддерживались Фонвизинымъ и послѣ отставки. Слѣды этого есть въ его письмахъ

изъ-за границы. Въ Аугсбургѣ явился къ нему „русскій нашъ агентъ Кизовъ, къ которому Безбородко писалъ... сильную рекомендацію“. Въ Пизѣ Фонвизинъ видѣлся съ С. Ром. Воронцовымъ, русскимъ посломъ въ Венеціи. Въ Ливорно нашъ консулъ далъ русскимъ путешественикамъ „большой обѣдъ и пригласилъ лучшихъ людей“. Посолъ въ Вѣнѣ кн. Д. М. Голицынъ принялъ Фонвизина „очень хорошо“. Сестра императора Іосифа II, эрцгерцогиня Елизавета, жившая въ Инсбрукѣ, узнавъ о пріѣздѣ Фонвизина, пожелала съ нимъ познакомиться; прощаясь съ путешественникомъ, герцогиня поручила ему „сказать ея поклонъ“ великому герцогу Тосканскому и королевѣ Неаполитанской. Во Флоренціи, Римѣ, Венеціи Фонвизинъ познакомился съ мѣстной знатью.

Въ письмахъ изъ Германіи и Италіи раздражительность и ворчливость сатирика выказываются еще сильнѣе, чѣмъ въ письмахъ изъ Франціи 1777—1778 гг. По поводу этой раздражительности нужно замѣтить, что въ нѣкоторой, быть можетъ, даже въ очень значительной мѣрѣ, она объясняется болѣзненностью путешественика. „Я наслѣдовалъ... отъ матери моей“, говоритъ Фонвизинъ въ „Признаніи“, „головную боль, которою она во всю жизнь страдала, и которая, промучивъ меня во все время моего младенчества, юношества и большую часть совершенныхъ лѣтъ, лишила меня многихъ способовъ къ счастію, напримѣръ: въ университетѣ пропускалъ я многія важныя лекціи за головною болью, въ юношествѣ головная боль мѣшала мнѣ часто показать мою исправность въ отправленіи службы“. Такимъ людямъ, какъ авторъ „Признанія“, нужны привычныя удобства, опредѣленный образъ жизни, возможность покоя и отдыха. Путешествіе, нарушающее установившіяся привычки, можетъ оказаться для нихъ мукой. Въ заграничныхъ письмахъ Фонвизина разбросано нѣсколько замѣтокъ о мучительныхъ пароксизмахъ, которые пришлось ему вынести во время дороги. Эти болѣзненныя ощущенія должны были, конечно, оставить темный налетъ и на путевыхъ наблюденіяхъ. „Сказать могу безпристрастно“, пишетъ Фонвизинъ сестрѣ, „что отъ Петербурга до Нюренборга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно. Здѣсь во всемъ генерально хуже нашего; люди, лошади, земля, изобиліе въ нужныхъ съѣстныхъ припасахъ, словомъ: у насъ все лучше и мы больше люди, нежели нѣмцы“. Позже знакомство съ Италіей заставило Фонвизина смягчить сужденіе о нѣмцахъ: „Дороговизна въ Веронѣ ужасная: за все про все червонный. Я договорился съ хозяиномъ, потому что въ Италіи безъ договору за рюмку водки заплатишь червонный. Надобно отдать справедливость нѣмецкой землѣ, что въ ней житье вполы дешевле и вдвое лучше“. „Рады мы, что Италію увидѣли, но можно искренно признаться, что если бъ мы дома могли такъ ее вообразить, какъ нашли, то, конечно бы, не поѣхали. Одни художества стоятъ вниманія, прочее все на Европу не походитъ“. Лишь только рѣчь заходитъ объ италіанскомъ искусствѣ, тонъ писемъ мѣняется. Осматривая церкви и дворцы въ Болоньѣ, Фонвизинъ вездѣ находилъ „сокровища неизреченныя“.

Памятники искусства, собранныя въ Флорентійской галлереѣ, „составляютъ прямыя государственныя сокровища“, по выраженію нашего путешественника. Соборъ св. Петра въ Римѣ поразилъ и очаровалъ его: „кажется сей храмъ создалъ Богъ для самого себя. Здѣсь можно жить сколько хочешь лѣтъ и всякій день захочешь быть въ церкви св. Петра. Чѣмъ больше ее видишь, тѣмъ больше видѣть ее хочешь; словомъ, человѣческое воображеніе постигнуть не можетъ, какова эта церковь. Надобно непремѣнно ее видѣть, чтобъ имѣть о ней истинное понятіе. Я всякій день хожу въ нее раза по два“...

По возвращеніи изъ заграничнаго путешествія Фонвизину, по его словамъ (въ „Разсужденіи о суетной жизни человѣческой“) „представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость“. На что именно намекаютъ эти слова — не знаемъ; знаемъ только, что возвышеніе не состоялось, да и не могло состояться. Въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ Фонвизинъ жалуется „на слабость нервовъ и онѣмѣніе лѣвой руки и ноги, оставшіяся послѣ жестокой въ Римѣ болѣзни“. Эта болѣзнь была предвѣстницей паралича, который поразилъ Дениса Ивановича въ Москвѣ 29 августа 1785 г. Клостерманъ, посѣтившій Фонвизина въ декабрѣ этого года, такъ описываетъ состояніе своего несчастнаго друга: „Онъ страдалъ разслабленіемъ всѣхъ членовъ и едва владѣлъ языкомъ. Въ тусклыхъ глазахъ его засвѣтился лучъ радости, когда я подошелъ къ его постели; онъ хотѣлъ, но не могъ обнять меня, силился привѣтствовать меня словами, но языкъ не слушался и произносилъ невнятные звуки. Наконецъ удалось ему подать мнѣ лѣвую руку, которую я прижалъ къ груди своей... Правая у него совсѣмъ отнялась, такъ что онъ и двигать ею не могъ, и пытался писать лѣвою, но выводилъ по бумагѣ какіе-то знаки, по которымъ съ трудомъ можно было догадаться, что ему хотѣлось выразить. Душевныя способности также ослабли; но кушалъ онъ отлично и, не взирая на запрещеніе врача, требовалъ то того, то другого изъ любимыхъ снѣдей. Въ случаѣ отказа, вслѣдствіе неудобоваримости, онъ велъ себя, какъ малый ребенокъ, и нужно было пускать въ ходъ даже строгость, чтобы онъ успокоился“.

Въ іюнѣ 1786 г. Катерина Ивановна Фонвизина отправилась съ больнымъ мужемъ за границу. Продолжительное лѣченіе въ Вѣнѣ и Карлсбадѣ было не безполезно. Денисъ Ивановичъ могъ вести въ это время дневникъ, писалъ письма. Дневникъ интересенъ по нѣкоторымъ замѣткамъ, въ которыхъ пробивается живой и колкій юморъ автора, не поддававшійся, какъ видно, гнету недуга. Въ Лихвинѣ больному пришлось пустить кровь. По этому поводу Фонвизинъ вноситъ въ дневникъ такую замѣтку: „хотя московскій мой врачъ, филологъ и мартинистъ, увѣрялъ меня, что по дорогѣ, кромѣ кузнецовъ, лекарей никакихъ нѣтъ, однако въ Лихвинѣ сыскали мнѣ лекаря, который пустилъ мнѣ тотчасъ кровь поискуснѣе самого филолога“. На обратномъ пути изъ-за границы Фонвизины остановились въ Кіевѣ. Провожавшій ихъ мальчикъ долго стучался у воротъ гостиницы. „Наконецъ вышелъ на

крыльцо хозяинъ и закричалъ: Кто стучится? На сей вопросъ провожавшій насъ мальчикъ закричалъ: „Отворяй: родня Потемкина". Лишь только произнесъ онъ сію ложь, въ эту минуту ворота отворились, и мы въѣхали благополучно. Тутъ почувствовали мы, что возвратились въ Россію". Подъ вліяніемъ болѣзни измѣнились, повидимому, и сужденія Фонвизина объ отечествѣ. Прежде онъ находилъ, что „у насъ все лучше", чѣмъ у сосѣдей. Теперь, перебравшись за русскую границу, онъ „возблагодарилъ внутренно Бога, что Онъ вынесъ его изъ той земли, гдѣ онъ страдалъ столько душевно и тѣлесно". Въ началѣ дневника, объясняя причины отъѣзда изъ Москвы, Фонвизинъ говоритъ: „совѣтъ вѣнскаго моего медика Столя и мучительная электризація, которою меня безполезно терзали, рѣшили меня поспѣшить отъѣздомъ въ чужіе края и избавиться Москвы, которая стала мнѣ ненавистна. Сія ненависть такъ глубоко въ сердцѣ моемъ вкоренилась, что, думаю, по смерти не истребится". Конечно, эти замѣчанія о Россіи и Москвѣ выражаютъ такое же преходящее, мимолетное настроеніе, какъ и другая, противоположная замѣтка: „у насъ все лучше"... При спокойномъ состояніи духа Фонвизинъ говорилъ иначе. Онъ ставилъ вопросъ: „Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?"

Осенью 1787 г. Фонвизины вернулись въ Россію и поселились въ Петербургѣ. Болѣзнь, нѣсколько ослабленная заграничнымъ лѣченіемъ, не оставляла однако Фонвизина. Лѣтомъ 1789 г. онъ ѣздилъ для лѣченія въ Ригу, Бальдонъ и Митаву. Сохранился журналъ этой поѣздки, представляющій, по выраженію кн. Вяземскаго, „журналъ страдальца и по мученіямъ и по самымъ средствамъ исцѣленія, которыя онъ претерпѣвалъ". Здоровье не возвращалось.

По пословицѣ, бѣда не приходитъ одна. Къ страданіямъ отъ болѣзни присоединились тревоги и хлопоты, вызывавшіяся денежными затрудненіями и продолжительной тяжбой съ барономъ Медемъ, неисправнымъ арендаторомъ витебскаго имѣнія Фонвизина. По дѣламъ этого имѣнія Денисъ Ивановичъ побывалъ въ Бѣлоруссіи въ 1792 г., незадолго до смерти. Въ запискахъ Ив. Ив. Дмитріева сохранился разсказъ о свиданіи его съ Фонвизинымъ по возвращеніи послѣдняго изъ поѣздки въ Витебскую губернію. Дмитріевъ былъ у Державина. Пріѣхалъ Фонвизинъ. „Онъ вступилъ въ кабинетъ Державина, поддерживаемый двумя молодыми офицерами, выпущенными изъ Шкловскаго кадетскаго корпуса и пріѣхавшими съ нимъ изъ Бѣлоруссіи. Онъ уже не могъ владѣть одною рукою; равно и одна нога одеревянѣла: обѣ поражены были параличемъ; говорилъ съ крайнимъ усиліемъ и каждое слово произносилъ голосомъ охрипшимъ и дикимъ, но большіе глаза его быстро сверкали. Первый, брошенный на меня, взглядъ привелъ меня въ смятеніе. Разговоръ не замѣшкался". Фонвизинъ говорилъ о своихъ прежнихъ литературныхъ работахъ, а затѣмъ „сказалъ хозяину, что

онъ привезъ ему свою комедію: „Гофмейстеръ“ („Выборъ гувернера?“). Хозяинъ и хозяйка изъявили желаніе выслушать эту новость. Онъ подалъ знакъ одному изъ своихъ вожатыхъ. Тотъ прочиталъ комедію однимъ духомъ. Въ продолженіе чтенія авторъ глазами, киваніемъ головы, движеніемъ здоровой руки подкрѣплялъ силу тѣхъ выраженій, которыя самому ему нравились“. „Игривость ума“, продолжаетъ Дмитріевъ, „не оставляла его и при болѣзненномъ состояніи духа“. Авторъ „Недоросля“ смѣшилъ своихъ собесѣдниковъ разсказами о какомъ-то почтмейстерѣ, который выдавалъ себя за горячаго поклонника Ломоносова, хотя, какъ оказалось, не читалъ ни одной изъ его одъ; о драматургѣ, который написалъ трагедію въ новомъ вкусѣ: „у всѣхъ трагедіи оканчиваются добровольнымъ и насильственнымъ убійствомъ; а его героиня или главное лицо умираетъ естественною смертію“. „Мы разстались съ нимъ“, заканчиваетъ свой разсказъ Дмитріевъ, въ одиннадцать часовъ вечера, а на утро онъ уже былъ въ гробѣ“. День смерти Фонвизина 1 декабря 1792 г. Могила его на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры. Вдова Фонвизина скончалась въ 1796 г. Дѣтей у нихъ не было.

Интересъ къ литературной работѣ не покидалъ Фонвизина и въ послѣдній періодъ его жизни: „привычка упражняться въ писаніи сдѣлала сіе упражненіе для меня нуждою“, писалъ Ден. Ивановичъ въ 1788 г. Въ этомъ именно году онъ приступилъ къ изданію журнала: „Другъ честныхъ людей, или Стародумъ, періодическое сочиненіе, посвященное истинѣ“. Было уже напечатано объявленіе объ этомъ журналѣ, въ маѣ долженъ былъ появиться первый выпускъ. Но, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, изданіе не состоялось. „Здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума“, писалъ Фонвизинъ гр. П. И. Панину 4 апр. 1788 г. Въ дневникѣ Фонвизина подъ 14 фев. 1790 г. было отмѣчено: „По утру послалъ письмо къ Государынѣ о Тацитѣ“. Князь Вяземскій объясняетъ эту замѣтку, какъ указаніе на то, что нашъ писатель „переводилъ или готовился переводить Тацита. Сколько намъ извѣстно“, замѣчаетъ біографъ Фонвизина, „отвѣтъ былъ не благопріятенъ“. Смерть Потемкина въ 1791 г. привела Фонвизину на память „нѣкоторыя мѣста изъ священныхъ твореній царя Давида“ о „бренности суетной жизни человѣческой“. Думы на эту тему изложены въ „Разсужденіи о суетной жизни человѣческой“. Незадолго передъ смертью (приближаясь къ пятидесяти лѣтамъ жизни) Фонвизинъ началъ автобіографическія записки, подъ заглавіемъ: „Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ“. Записки остались неоконченными. Къ послѣднему періоду жизни и литературной дѣятельности Фонвизина относятся также: Précis historique de la vie du compte Nikita Iwanovitsch Panin (1784; русскій текстъ, подъ заглавіемъ „Сокращенное описаніе житія графа Никиты Ивановича Панина“, появился въ 1786 г.) и комедія въ трехъ дѣйствіяхъ „Выборъ гувернера“. Въ бумагахъ Фонвизина отысканы кн. Вяземскимъ: отрывокъ перевода „Иліады“ и отрывокъ же перевода поэмы

Геснера: „Смерть Авеля“. Г. Ефремовъ предположительно пріурочиваетъ эти отрывки къ 1791 г.

Къ формѣ журнальной сатиры Фонвизинъ обращался не разъ. По догадкѣ проф. Тихонравова, „весьма вѣроятно, что онъ принималъ участіе въ „Трутнѣ“, „Живописцѣ“ и др. При своемъ живомъ взглядѣ на общественное значеніе литературы, едва ли авторъ „Недоросля“ могъ не принимать никакого участія въ журналахъ, которые были прямыми памфлетами на дурныя стороны русской жизни“. Быть можетъ, умѣстно здѣсь вспомнить сатирическія статейки, направленныя противъ извѣстнаго намъ Лукина, которыя помѣщены были въ „Трутнѣ“ и другихъ журналахъ 1769—1770 г.г. Фонвизинъ признавался, что причиной вражды къ нему Лукина могъ быть „не весьма скромный отзывъ о его перѣ“. Позже, въ 1783 г., Фонвизинъ помѣстилъ нѣсколько сатирическихъ произведеній въ „Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова“. Для „Стародума“ издателемъ его приготовленъ былъ цѣлый рядъ статей: „Письмо къ Стародуму“ отъ издателя; „Отвѣтъ Стародума“; „Письмо къ Стародуму отъ Дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина“; „Отвѣтъ Стародума Дурыкину“; „Письмо къ Стародуму отъ племянницы его Софьи“; „Отвѣтъ Стародума Софьѣ“; „Письмо Тараса Скотинина къ родной его сестрѣ госпожѣ Простаковой“; „Всеобщая придворная Грамматика“; „Письмо Взяткина къ Его Превосходительству“ и „Отвѣтъ послѣдняго“; „Письмо отъ Стародума“ объ ораторскомъ искусствѣ, „Разговоръ у княгини Халдиной“, „Наставленіе дяди своему племяннику“. Имена лицъ, упоминаемыя въ этихъ статьяхъ (Стародумъ, Софья, Скотининъ, Простаковъ и др.) указываютъ на связь „Друга честныхъ людей“ съ болѣе ранними произведеніями Фонвизина. Эта связь подтверждается и содержаніемъ статей. Въ „Стародумѣ“ повторяются тѣ же литературныя темы, тѣ же сатирическія картины и тѣ же мечты о лучшемъ порядкѣ вещей, которыя знакомы намъ по „Бригадиру“, „Недорослю“, „Вопросамъ автору“ „Былей и небылицъ“ и пр. Въ Письмѣ Дурыкина находимъ двойниковъ Митрофанушки. „Большой мой сынъ Ѳедюнька“, пишетъ Дѣдиловскій помѣщикъ, „по семнадцатому году, читать и писать умѣетъ, а Митюшка и Павлинька еще не начинали грамоты. Митюшка матушкинъ сынокъ; съ нимъ надобно обходиться нѣжно, ибо онъ слабаго здоровья. Я хотѣлъ бы выписать изъ Москвы учителя, да боюсь взять Вральмана“.— Въ „Разговорѣ у кн. Халдиной“ есть подробности, напоминающія „Бригадира“. Мимоходомъ затрогивается въ „Разговорѣ“ вопросъ о подготовленіи къ государевой службѣ „людей просвѣщенныхъ“. Здравомыслъ, представитель автора, говоритъ: „Я хотѣлъ бы только, чтобы въ университетахъ нашихъ преподавалась особенно политическая наука. „Разумѣю науку, научающую насъ правиламъ благочиненія, науку коммерческую и науку о государственныхъ доходахъ. Я хотѣлъ, чтобы у насъ по симъ предметамъ сочинены были на каждую часть особенныя книжки, по коимъ бы преподавалась въ университетахъ политическая наука. Симъ способомъ будетъ Россія имѣть во всѣхъ

частяхъ гражданской службы людей годныхъ и просвѣщенныхъ". Замѣтимъ, что первыхъ профессоровъ политической экономіи и финансовъ въ Московскомъ университетѣ встрѣчаемъ лишь въ началѣ истекшаго столѣтія. Въ письмѣ Стародума находимъ любопытное разсужденіе на тему: „отъ чего имѣемъ мы такъ мало ораторовъ?" „Никакъ нельзя положить", говоритъ Стародумъ, „чтобъ сіе происходило отъ недостатка національнаго дарованія, которое способно ко всему великому, ниже отъ недостатка россійскаго языка, котораго богатство и красота удобны ко всякому выраженію... Церковное наше краснорѣчіе доказываетъ, что россіяне при равныхъ случаяхъ никакой націи не уступаютъ. Просвѣщенные наши митрополиты: Гавріилъ, Самуилъ, Платонъ суть наши Тиллотсоны и Бурдалу; а разныя мнѣнія и голоса Елагина, составленныя по долгу званія его, довольно доказываютъ, какого рода и силы было бы россійское витійство, если бы имѣли мы гдѣ разсуждать о законѣ и податяхъ и гдѣ судить поведеніе министровъ, государственнымъ рулемъ управляющихъ".

Литературная критика открыла въ нѣкоторыхъ статьяхъ „Стародума" слѣды литературныхъ заимствованій. Такъ переписка Дурыкина съ Стародумомъ оказалась передѣлкой одного изъ произведеній нѣмецкаго сатирика Рабенера. Подобныя же заимствованія давно отмѣчены и въ другихъ работахъ Фонвизина. Опытъ россійскаго сословника составленъ при пособіи „Синонимовъ" Жирара. Въ „Недорослѣ" есть рядъ реминисценцій изъ Вольтера, Лабрюйера, Дюфрени, Дюкло. Сочиненія (Duclos) о современныхъ нравахъ (Considerations sur les moeurs de ce siécle) было, повидимому, однимъ изъ любимыхъ произведеній Фонвизина. Отрывки изъ этой книги встрѣчаются даже въ письмахъ нашего сатирика. По поводу этихъ заимствованій нужно замѣтить, что передѣлка чужого матеріала на свой ладъ встрѣчается и у другихъ современныхъ Фонвизину, писателей; не многіе только изъ нихъ сумѣли и при заимствованіяхъ сохранить свою оригинальность такъ, какъ сохранилъ ее Фонвизинъ. Въ самомъ дѣлѣ, сколько бы ни указано было слѣдовъ подражанія въ произведеніяхъ нашего писателя, эти произведенія останутся все-таки замѣчательнѣйшими произведеніями русской литературы, свидѣтельствующими о самостоятельной сатирической наблюдательности автора, объ его крупномъ литературномъ талантѣ. „Я вижу, что вы очень хорошо нравы наши знаете", сказалъ Фонвизину Панинъ, „ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ или бабушку, или тетушку, или какую-нибудь свойственницу". Трудно выразить болѣе опредѣленно то впечатлѣніе свѣжести, правдивости и оригинальности, которое оставалось въ сознаніи современниковъ Фонвизина послѣ ознакомленія съ его сатирическимъ творчествомъ.

Людей, которые готовы были поклеветать и посплетничать на счетъ Фонвизина, было не мало. Онъ еще въ молодости нажилъ себѣ враговъ. „Природа дала мнѣ умъ острый, говоритъ нашъ сатирикъ, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склон-

ность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ, а какъ они были дли многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей“. Такимъ былъ Фонвизинъ въ студенческіе годы, такимъ же остался онъ и на всю жизнь. Его автохарактеристика подтверждается свидѣтельствами лицъ, хорошо знавшихъ нашего сатирика въ разные годы его жизни. „Фонвизинъ отличался живою фантазіею“, говоритъ Клостерманъ, „тонкою насмѣшливостью, умѣньемъ быстро подмѣтить смѣшную сторону и съ поразительною вѣрностью представить ее въ лицахъ; отъ этого бесѣда его была необыкновенно пріятна и весела, и общество оживлялось его присутствіемъ. Съ высокими качествами ума соединялъ онъ самое задушевное простосердечіе и веселонравіе, которыя сохранялъ даже въ самыхъ роковыхъ случаяхъ неспокойной своей жизни. Онъ въ высокой степени владѣлъ даромъ краснорѣчія; и если когда ему хотѣлось чего-либо добиться, то бывало трудно противостоять его просьбѣ“. „Вчера я видѣлъ кн. Юсупова“, писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому, „и исполнилъ твое препорученіе: допросилъ его о Фонвизинѣ и вотъ чего добился. Онъ зналъ Фонвизина, который нѣсколько времени жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. C'était un autre Beaumarchais pour la conversation. Онъ знаетъ пропасть его bons-mots, да не припомнитъ“. На П. В. Мятлева, какъ видно изъ его письма, цитуемаго княземъ Вяземскимъ, Фонвизинъ въ обществѣ производилъ впечатлѣніе „коршуна“. Собесѣдникамъ сатирика приходилось не мало страдать отъ когтей этого хищника. „Взлетитъ ли Херасковъ подъ облака, коршунъ замысловатымъ словомъ, неожиданною насмѣшкою, какъ острыми когтями, сшибетъ его на землю“. Веселость Фонвизина, его остроуміе и комическій даръ не оставались незамѣченными даже иностранцами, съ которыми знакомился русскій писатель во время заграничныхъ поѣздокъ. „Часто шатаясь поутру по книжнымъ лавкамъ и по кофейнымъ домамъ“, пишетъ Фонвизинъ изъ Монпелье, „прихожу къ графу Перигору и разсказываю ему, какіе мнѣ дѣлаютъ вопросы; онъ помираетъ со смѣху и, будучи очень веселаго нрава, не взирая на свою флегму, разсказываетъ мнѣ самъ побасенки. Между прочимъ, талантъ мой дразнить людей находитъ здѣсь универсальную аппробацію, а особенно дамы полюбили меня за дразненіе. Я передразниваю здѣсь своего банкира не хуже Сумарокова. Словомъ, со мною всѣ очень поладили и поминутно дѣлаютъ мнѣ комплименты“. Изъ приведеннаго выше разсказа Дмитріева узнаемъ, что „игривость ума не оставляла Фонвизина и при болѣзненномъ состояніи тѣла“. Припомнимъ, что Дмитріевъ видѣлся съ Фонвизинымъ наканунѣ его смерти... Удивительна эта веселость человѣка страдающаго, многое испытавшаго, рано познакомившагося съ житейскими невзгодами и людской враждой.

Знаемъ, что невзгоды, дрязги и непріятности продолжали тревожить его до послѣднихъ дней жизни, а онъ до этихъ послѣднихъ дней сохранялъ „игривость ума". Злой сатирикъ не сталъ, очевидно, озлобленнымъ человѣкомъ. Да онъ и не могъ стать такимъ. „Я наслѣдовалъ отъ отца", пишетъ Фонвизинъ въ предсмертномъ „Признаніи", „какъ вспыльчивость, такъ и непамятозлобіе. Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую-нибудь несправедливость, и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи". „При самомъ остромъ и бѣгломъ умѣ", подтверждаетъ П. В. Мятлевъ, „онъ никогда и никого умышленно не огорчалъ, кромѣ тѣхъ, кои сами вызывали его на поприще битвы на словахъ". Клостерманъ говоритъ о „задушевномъ простосердечіи" своего друга.

Но это задушевное простосердечіе замѣчалось и цѣнилось не всѣми. Затронутые остротами Фонвизина, чувствовавшіе себя оскорбленными, судили о немъ, конечно, иначе, чѣмъ Клостерманъ. Такія враждебныя сужденія проникали въ литературу. „Посланіе къ Ямщикову" представляетъ образецъ „острыхъ ругательствъ", какъ называлъ подобныя произведенія самъ Фонвизинъ:

Натуры пасынокъ, проказъ ея примѣръ,
Піита, философъ и унтеръ-офицеръ!
Ограбленъ мачехой, обиженный судьбою,
Имѣешь рѣдкій даръ довольнымъ быть собою.

На это посланіе отозвался А. С. Хвостовъ, пользовавшійся въ свое время репутаціей остроумнаго стихотворца. Отвѣтъ носитъ заглавіе: „Посланіе къ творцу посланія или копія къ оригиналу". Фонвизинъ называется въ этомъ посланіи: „Парнасса капитанъ-исправникъ", „великій браковщикъ достоинства людей", „надутый самохвалъ". Авторъ отвѣтнаго посланія перечисляетъ рядъ произведеній своего противника, пытается отыскать въ нихъ матеріалъ для юмористическихъ замѣчаній, желаетъ поднять насмѣхъ всю литературную дѣятельность Фонвизина. Насколько удачны эти попытки, можно судить по сопоставленію Фонвизина съ Сумароковымъ:

Посмотримъ, напримѣръ, всеобщій слышенъ крикъ,
Что Сумароковъ былъ и есть всегда великъ,
Но что имъ сдѣлано? Синавъ, Хоревъ, Семира, —
Бездѣлицы, а ты, ты далъ намъ Бригадира.
Тотъ чувствіями насъ и нѣжностью плѣнилъ,
А ты часть Библіи въ комедію вмѣстилъ.

Идетъ молва, — продолжаетъ авторъ посланія, —

Что славы кто себѣ не пріобрѣлъ дѣлами,
Тотъ сколько ни божись, что славенъ онъ, но ахъ!
Надутой самохвалъ останется въ срамцахъ;
Что цѣну знать даютъ всему прямое право

Наука, тонкій умъ и разсужденье здраво;
Что не всегда bon-mot ума бываетъ знакъ,
Что молвитъ иногда гладенько и дуракъ,
И что не надобно, напереломъ натурѣ,
Считать за старосту себя въ литературѣ
Во зло и ей самой и міру вопреки.

Въ Посланіи въ числѣ произведеній Фонвизина упоминается „Слово Марку Аврелію"; это указываетъ, что Хвостовъ писалъ свой отвѣтъ не раньше 1777 г.; отсутствіе упоминанія о „Недорослѣ" даетъ другую приблизительную дату: не позже 1782 г. На одномъ изъ списковъ Посланія Хвостова обозначены годъ и мѣсяцъ составленія: „1781 года въ іюлѣ". Такіе литературные отвѣты, какъ Посланіе Хвостова, пишутся обыкновенно подъ вліяніемъ живого, не остывшаго впечатлѣнія, да и въ читателяхъ они возбуждаютъ интересъ только въ томъ случаѣ, если появляются вслѣдъ за произведеніемъ, вызывающимъ отвѣтъ. Поэтому слѣдуетъ предположить, что „Посланіе Ямщикову", вызвавшее стихотвореніе Хвостова, написано Фонвизинымъ въ указанное время, т.-е. между 1777 и 1782 гг. „Посланіе къ творцу посланія" не осталось одинокимъ. По замѣчанію кн. Вяземскаго, къ литературнымъ врагамъ нашего сатирика нужно причислить также кн. Д. П. Горчакова: „въ „Ноэлѣ" его есть куплетъ и на автора нашего".

Первая комедія Фонвизина „Коріонъ" имѣла нерѣшительный успѣхъ. По словамъ Лукина, и комедіи „Французъ Русской" (Елагина), „Коріонъ" (Фонвизина) и „Награжденная добродѣтель" (Ельчанинова) вытерпѣли жестокое нападеніе и, хотя оное совсѣмъ неосновательно было, однако многихъ поборниковъ имѣло. Словомъ, ничто не могло удержать ядовитой зависти, на нихъ вооружившейся: не только удовольствіе многихъ зрителей, ниже благоволеніе, отъ двора оказанное". Слѣдующія за „Коріономъ" комедіи: „Бригадиръ" и „Недоросль" выдвинули Фонвизина изъ ряда современныхъ ему драматурговъ. По поводу этихъ комедій Фонвизинъ выслушивалъ такія похвалы, какія рѣдко достаются на долю литературныхъ дѣятелей. Но и къ этимъ похваламъ примѣшиваются иные, недоброжелательные голоса. Авторъ статейки о Фонвизинѣ, помѣщенной въ „Пустомелѣ" 1770 г., упомянувъ о достоинствахъ „Бригадира" спѣшитъ оговориться: „умолчу, дабы завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразуміемъ на нихъ наложеннаго". Въ сатирѣ гр. Д. И. Хвостова „Къ разуму" читаемъ:

Лишь Недоросля намъ Фонвизинъ написалъ,
Надменинъ автора исподтишка кусалъ;
Тутъ стрѣлы злобныя отвсюду полетѣли,
Комедію играть актеры не хотѣли.

Въ примѣчаніи къ этому мѣсту сатиры авторъ говоритъ: „Недоросль Фонвизина вытерпѣлъ большое гоненіе, что извѣстно современникамъ и театральной архивѣ".

У талантливыхъ людей, кромѣ недоброжелателей, бываютъ еще другіе, не менѣе опасные враги, — мнимые друзья. Одного такого друга Фонвизинъ зналъ еще въ университетѣ, среди своихъ товарищей. „Мой соученикъ“, говоритъ нашъ сатирикъ, „весьма боялся, чтобы я не сталъ смѣяться стихамъ его, а дабы вѣрнѣе имѣть меня на своей сторонѣ, то сталъ онъ хвалить мои стихи; каждая строка его восхищала; но какъ тогда разсудокъ во мнѣ не дѣйствовалъ, то я со всею моею остротою не могъ проникнуть, для чего онъ такъ меня хвалилъ, и думалъ, что я похвалу его заслуживалъ“. Такихъ расчетливыхъ поклонниковъ зналъ, конечно, Фонвизинъ и въ позднѣйшіе годы. Были у него и искренніе, но опасные почитатели, — люди, которые цѣнили веселаго, остроумнаго собесѣдника, но мало интересовались литературной дѣятельностью русскаго писателя. „Фонвизинъ“, говоритъ Пушкинъ на основаніи какого то преданія, „забавлялъ знатныхъ, передразнивая Александра Петровича (Сумарокова) въ совершенствѣ“... Остроумному и общительному человѣку, какъ Фонвизинъ, всегда представляется опасность размѣнять талантъ на мелочь, сдѣлаться салоннымъ говоруномъ и балагуромъ, оставить по себѣ память лишь какъ объ авторѣ интересныхъ анекдотовъ и забавныхъ bons-mots. Эта опасность служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ испытаніемъ серіозности и глубины таланта. Фонвизинъ выдержалъ испытаніе. Легкіе успѣхи въ гостиныхъ могутъ вскружить слабую, хотя бы и талантливую голову. Не такова была голова Фонвизина. Блестящее остроуміе, неистощимая веселость, „игривость ума“, поражавшія собесѣдниковъ Фонвизина, выступаютъ, какъ господствующая, наиболѣе яркая черта, и въ литературной характеристикѣ автора „Бригадира“ и „Недоросля“. Но за этой веселостью и игрой ума скрывалась глубокая серіозность. Изъ показаній самого сатирика мы узнаемъ, какъ много работалъ онъ надъ произведеніями, съ какою вдумчивостью и требовательностью относился онъ къ литературному дѣлу. Въ „Письмѣ къ Стародуму“ Фонвизинъ говоритъ: „болѣзнь моя не позволяетъ мнѣ упражняться въ родѣ сочиненій, кои требуютъ такого непрерывнаго вниманія и размышленія, каковыя потребны въ театральныхъ сочиненіяхъ. „Посылая Елагину своего „Бригадира“, авторъ проситъ сказать объ его комедіи „самую истину“. „Нѣтъ во мнѣ“, пишетъ онъ, „смѣшной гордости тѣхъ, кои, сами на себя и на свое искусство надѣясь, считаютъ себя равными съ Мольеромъ, или на худой конецъ съ Детушемъ“. Произведенія въ стихотворной формѣ стоили Фонвизину, по его словамъ, „неизреченнаго труда“. Этой напряженности труда отвѣчалъ интересъ содержанія литературныхъ работъ Фонвизина. Въ „Письмѣ Стародума“, назначенномъ для „Друга честныхъ людей“, нашъ авторъ намѣренно прикрашиваетъ положеніе современной ему литературы, чтобы имѣть поводъ указать на ея важныя задачи. „Я думаю, что таковая свобода писать, какою пользуются нынѣ россіяне, поставляетъ человѣка съ дарованіемъ такъ сказать стражемъ общаго блага. Въ томъ государствѣ, гдѣ писатели наслаждаются дарованною намъ свободою, имѣютъ они

долгъ возвысить громкій гласъ свой противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству, такъ что человѣкъ съ дарованіемъ можетъ въ своей комнатѣ, съ перомъ въ рукахъ, быть полезнымъ совѣтодателемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ своихъ и отечества". Фонвизинъ оставался вѣренъ этой программѣ. Въ формѣ веселой комедіи или легкой сатирической статейки, онъ говорилъ о предметахъ серіознѣйшаго и важнѣйшаго значенія: о недостаткахъ современнаго воспитанія и образованія, о крѣпостныхъ отношеніяхъ, о судѣ и приказной неправдѣ, о положеніи литературы, о національныхъ и антинаціональныхъ предразсудкахъ. Рѣчи резонеровъ въ комедіяхъ Фонвизина кажутся теперь утомительными и лишними, но та старательность, съ какой обдуманы и составлены эти рѣчи, показываетъ, какое значеніе придавалъ нашъ писатель общимъ разсужденіямъ на этико-соціальныя темы. Онъ желалъ, очевидно, будить мысль современниковъ. И дѣйствительно будилъ. Правда, проповѣди Стародума, быть можетъ, не всегда достигали этой цѣли, но жизненные комическіе образы его драмъ, яркія сатирическія картинки его журнальныхъ статей не могли не затрогивать самаго вялаго воображенія, самой лѣнивой мысли, самаго неотзывчиваго сердца. Успѣхъ произведеній Фонвизина, завистливые толки его враговъ подтверждаютъ это. „Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка", говоритъ Фонвизинъ, разумѣя, очевидно, подъ разсудкомъ практическое благоразуміе, которое даетъ умѣніе прилаживаться къ людямъ и обстоятельствамъ, лавировать по вѣтру. Такого умѣнія авторъ „Недоросля" не нажилъ до конца дней. Будь у него это умѣнье, онъ не потерялъ бы благословенія автора „Былей и небылицъ", не обращался бы къ автору съ своими умными, но неблагоразумными вопросами, не пришлось бы ему вслѣдъ за вопросами писать къ „сочинителю Былей и небылицъ" письма, наполненныя оговорками и извиненіями, не пришлось бы издателю „Стародума" встрѣтиться съ неожиданнымъ запрещеніемъ. Взамѣнъ того, что Фонвизинъ называлъ „здравымъ разсудкомъ", природа дала ему другіе, лучшіе дары: мужественное и вѣрное сердце, стойкость и глубину души. Онъ оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и идеаламъ, какъ бы ни мѣнялось отношеніе дѣйствительности къ этимъ идеаламъ, онъ пронесъ черезъ жизнь молодую привязанность сердца, удержалъ, при всѣхъ колебаніяхъ, живую религіозную вѣру.

Не обладалъ Фонвизинъ навыками практическаго человѣка и въ области обыденныхъ житейскихъ отношеній. Отецъ Дениса Ивановича былъ человѣкъ небогатый и многосемейный. Поэтому какого-нибудь родового имущества нашему сатирику не досталось. Послѣ службы у Панина и послѣ выгодной женитьбы у Фонвизина накопились порядочныя средства. У жены его были деньги и домъ въ Петербургѣ; Панинъ подарилъ ему имѣніе въ Бѣлоруссіи; познакомившись съ Клостерманомъ, Фонвизинъ завелъ „коммерцію вещами до художествъ принадлежащими"; при отставкѣ получилъ пенсію въ

3,000 руб. Всѣхъ этихъ средствъ оказывалось, однако, мало. Фонвизинъ удивлялся своему отцу, который при небольшомъ состояніи, „воспитывая восмерыхъ дѣтей, умѣлъ жить и умереть безъ долга“. „Сіе искусство, замѣчаетъ нашъ писатель, въ нынѣшнемъ обращеніи свѣта едва ли кому извѣстно. По крайней мѣрѣ намъ, дѣтямъ его, кажется непостижимо“. Имѣніе Фонвизина, вслѣдствіе неисправности неудачно выбраннаго арендатора, не приносило дохода. Привычка жить на широкую ногу, поѣздка за границу, продолжительное лѣченіе, закупка предметовъ торговли не только поглощали наличныя средства, но и заставляли дѣлать долги. Въ духовномъ завѣщаніи 1786 г. Фонвизинъ высказываетъ опасеніе, что по смерти его останется столько долговъ, что жена его лучше захочетъ отказаться отъ наслѣдства, нежели имѣть хлопоты съ кредиторами. Тяжба по имѣнію, которую велъ Фонвизинъ въ послѣдніе годы жизни, еще больше разстроила его денежныя дѣла. По смерти Фонвизина вдовѣ его пришлось доживать вѣкъ свой въ бѣдности. Біографъ нашего писателя, кн. Вяземскій, имѣлъ въ рукахъ записку Катерины Ивановны, въ которой „проситъ она изъ крайней нужды дать ей взаймы 15 рублей“. Пенсія, назначенная бывшему секретарю Н. Ив. Панина, не была оставлена его женѣ.

Служба министерскаго секретаря была, очевидно, скоро забыта. Но остались и останутся памятными литературныя заслуги даровитаго писателя. Батюшковъ предлагалъ выдѣлить въ исторіи нашей словесности особую эпоху, эпоху Фонвизина. Пушкинъ, ознакомившись съ „Разговоромъ у княгинѣ Халдиной“ высказывалъ сожалѣніе, „что не Фонвизину досталось изображать новѣйшіе наши нравы“. „Литература Екатерининскаго времени, — писалъ Бѣлинскій, — рѣшительно заслоняетъ собою предшествовавшую ей литературу. Кромѣ Державина, въ то время былъ Фонвизинъ, первый даровитый комикъ въ русской литературѣ, писатель, котораго теперь не только чрезвычайно интересно изучать, но котораго читать есть истинное наслажденіе. Въ его лицѣ русская литература, какъ-будто даже преждевременно сдѣлала огромный шагъ къ сближенію съ дѣйствительностью; его сочиненія — живая лѣтопись той эпохи“. „Недоросль“ Фонвизина до сихъ поръ не сходитъ со сцены. *Ждановъ.*

Памяти Фонвизина.

„Умри, Денисъ, или больше уже ничего не пиши“.
Кн. Потемкинъ.

Крикъ „великолѣпнаго князя Тавриды“, вырвавшійся послѣ перваго же представленія „Недоросля“, оказался пророческимъ: Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ ничего уже болѣе не написалъ подобнаго и умеръ 1 декабря 1792 г. Нынѣ исполнилось ровно столѣтіе[1]) со дня

[1]) Статья написана въ 1902 г.

его кончины, и эта печальная годовщина должна быть посвящена воспоминаніямъ „добрыхъ дѣлъ“ писателя, заключающихся въ его произведеніяхъ. Не подлежитъ, вѣдь, сомнѣнію, что всякое хорошее произведеніе литературное есть вмѣстѣ съ тѣмъ и доброе дѣло общественное.

Заслуги Фонвизина въ этомъ отношеніи очень велики; онѣ для нашего времени еще неоцѣнимы — мы продолжаемъ пользоваться его „благодѣяніями“ и чувствуемъ на себѣ всю плодотворную силу его поученій, ни мало не утратившихъ своей назидательности, несмотря на пережитое уже русскимъ обществомъ столѣтіе со дня его кончины. Избранная Фонвизинымъ форма поученій — не сухой трактатъ, не скучная проповѣдь, а живое изображеніе дѣйствительности, веселая комедія — обезпечиваетъ и продолжительность ихъ воздѣйствія и глубину ихъ впечатлѣній. Пройдетъ не одно еще поколѣніе, прежде чѣмъ „Недоросль“, станетъ литературною картинкою жизни, нѣкогда прозвучавшей и замолкнувшей навсегда.

Не только по времени жизни, но по смыслу дарованія и по силѣ таланта, Фонвизинъ всецѣло принадлежитъ вѣку Екатерины II. Ея реформы, охватившія въ первое время всѣ слои общества, ея высокія намѣренія и благія цѣли, выразившіяся въ знаменитомъ „Наказѣ“, воодушевили Фонвизина и дали извѣстное направленіе его дарованіямъ. Умомъ и сердцемъ онъ принадлежалъ лучшей порѣ екатерининскаго вѣка, и до конца дней сохранилъ вѣру въ тѣ идеалы, отъ которыхъ позже отказалась сама Екатерина, что и поставило потомъ Фонвизина въ ряды опальныхъ.

Подъ старость лѣтъ, уже больной, разбитый параличомъ, Фонвизинъ такъ отзывался о своемъ умѣ и сердцѣ: „Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка. Весьма рано появилась во мнѣ склонность къ сатирѣ. Острыя слова мои носились по Москвѣ; а какъ они были для многихъ язвительны, то обиженные оглашали меня злымъ и опаснымъ мальчишкою; всѣ же тѣ, коихъ острыя слова мои лишь только забавляли, прославили меня любезнымъ и въ обществѣ пріятнымъ. Видя, что вездѣ принимаютъ меня за умнаго человѣка, заботился я мало о томъ, что разумъ мой похваляется на счетъ сердца, и я прежде нажилъ непріятелей, нежели друзей. Меня стали скоро бояться, потомъ ненавидѣть, и я вмѣсто того, чтобы привлечь къ себѣ людей, отгонялъ ихъ отъ себя и словами и перомъ. Сочиненія мои были острыя ругательства: много было въ нихъ сатирической соли, но разсудка, такъ сказать, ни капли. Сердце мое, не похваляясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать какую нибудь несправедливость, и для того ни предъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ были не въ состояніи“ [1]).

---

[1]) Сочиненія Д. И. Фонвизина (ред. П. А. Ефремова). С.-Пб. 1876, стран. 536.

Фонвизину было 18 лѣтъ, когда онъ, какъ „сержантъ гвардіи семеновскаго полка и студентъ московскаго университета“, присягалъ только что воцарившейся Екатеринѣ и когда писалъ свою первую басню „Лисица-Кознодѣй“ [1]), — любопытная басня, написанная въ 1762 г.:

Въ Ливійской сторонѣ правдивый слухъ промчался,
Что левъ, звѣриный царь, въ большомъ лѣсу скончался.
Стекалися туда скоты со всѣхъ сторонъ
Свидѣтелями быть огромныхъ похоронъ.

Явилась и лисица. „При мрачномъ семъ обрядѣ, съ смиренной харею, въ монашескомъ нарядѣ“, лиса произнесла похвальное слово льву, восхваляла его доброту, его щедрость, находила, что

Въ его правленіе невинность не страдала
И правда на судѣ безстрашно предсѣдала.
— „О лесть подлѣйшая“, шепнулъ Собакѣ Кротъ;
„Я зналъ Льва коротко: онъ былъ пресущій скотъ:
И золъ, и безтолковъ, и силой вышней власти
Онъ только насыщалъ свои тирански страсти.
Въ его правленіе любимцы и вельможи
Сдирали безъ чиновъ съ звѣрей невинныхъ кожи.
Вотъ мудраго царя правленіе похвально!
Возможно ль ложь сплетать столь явно и нахально?“
Собака молвила: „Чему дивишься ты,
Что знатному скоту льстятъ подлые скоты?
Когда же то тебя такъ сильно изумляетъ,
Что низка тварь корысть всему предпочитаетъ
И къ счастію бредетъ презрѣнными путьми,
Такъ, видно, никогда ты не жилъ межъ людьми“.

Если Екатерина читала эту басню, то, конечно, осталась ею очень довольна. Эта басня ходила по рукамъ и заслужила автору больше похвалъ, чѣмъ порицаній, но безъ сомнѣнія, порицанія исходили отъ людей „властныхъ, придворныхъ“ и далеко не вознаграждались похвалами людей безсильныхъ.

Вскорѣ послѣ басни была напечатана Фонвизинымъ шутка „Посланіе къ слугамъ моимъ“ [2]) съ требованіемъ разрѣшить вопросъ: на что сей созданъ свѣтъ“. Въ этой шуткѣ слуга Ванька такъ, между прочимъ, рисуетъ людей:

Здѣсь вижу мотовство, а тамъ я вижу скупость;
Куда не обернусь, вездѣ я вижу глупость.
Попы стараются обманывать народъ,
Слуги дворецкаго, дворецкіе господъ,
Другъ друга господа, а знатные бояря
Нерѣдко обмануть хотятъ и государя;
И всякій, чтобъ набить потуже свой карманъ,
За благо разсудилъ приняться за обманъ.
Смиренны пастыри душъ нашихъ и сердецъ
Изволятъ собирать оброкъ съ своихъ овецъ.

[1]) Тамъ же, стран. 163.
[2]) Фонвизинъ, стран. 166.

Овечки женятся, плодятся, умираютъ,
А пастыри притомъ карманы набиваютъ,
За деньги чистыя прощаютъ всякій грѣхъ,
За деньги множество въ раю сулятъ утѣхъ.
Но если говорить на свѣтѣ правду можно,
То мнѣніе мое скажу я вамъ неложно:
За деньги самого Всевышняго Творца
Готовы обмануть и пастырь и овца!

Форма стиха, однако, значительно затрудняла „сатирика". Въ одномъ изъ писемъ къ И. П. Елагину, своему начальнику по мѣсту служенія, Фонвизинъ чистосердечно признается: „Въ праздные часы мои (которыхъ въ сутки бываетъ у меня 24) я пишу стихи, которые стоятъ мнѣ не только неизреченнаго труда, но и головной болѣзни, такъ что лекарь мой предписалъ мнѣ, въ діэтѣ, отнюдь не пить англійскаго пива и не писать стиховъ; ибо какъ то, такъ и другое кровь заставляетъ бить вверхъ; всѣ медики единогласно утверждаютъ, что стихотворецъ паче всѣхъ людей на свѣтѣ апоплексіи долженъ опасаться"[1]). Не боязнь, конечно, апоплексіи заставила Фонвизина, оставивъ стихотворную форму, обратиться къ прозѣ и къ той именно ея формѣ, которая съ дѣтства привлекала его вниманіе.

Фонвизину было 14 лѣтъ, когда онъ впервые посѣтилъ театръ. Въ 1758 г., десять лучшихъ воспитанниковъ университетской гимназіи, въ числѣ ихъ и Денисъ Фонвизинъ, были привезены въ Петербургъ для представленія куратору Московскаго университета И. И. Шувалову. „Ничто въ Петербургѣ такъ меня не восхищало, какъ театръ, который я увидѣлъ въ первый разъ отроду. Играли русскую комедію, какъ теперь помню, „Генрихъ и Пернилла". Тутъ видѣлъ я Шумскаго, который шутками своими такъ меня смѣшилъ, что я, потерявъ благопристойность, хохоталъ изъ всей силы. Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ величайшаго разума, а актеровъ — великими людьми, коихъ знакомство, думалъ я, составило бы мое благополучіе. Я съ ума было сошелъ отъ радости, узнавъ, что сіи комедіанты вхожи въ домъ дядюшки моего, у котораго я жилъ. И, дѣйствительно, чрезъ нѣкоторое время познакомился я тутъ съ Ѳ. Г. Волковымъ, мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ; тутъ же познакомился я съ главнымъ нашимъ актеромъ И. А. Дмитревскимъ, человѣкомъ честнымъ, умнымъ, знающимъ и съ которымъ дружба моя до сихъ поръ продолжается"[2]). Необходимо прибавить, что самъ Фонвизинъ былъ актеръ по природѣ: „Я имѣлъ даръ принимать на себя лицо и говорить голосомъ весьма многихъ людей. Я передразнивалъ Сумарокова, могу сказать, мастерски, и говорилъ не только его голо-

---

[1]) Фонвизинъ, стран. 358.
[2]) Фонвизинъ, стран. 539.

сомъ, но и умомъ, такъ что онъ бы самъ не могъ сказать другого, какъ то, что я говорилъ его голосомъ"[1]).

Таковъ былъ авторъ „Бригадира" и „Недоросля". Между этими двумя комедіями протекли 16 лѣтъ, и эти года сказались на „Недорослѣ".

Ни „философомъ", ни тѣмъ менѣе художникомъ Фонвизинъ никогда не былъ. Какъ человѣкъ умный и наблюдательный, какъ острый сатирикъ, болѣе чѣмъ веселый комикъ, онъ изобразилъ въ своихъ комедіяхъ тѣ общественные недуги и смѣшныя явленія, которые достойны были поруганія и осмѣянія. Ни „Опекунъ" Сумарокова, ни „Мотъ, любовью исправленный" Лукина, ни „Вояжеръ" Ефимьева, ни „Такъ и должно" Веревкина, не говоря уже о комедіяхъ Екатерины II, никогда не производили на зрителей или читателей такого впечатлѣнія, какъ „Хвастунъ" или „Чудаки" Княжнина, тѣмъ болѣе какъ „Бригадиръ" или „Недоросль" Фонвизина. Естественный, остроумный, живой языкъ „Бригадира", комическія положенія влюбленныхъ не вὸ-время и забавныя сцены перебранокъ, выхваченныя изъ живой дѣйствительности, значительно выдвинули комедію Фонвизина изъ ряда подобныхъ произведеній и обезпечили ея успѣхъ. Веселая шутка и незлобливый смѣхъ пришлись по плечу современному обществу, и „Бригадиръ" имѣлъ успѣхъ необыкновенный".

„Надобно примѣтить, что я „Бригадира" читалъ мастерски. Чтеніе мое заслужило вниманіе А. И. Бибикова и гр. Г. Г. Орлова, который не приминулъ донести о томъ государынѣ. Въ самый Петровъ день графъ прислалъ ко мнѣ спросить: ѣду ли я въ Петергофъ, и если ѣду, то взялъ бы съ собою мою комедію „Бригадиръ". Я отвѣчалъ, что исполню его повелѣніе. Въ Петергофѣ, на балѣ, графъ, подошедъ ко мнѣ, сказалъ: „Ея величество приказала послѣ бала вамъ быть къ себѣ, и вы съ комедіею извольте итти въ Эрмитажъ". И дѣйствительно, я нашелъ ея величество готовою слушать мое чтеніе. Никогда не бывъ столь близко государя, признаюсь, что я началъ было нѣсколько робѣть, но взоръ россійской благотворительницы и гласъ ея, идущій къ сердцу, ободрилъ меня; нѣсколько словъ, произнесенныхъ монаршими устами, привели меня въ состояніе читать мою комедію предъ нею съ обыкновеннымъ моимъ искусствомъ. Во время же чтенія, похвалы ея давали мнѣ новую смѣлость, такъ что послѣ чтенія былъ я завлеченъ къ нѣкоторымъ шуткамъ и потомъ, облобызавъ ея десницу, вышелъ, имѣя отъ нея всемилостивѣйшее привѣтствіе за мое чтеніе"[2]).

Вслѣдъ за императрицею, вся придворная знать просила къ себѣ Фонвизина читать новую комедію. Оба Панины, Никита и Петръ, оба графы Чернышевы, Захаръ и Иванъ, гр. А. С. Строгановъ, гр. А. П. Шуваловъ, графини: М. А. Румянцева, Е. Б. Бутурлина, А. К. Воронцова, даже гр. А. М. Ефимовскій восхищались „Бригадиромъ" и смѣялись надъ Акулиною Тимофеевною. „Весь Петербургъ наполненъ былъ моею ко-

[1]) Тамъ же, стран. 546.
[2]) Фонвизинъ, стран. 543.

медiею, изъ которой многiя острыя слова употребляются уже въ бесѣдахъ“ [1]). И сто лѣтъ спустя, кн. Вяземскiй писалъ: „Влiянiе, произведенное комедiею „Бригадиръ“, опредѣляется однимъ указанiемъ: отъ нея званiе бригадира обратилось въ смѣшное нарицанiе, хотя самъ бригадирскiй чинъ не смѣшнѣе другого. Нарицанiе пережило даже и самое званiе: нынѣ бригадировъ уже нѣтъ по табели о рангахъ, но есть еще рядъ свѣтскихъ старовѣровъ, къ которымъ имя сiе примѣняется. Петербургскiе злоязычники называютъ Москву старою бригадиршею“ [2]).

„Бригадиръ“ былъ оконченъ въ 1766 г. Фонвизинъ числился въ то время по иностранной коллегiи и былъ откомандированъ въ комиссiю у принятiя прошенiй, къ И. П. Елагину. Въ 1769 г. Фонвизинъ окончательно уже служилъ въ иностранной коллегiи, при графѣ Н. И. Панинѣ, который „удостоивалъ его всегда полной довѣренности“. Здѣсь сперва по службѣ, потомъ по прiязни, Фонвизинъ вошелъ въ переписку и завязалъ болѣе близкiя сношенiя съ представителями Россiи при иностранныхъ дворахъ, съ Булгаковымъ и Зиновьевымъ, съ княземъ Барятинскимъ и гр. Стакельбергомъ, съ Марковымъ, Сальдерномъ, Обрѣсковымъ, кн. Голицынымъ; онъ велъ интимную корреспонденцiю съ братомъ своего „благодѣтеля“, съ гр. Петромъ Ивановичемъ Панинымъ, и съ А. И. Бибиковымъ, коротко узналъ придворную жизнь и научился цѣнить людей „не по звѣздамъ, а по качествамъ“. Неудивительно, что Фонвизинъ высоко ставилъ гр. Н. И. Панина, своего „благодѣтеля“, но въ высшей степени важно для характеристики взглядовъ и убѣжденiй самого Фонвизина отзывъ его о „внутренней политикѣ“ гр. Никиты Ивановича: „По внутреннимъ дѣламъ гнушался онъ въ душѣ своей поведенiемъ тѣхъ, кои по своимъ видамъ, невѣжеству и рабству составляютъ государственный секретъ изъ того, что въ нацiи благоустроенной должно быть извѣстно всѣмъ и каждому, какъ-то: количество доходовъ, причины налоговъ и проч. Не могъ онъ терпѣть, чтобъ по дѣламъ гражданскимъ и уголовнымъ учреждались самовластiемъ частныя комиссiи мимо судебныхъ мѣстъ, установленныхъ защищать невинность и наказывать преступленiя. Съ содроганiемъ слушалъ онъ о всемъ томъ, что могло нарушить порядокъ государственный: пойдетъ-ли кто съ докладомъ прямо къ государю о такомъ дѣлѣ, которое должно быть прежде разсмотрѣно во всѣхъ частяхъ сенатомъ; примѣтитъ ли противорѣчiе въ сегодняшнемъ постановленiи противъ вчерашняго; услышитъ ли о безмолвномъ временщикамъ повиновенiи тѣхъ, которые, по званiю своему, обязаны защищать истину животомъ своимъ; словомъ, всякiй подвигъ презрительной корысти и пристрастiя, всякiй обманъ, обольщающiй очи государя или публики, всякое низкое дѣйствiе душъ, заматерѣвшихъ въ робости:

---

[1]) Тамъ же, стран. 547.
[2]) Полное собр. соч. кн. Вяземскаго, V, 132.
[3]) Фонвизинъ, стран. 225.

стариннаго рабства и возведенныхъ слѣпымъ счастіемъ на знаменитыя степени, приводили въ трепетъ добродѣтельную его душу“[1]).

Фонвизинъ, написавшій эти строки, конечно, не похожъ уже на автора „Бригадира“, незлобиво смѣющагося надъ довольно невинными недостатками ближнихъ и весело изображающаго комическія ихъ приключенія, столь же невинныя; въ приведенныхъ строкахъ сказался уже авторъ „Недоросля“, написаннаго въ 1782 г.

Во всѣхъ сатирическихъ произведеніяхъ временъ Екатерины II обличенію подвергались, главнымъ образомъ, невѣжество, взяточничество и ложное образованіе. Изъ этого круга не вышелъ и „Бригадиръ“; не то въ „Недорослѣ“: здѣсь впервые было выведено на русскую сцену крѣпостное право, и именно, его растлѣвающее вліяніе на дворянское сословіе, утерявшее всякое значеніе именно благодаря крѣпостному праву. Центральною фигурою „Недоросля“ является уже не добродушный въ сущности бригадиръ, а госпожа Простакова, рожденная Скотинина, „презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома“, бригадирскій сынъ — смѣшной глупецъ, недоросль Простаковой — опасный негодяй, будущій злодѣй. Предметъ обличенія въ „Недорослѣ“ серьезнѣе, глубже, выше, чѣмъ въ „Бригадирѣ“; сообразно этому, прежняя насмѣшка переходитъ уже въ негодованіе, и „мораль пьесы“ выражается въ поученіяхъ. Фонвизинъ, какъ не художникъ, изобразилъ эту резонерскую сторону комедіи въ лицѣ „Стародума, который не столько нуженъ для развязки пьесы, сколько для поученій. Самое названіе резонера *Стародумомъ* является политическою тенденціею — по смыслу произносимыхъ имъ тирадъ онъ скорѣе Новодумъ: его отецъ служилъ Петру Великому, а самъ онъ выросъ и воспитался при Биронѣ.

Стародумъ — прямой характеръ, честный служака, добрый человѣкъ, „сердце котораго кипитъ негодованіемъ на недостойные поступки“ Простаковой. Онъ вышелъ въ отставку потому только, что его, „лежавшаго отъ ранъ въ тяжкой болѣзни“, обошли чиномъ, а наградили молодаго графчика, не бывшаго даже на войнѣ; онъ удалился и отъ двора, замѣтивъ, что при дворѣ „по большой прямой дорогѣ никто почти не ѣздитъ, а всѣ объѣзжаютъ крюкомъ, надѣясь доѣхать поскорѣе“. На замѣчаніе же Правдина, что онъ „отошелъ отъ двора ни съ чѣмъ“, Стародумъ, пользуясь табакеркою собесѣдника, отвѣчаетъ притчею: „Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку; другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила“[2]).

---

[1]) Фонвизинъ, стран. 220.
[2]) Фонвизинъ, стран. 71.

Это по адресу двора, придворной жизни, которая, конечно, улучшается не сатирическими притчами. Фонвизинъ хорошо понималъ это, и первое явленіе 5-го дѣйствія „Недоросля", по словамъ кн. Вяземскаго, „приноситъ честь и писателю, и государю, въ царствованіе коего оно написано"[1]).

Это явленіе открывается довольно наивнымъ заявленіемъ Стародума въ пользу законности: „Гдѣ государь мыслитъ, гдѣ знаетъ онъ въ чемъ его истинная слава, тамъ всѣ скоро ощутятъ, что каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, и что угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ — беззаконно". Какъ будто чувство законности находится въ зависимости отъ чего-то иного, внѣ самой законности обрѣтающагося! Какъ будто недостаточно одной законности, an und für sich, чтобъ сдѣлать ее единственнымъ и господствующимъ руководителемъ жизни. На справедливыя замѣчанія Правдина, что „мудрено истреблять закоренѣлые предразсудки, въ которыхъ низкія души находятъ свои выгоды", Стародумъ, не менѣе справедливо угадывая одинъ изъ главныхъ источниковъ общественнаго исправленія, прямо говоритъ: „Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобъ править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости. Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Сколь великой душѣ надобно быть въ государѣ, чтобъ стать на стезю истины и никогда съ нея не совращаться! Сколько сѣтей разставлено къ уловленію души человѣка, имѣющаго въ рукахъ своихъ судьбу себѣ подобныхъ! И во-первыхъ толпа скаредныхъ льстецовъ всеминутно силится увѣрить его, что люди сотворены для него, а не онъ для людей. Все стремленіе льстеца къ тому, чтобъ сперва ослѣпить умъ у человѣка, а потомъ дѣлать изъ него что ему надобно — льстецъ есть ночной воръ, который сперва свѣчу погаситъ, а потомъ красть станетъ... Способы сдѣлать людей добрыми — въ рукахъ государя. Какъ скоро всѣ увидятъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди; что ни подлою выслугою и ни за какія деньги нельзя купить того, чѣмъ награждается заслуга; что люди выбираются для мѣстъ, а не мѣста похищаются людьми, — тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ и всякій хорошъ будетъ. Великій государь даетъ милость и дружбу тѣмъ, кому изволитъ; мѣста-же и чины тѣмъ, кто достоинъ"[2]).

Это читалось, говорилось со сцены и слушалось болѣе 100 лѣтъ назадъ. Первое представленіе „Недоросля" состоялось 24 сентября 1782 г., при чёмъ во всей пьесѣ „не было измѣнено ни единой буквы"[3]). Только уже значительно позже, по свидѣтельству кн. Вяземскаго, въ представленіи „Недоросля" многое выкидывается изъ роли Стародума[4]);

[1]) Вяземскій, V, 139.
[2]) Фонвизинъ, стран. 101, 102.
[3]) On n'a pas changé une sillabe, писалъ Фонвизинъ Медоксу, антрепренеру московскаго театра, стран. 277.
[4]) Вяземскій, стран. 139.

мы лично ни разу еще не слышали „Недоросля" безъ вырѣзокъ и искренно порадовались, когда прошелъ на-дняхъ слухъ, что въ память столѣтія со дня кончины Фонвизина на Александринской сценѣ будетъ представленъ полный „Недоросль".

Фонвизинъ и кн. Вяземскій равно ошибались, равно не понимали Екатерины II. Кн. Вяземскій ставитъ въ большую честь Екатеринѣ уже и то, что при ней написанъ „Недоросль"; Фонвизинъ, видя, что „Недоросль" играется безъ пропусковъ, возмечталъ, будто, дѣйствительно, настало время „свободы мыслить и изъясняться". Въ письмѣ къ Стародуму Фонвизинъ прямо писалъ: „Недоросль" мой, между прочимъ, служитъ тому доказательствомъ, ибо назадъ тому лѣтъ за тридцать ваша собственная роль могла ли бы быть представлена и напечатана? Правда, что есть и нынѣ особы, стремящіяся угнетать дарованія и препятствующія выходить всему тому, что невѣжество и порокъ ихъ обличаетъ; но таковое немощной злобы усиліе, кромѣ смѣха, ничего другого нынѣ произвести не можетъ" [1]). Фонвизинъ скоро почувствовалъ свою ошибку.

Съ 1783 года началъ выходить въ Петербургѣ „Собесѣдникъ любителей россійскаго слова", издававшійся кн. *Е. Р. Дашковою*, „подъ надзираніемъ почтенныя наукъ Покровительницы". Посылая въ „Собесѣдникъ" свои „Вопросы", Фонвизинъ писалъ: „Издатели „Собесѣдника" не боятся отверзать двери истинѣ, почему и беру вольность представить имъ для напечатанія нѣсколько вопросовъ, могущихъ возбудить въ умныхъ и честныхъ людяхъ особливое вниманіе. Буде оные напечатаются, то продолженіе послѣдуетъ впредь и немедленно. Публика заключитъ тогда по справедливости, что если можно вопрошать прямодушно, то можно и отвѣчать чистосердечно" [2]). Фонвизину, въ числѣ прочихъ, казалось, что нѣтъ основаній опасаться гоненій за истину подъ державою Екатерины II,

Qui pense en grand homme et qui permet q'uon pense [3]).

Для начала Фонвизинъ послалъ 21 вопросъ. Эти вопросы не только были напечатаны въ „Собесѣдникѣ" [4]), но Екатерина сама написала отвѣты, и эти отвѣты также напечатала. Однако, изъ отвѣтовъ Фонвизинъ понялъ уже свою „довѣрчивую" ошибку. Вопросы не были пріятны императрицѣ; нѣкоторые даже раздражали ее, что ясно сказалось въ отвѣтахъ. Напримѣръ, Фонвизинъ спрашивалъ: „Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а ныньче имѣютъ и весьма большіе?" Екатерина, избѣгая отвѣчать прямо на вопросъ, столь для нея неудобный, замѣтила: „Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли" [5]).

---

[1]) Фонвизинъ, стр. 228.
[2]) Тамъ же, стран. 203.
[3]) Epitre de Voltaire à Catherine II.
[4]) Фонвизинъ, 293; Собесѣдникъ, III, 162.
[5]) Еще болѣе рѣзкій, почти угрожающій отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ данъ позже въ томъ же „Собесѣдникѣ": „Отчего? Отчего? Ясно, оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія" (IV, 168).

Фонвизинъ спрашивалъ: „Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?“ Екатерина отвѣчала: „Оттого, что сіе не есть дѣло всякаго“.

Изъ отвѣтовъ было ясно, что Екатерина признаетъ вопросы неумѣстными, что она уклоняется отвѣчать прямо, что она раздражена. Фонвизинъ испугался, сталъ оправдываться, извиняться за вопросы, приписывалъ ихъ своему неумѣнью выражаться: „По отвѣтамъ вашимъ вижу, что я нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно... Легко станется, что я не умѣлъ положить иной вопросъ на бумагу, какъ думалъ; но я думалъ честно и имѣю сердце, пронзенное благодарностію и благоговѣніемъ къ великимъ дѣяніямъ всеобщей нашей благотворительницы. Ласкаюсь, что всѣ честные люди, отъ коихъ имѣю счастіе быть знаемъ, отдадутъ мнѣ справедливость, что перо мое никогда не было и не будетъ омочено ни ядомъ лести ни желчью злобы... Признаюсь, что благоразумные ваши отвѣты убѣдили меня внутренно, что я самаго добраго намѣренія исполнить не умѣлъ и что не могъ я дать моимъ вопросамъ приличнаго оборота. Сіе внутреннее мое убѣжденіе рѣшило меня заготовленные еще вопросы отмѣнить, не столько для того, чтобъ невиннымъ образомъ не быть обвиняему въ *свободоязычіи*, ибо у меня совѣсть спокойна, сколько для того, чтобы не подать повода другимъ къ дерзкому свободоязычію, котораго всею душою ненавижу“ [1]).

Екатеринѣ понравилось покаянное письмо Фонвизина: „Сей поступокъ г. сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы, православнаго христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе“ [2]).

Такимъ образомъ, всѣ вопросы Фонвизина признавались „грѣховными“, недостойными рѣшительнаго отвѣта, всѣ, кромѣ одного, на который было отвѣчено ясно и прямо. Фонвизинъ спрашивалъ: „Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжебъ своихъ и рѣшеній правительства?“ Екатерина отвѣчала: „Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было“. Дѣйствительно, только указомъ сенату отъ 15 января 1783 года было разрѣшено „во всѣхъ городахъ Россійской имперіи заводить типографіи и печатать книги на русскомъ и иностранныхъ языкахъ“ [3]); но, конечно, Фонвизинъ не задавался уже вопросами: „отъ чего“ не печатались судебныя рѣшенія въ казенныхъ типографіяхъ? „отъ чего“ ранѣе не разрѣшались частныя типографіи? Наученный горькимъ опытомъ, умный Фонвизинъ предпочелъ, вмѣсто „грѣховныхъ“ вопросовъ, распространиться о пользѣ судебной гласности: „Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія. Способомъ печатанія тяжебъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отече-

---

[1]) Стран. 211.
[2]) „Собесѣдникъ“, V, 151.
[3]) Архивъ Сената, т. 153, л. 58; П. С. З., № 15634.

ства. Многіе постыдятся дѣлать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ, воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О, еслибъ я имѣлъ талантъ вашъ, съ радостью начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни, объявленныя во всенародное извѣстіе. Если бъ я имѣл перо ваше, съ какою бы живостью изобразилъ я, какъ пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки, какъ, при чтеніи каждой строки, языкъ его нѣмѣетъ и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія" [1]).

Надежды Фонвизина, на цѣлое столѣтіе опережавшаго своихъ современниковъ, не сбылись. При Екатеринѣ II не печатались судебныя рѣшенія. Незадолго до смерти Фонвизина, придававшаго такое мощное значеніе печати, въ 1791 году началъ издаваться „Театръ судовѣдѣнія или чтеніе для судей", но въ немъ помѣщались преимущественно процессы иностранные, а изъ русскихъ только такія судебныя дѣла, за которыя „нельзя было не восплескать мудрости судей". Само собою разумѣется, что подобное изданіе ни мало не отвѣчало намѣреніямъ Фонвизина и вскорѣ же должно было прекратиться. Смерть однако, пощадила автора вопросовъ: онъ не дожилъ до 16 сентября 1796 года, когда именнымъ указомъ сенату свобода книгопечатанія была значительно ограничена, частныя типографіи закрыты [2]), и русское печатное слово приняло иное направленіе, не то, которое имѣлъ для него въ виду Фонвизинъ.

Фонвизинъ не нравился Екатеринѣ. Человѣкъ прямой, умный, наблюдательный, онъ, подобно Екатеринѣ, ясно видѣлъ всякій порокъ, малѣйшій недостатокъ; но въ то время какъ императрица была обязана, по самому своему положенію, смотрѣть на многое сквозь пальцы и иное даже прикрывать своимъ именемъ, Фонвизинъ клеймилъ все своей сатирой, выставлялъ все на позоръ. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неудобенъ для Екатерины. И не для нея одной: даже родные писателя совѣтовали ему быть осторожнѣе. „Сатиръ писать не буду, — говоритъ Фонвизинъ сестрѣ, — пожалуй, будь въ томъ увѣрена, что я человѣкъ, не хвастая могу сказать, резонабельный. Ты меня привела въ резонъ, и я сдѣлалъ жертвоприношеніе Аполлону сожегши сатиру въ печи" [3]). Какъ писатель, Фонвизинъ не только не писалъ торжественныхъ одъ въ честь Екатерины, какъ *Державинъ* или *Капнистъ*, не прославлялъ ея дѣяній, какъ *Новиковъ*, но имѣлъ даже не-

---

[1]) Фонвизинъ, стран. 210.
[2]) Архивъ Сената, т. III, л. 432. П. С. З., № 17508.
[3]) Фонвизинъ, стран. 368.

осторожность сочинить „Слово на выздоровленіе великаго князя Павла Петровича“ [1]). Въ придворной сферѣ Фонвизинъ примкнулъ къ партіи графа Никиты *Панина*, которая „не въ авантажѣ обрѣталась“, и, конечно, не сдерживался въ своихъ отзывахъ о партіи противной, объ „орловскихъ сторонникахъ“; онъ не умѣлъ лавировать такъ, какъ умѣла то Екатерина. Когда умерли князь Григорій Орловъ и графъ Никита Панинъ, Екатерина писала Гримму: „Смерть князя Орлова тѣмъ и замѣчательна, что графъ Панинъ умеръ недѣли за двѣ до него и что ни одинъ изъ нихъ не зналъ о смерти другого. Эти два лица, постоянно противныхъ мнѣній, вовсе не любившія другъ друга, очень удивятся, встрѣтившись на томъ свѣтѣ. Правда, что вода и огонь менѣе различны, чѣмъ они. Многіе годы прожила я съ этими совѣтниками, нашептывавшими мнѣ въ уши, каждый свое, и, однако, дѣла шли и шли блистательно; но часто приходилось поступать какъ Александръ съ гордіевымъ узломъ, и тогда происходило соглашеніе мнѣній. Смѣлый умъ одного, умѣренная осторожность другого и ваша покорная слуга съ ея курцъ-галопомъ между ними придавали изящество и мягкость самымъ важнымъ дѣламъ“ [2]).

Этотъ-то „курцъ-галопъ“, какъ нравственный аллюръ, былъ совершенно чуждъ „Фонвизина. Даже „похвальное“ слово великому князю Павлу Петровичу онъ закончилъ словами: „Люби россіянъ. Буди правосуденъ, милосердъ, чувствителенъ къ бѣдствіямъ людей. Не ищи другія себѣ славы — любовь народа есть истинная слава государей. Внимай единой истинѣ и чти лесть измѣною. Тутъ нѣтъ вѣрности къ государю, гдѣ нѣтъ ея къ истинѣ. Почитай достоинства прямыя и награждай заслуги“ [3]). Тутъ ужъ нѣтъ мѣста никакому курцъ-галопу.

По нѣкоторымъ вопросамъ Фонвизинъ опережалъ даже „Наказъ“, признанный въ то время наиболѣе передовымъ кодексомъ государственной мудрости. По этому кодексу, „противно существу торговли, чтобы дворянство оную въ самодержавномъ правленіи дѣлало; противно и существу самодержавнаго правленія, чтобы дворянство въ ономъ торговлю производило“; а между тѣмъ Фонвизинъ не только перевелъ трактатъ аб. Койе „Торгующее дворянство“, но и самъ завелъ „комерцію вещами до художества принадлежащими“ [4]).

Сходился вполнѣ Фонвизинъ съ Екатериною только въ ненависти къ „петиметрамъ“, но онъ высказывалъ свою ненависть нѣсколько иначе, чѣмъ императрица [5]). Вотъ отрывокъ изъ парижскаго письма Фонвизина: „Первыя особы во французскомъ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ, ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобы они на людей не походили. Какъ

---

[1]) Тамъ же, стран. 180.
[2]) Сборникъ русск. ист. общества, XXIII, 275.
[3]) Фонвизинъ, стран. 185.
[4]) Тамъ же, стран. 567, 524; Лавровскій, Къ біографіи Фонвизина въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“, т. 160, стран. 208.
[5]) Сборникъ русск. ист. общ., VII, 404; X, 66 и др.

скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій, и они выростаютъ обыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. Нынѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества управляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы стать угодникомъ Божіимъ. Другой — побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ. Сверхъ того, почитается онъ первымъ петиметромъ, и всѣ молодые люди подражаютъ его тону, который состоитъ въ томъ, чтобы говорить грубо, произнося слова отрывисто; ходить переваливаясь, разинувъ ротъ, несмотря ни на кого; толкнуть всякаго, съ кѣмъ встрѣтится; смѣяться безъ малѣйшей причины, сколько силъ есть громче; словомъ, дѣлать все то, что дурачество и пьянство въ голову вложить могутъ. Таковы всѣ нынѣшніе французскіе петиметры" [1]).

Во всѣхъ произведеніяхъ Фонвизина, въ комедіяхъ и въ перепискѣ, въ оригинальныхъ и переводныхъ трудахъ, всюду виденъ чрезвычайно симпатичный мотивъ, водившій его перомъ — разумная любовь къ родинѣ. Таково начало всякой сатиры; только разумный патріотъ можетъ быть правдивымъ сатирикомъ. Фонвизинъ любилъ Россію, желалъ видѣть ее счастливою, и потому-то силился исправлять замѣчаемые недостатки, какъ добродушною насмѣшкою и суровою укоризною, такъ и негодованіемъ, совѣтомъ, примѣромъ. Онъ любилъ Россію не только сердцемъ, но и умомъ. Какъ умный патріотъ, писалъ онъ изъ-за границы: „Если кто изъ молодыхъ моихъ согражданъ, имѣющій здравый разсудокъ, вознегодуетъ, видя въ Россіи злоупотребленія и неустройства, и начнетъ въ сердцѣ своемъ отъ нея отчуждаться, то для обращенія его на должную любовь къ отечеству нѣтъ вѣрнѣе способа, какъ скорѣе послать его заграницу. Здѣсь, конечно, узнаетъ онъ самымъ опытомъ очень скоро, что всѣ разсказы о здѣшнемъ совершенствѣ сущая ложь, что люди вездѣ люди, что прямо умный и достойный человѣкъ вездѣ рѣдокъ и что въ нашемъ отечествѣ, какъ ни плохо иногда въ немъ бываетъ, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой землѣ, если совѣсть спокойна и разумъ правитъ воображеніемъ, а не воображеніе разумомъ" [2]).

Было время, и не такъ давнее, когда громко высказывалось мнѣніе, будто русская сатира, въ ея лучшихъ представителяхъ, не принесла русскому обществу никакой пользы и принесть ея не могла; въ видѣ наиболѣе вѣскаго доказательства приводилось сознаніе самихъ сатириковъ въ ихъ безуспѣшности „дураковъ поубавить въ Россіи". Это доказательство представляется намъ не болѣе какъ недоразумѣніемъ.

---

[1]) Фонвизинъ, стран. 345.
[2]) Фонвизинъ, стран. 331.

Фонвизинъ, въ посланіи „Къ уму моему“, высказывая совершенно справедливую мысль, что „останется дуракъ навѣки дуракомъ“ [1]), обращался къ своему уму съ такимъ увѣщаніемъ:

Къ тебѣ, о разумъ мой, я слово обращаю;
Я болѣе тебя уже не защищаю.
Къ чему ты глупости людскія примѣчаешь?
Иль ты исправить ихъ собой предпринимаешь?
Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить,
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.

Сто лѣтъ спустя, эта же тенденція была высказана еще рѣзче, еще рѣшительнѣе [2]):

. . . . Но умолкни мой стихъ!
И погромче насъ были витіи,
Да не сдѣлали пользы перомъ...
Дураковъ не убавимъ въ Россіи,
А на умныхъ тоску наведемъ.

Число „дураковъ“ въ странѣ не поддается исчисленію; въ статистическихъ таблицахъ не существуетъ соотвѣтствующей графы. Мы можемъ только съ увѣренностью сказать, что дураки „Бригадира“ и „Недоросля“ являются для насъ „преданьемъ старины глубокой“: не только Простакова съ ея сыномъ Митрофанушкой, но и весь родъ Скотининыхъ отошелъ уже въ вѣчность. Невозможно, конечно, точно исчислить, насколько произведенія Фонвизина содѣйствовали этому исчезновенію Скотининыхъ, но отрицать заслугу писателя въ этомъ отношеніи нельзя. За Скотиниными Фонвизина пришла очередь Скотининыхъ Грибоѣдова, Гоголя, Некрасова, Щедрина, не обращавшихъ прежде на себя вниманія, что и служитъ неложнымъ свидѣтельствомъ успѣха общественнаго. Несомнѣнно одно: счастлива та страна, лучшіе представители которой ополчаются противъ „дураковъ“, число которыхъ для всякаго истиннаго патріота всегда представляется чрезмѣрнымъ.

Графъ Никита Панинъ, „благодѣтель“ Фонвизина, умеръ въ 1783 г. Въ томъ же году Фонвизинъ вышелъ въ отставку. Въ концѣ 1787 г. авторъ „Недоросля“ объявилъ объ изданіи на будущій годъ „періодическаго сочиненія, посвященнаго истинѣ“, подъ заглавіемъ „Стародумъ“. 4 апрѣля 1788 г. онъ писалъ графу Петру Панину: „Здѣшняя полиція воспретила печатаніе Стародума“.

1 декабря 1792 г. Денисъ Ивановичъ Фонвизинъ скончался.

Бильбасовъ.

---

[1]) Тамъ же, стран. 168.
[2]) Стихотв. Некрасова. С.-Пб., 1873, т. I, стран. 168.

Фонвизинъ, какъ представитель новаго направленія вѣка Екатерины II.

Фонвизинъ болѣе, нежели кто-либо другой, выражаетъ собою новую сторону жизни, которая вливалась въ наше общество вслѣдствіе принятія идей западныхъ. Въ другихъ писателяхъ она менѣе ощутительна и не такъ прямо высказана, какъ въ немъ. Поэтому-то мы и будемъ его здѣсь прежде всего разсматривать какъ человѣка, который въ своихъ комедіяхъ и письмахъ изъ-за границы высказывалъ это новое направленіе.

Онъ служилъ у графа Панина, былъ въ обществѣ людей, дѣйствовавшихъ подъ управленіемъ Екатерины, и поэтому кажется, наука западная не переставала на него дѣйствовать. По крайней мѣрѣ, въ комедіяхъ его мы безпрестанно сталкиваемся съ нѣкоторыми изъ началъ, высказанныхъ императрицею въ „Наказѣ“, въ дѣйствіяхъ ея и въ перепискѣ съ учеными. Видимо, что источникъ, откуда приходили эти убѣжденія, былъ общій...

Въ комедіи „Недоросль“ есть два лица: Правдинъ и Стародумъ, которыхъ характеры безцвѣтны, нехудожественны въ такой же степени, какъ характеры Нельстецова и Сеума въ „Выборѣ гувернера“, или, какъ у Грибоѣдова характеръ Чацкаго въ „Горѣ отъ ума“. Эти лица введены Фонвизинымъ для того, чтобы они говорили цѣлыми тирадами о честности, добронравіи, о дѣйствительныхъ выгодахъ общества; они вовсе не художественны, повторяемъ, но важны для насъ по сему послѣднему значенію. Такимъ образомъ, Правдинъ пріѣхалъ въ деревню по слѣдующей причинѣ: онъ имѣетъ повелѣніе отъ намѣстника объѣхать округъ и по собственному влеченію не оставляетъ замѣчать „тѣхъ злонравныхъ невѣждъ, которые, имѣя надъ людьми полную власть, употребляютъ ее во зло безчеловѣчно“. Онъ исполняетъ только образъ мыслей намѣстника, который старается помогать страждущему человѣчеству. Онъ нашелъ безчеловѣчіе въ домѣ Простаковыхъ, ибо жена Простакова разсуждаетъ такъ, что дворянинъ властенъ въ своихъ людяхъ, иначе „на что жъ намъ данъ указъ о вольности дворянства?“ Результатъ всего этого выходитъ тотъ, что Правдинъ, вынувъ бумагу, объявляетъ Простакову: „Именемъ правительства вамъ приказываю сейчасъ же собрать людей и крестьянъ, для объявленія имъ указа, что за безчеловѣчіе жены вашей, до котораго попустило ее ваше крайнее слабомысліе, повелѣваетъ мнѣ правительство принять въ опеку домъ вашъ и деревни“. Мысль объ оцѣнкѣ людей по ихъ личнымъ достоинствамъ и заслугамъ — это почти конекъ Стародума. Объ этомъ онъ разсуждаетъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Стародумъ былъ на войнѣ, отличился, но его обошли. Это даетъ ему случай сказать, что „прямо *любочестивый* человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ; что чины нерѣдко выпрашиваются, а истинное почтеніе необходимо заслуживается; что гораздо честнѣе

быть безъ вины обойдену, нежели безъ заслугъ пожаловану". Это заставляетъ Правдина спросить у Стародума; „но развѣ дворянину не позволяется взять отставки ни въ какомъ случаѣ?"

Стародумъ. „Въ одномъ только, когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его отечеству прямой пользы не приноситъ. А! тогда поди".

Правдинъ. „Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина!"

Насъ, для поясненія, это мѣсто заставляетъ обратиться къ „Наказу" Екатерины, въ которомъ говорится (стран. 363), что „на степень дворянства возводитъ людей *добродѣтель съ заслугою*", что (стран. 364) „добродѣтель и *честь* должны быть оному правилами, предписывающими любовь къ отечеству, ревность къ службѣ и послушаніе и вѣрность къ государю и безпрестанно внушающими оному не дѣлать никогда *безчестнаго дѣла*".

Между словами Фонвизина и словами „Наказа" нѣтъ никакой разницы: они проникнуты идеей. Но когда вы вникните въ историческое развитіе нашего дворянства, въ его прежнее значеніе; когда припомните, что дворянство, недавно избавленное отъ тѣлесныхъ наказаній, дворянство полуобразованное, получаетъ вдругъ такое духовное значеніе; когда императрица объявила, что всякій обманъ, противный чести, нарушеніе клятвы и даннаго слова, а наипаче тѣ дѣйствія, которыя за собою влекутъ *уничиженіе*, исключаютъ изъ дворянства,— вы невольно спрашиваете себя, откуда такое быстрое преобразованіе? откуда эти тонкіе оттѣнки, до того времени мало извѣстные русскому обществу? Откуда этотъ рыцарскій point d'honneur, свойственный одному утонченному и образованному обществу?

Въ XVIII в. господствовало ученіе Монтескьё; по этому ученію, начало, принципъ монархическихъ правленій составляетъ l'honneur— „почетъ"; это начало поддерживается дворянскимъ, высшимъ классомъ, исполняющимъ волю монарха. Чтобъ этотъ классъ народа соотвѣтствовалъ своему назначенію, должно, по ученію Монтескьё, устроить нѣсколько ранговъ, степеней, которыя бы безпрестанно поддерживали начало почета, безпрестанно обѣщая въ будущемъ новыя и новыя награды. Классъ этотъ, какъ хранитель принципа государственнаго, долженъ носить въ себѣ всѣ тѣ достоинства, которыя необходимы для славы государства, ибо, по словамъ „Наказа" (стран. 16) „самодержавныхъ правленій намѣреніе есть *слава гражданъ, государства и государя*". Монтескьё провелъ идею по всей жизни частной и общественной этого сословія. Для него настоящая школа — свѣтъ, общество. Поступки этихъ людей должны быть не столько добры, сколько прекрасны, велики, необыкновенны. Это поражаетъ воображеніе. Оттого-то по ученію Монтескьё, дворянство должно служить монарху преимущественно на войнѣ, потому что эта служба своими случайностями, успѣхами и даже несчастіями ведетъ къ величію. Но, налагая эту обязанность, должно оставить дворянству свободу

располагать ею, и если честь оскорблена, должно позволить оставить службу... Это же самое начало чести требуетъ свободы вступать въ службу или отказываться отъ нея; этимъ она дорожитъ больше, нежели своимъ имуществомъ...

Посмотрите послѣ этого на жалованную дворянству грамоту, сравните приведенныя нами выше слова изъ „Наказа" императрицы и скажите, развѣ въ нашихъ учрежденіяхъ нѣтъ плодовъ перваго столкновенія съ западными идеями? Посмотрите послѣ этого на подвиги русскихъ при Екатеринѣ и скажите, какъ удачно умѣла она примѣнить къ Россіи занесенныя начала!

Фонвизинъ совершенно счастливъ, когда ему представляется возможность раскрыть эту мысль по какому бы то ни было случаю. Напр., Правдинъ говоритъ Стародуму, что деньги нерѣдко ведутъ къ чинамъ, чины обыкновенно къ знатности, а знатнымъ оказывается почтеніе. На это Стародумъ отвѣчаетъ: „Почтеніе! Одно почтеніе должно быть лестно человѣку — душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ".

Наивный Правдинъ отвѣчалъ, будто это заключеніе неоспоримо: должно быть, въ его время въ письмахъ не приписывали „остаюсь съ душевнымъ почтеніемъ и преданностью"... Въ другомъ мѣстѣ Стародумъ читаетъ свою неумолимую мораль Софьѣ:

„Такъ, мой другъ; и я согласенъ назвать счастливымъ знатнаго и богатаго. Да сперва согласимся, кто знатенъ и кто богатъ. У меня мой расчетъ. Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, а по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами"...

Далѣе, разговоръ въ „Выборѣ гувернера" княгини и Сеума о княжеской породѣ и о томъ, что такое природа и что такое порода, развиваетъ ту же мысль. Да и вообще, вся пьеса „Выборъ гувернера" въ этомъ отношеніи очень замѣчательна.

Какъ заслуги отечеству поставлялись главнымъ основаніемъ дворянству, такъ заслуги на поприщѣ промышленности, наукъ и искусствъ должны были служить основаніемъ другому классу народа — *среднему*. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ то же начало при оцѣнкѣ достоинства, только обращаемое на другую сферу дѣятельности, почти новую для Россіи. Сфера эта была очень нова для насъ. До Петра собственно было два класса народа: высшій и низшій, о среднемъ и помина не было, несмотря на всѣ усилія Петра Великаго создать эту опору государства; его начала и органы, магистраты, не успѣвъ утвердиться на русской почвѣ, были ослаблены въ конецъ и совсѣмъ уничтожены при его преемникахъ. Разсѣянность населенія по всему пространству государства, малочисленность и малолюдность городовъ, недостатокъ богатства, нравственнаго развитія и образованности, оставляли существовать магистраты Петра Великаго болѣе по имени, нежели въ самомъ

дѣлѣ. Форма предшествовала содержанію и не имѣла никакого значенія. Извѣстно, что въ городахъ нашихъ можно было найти нѣсколько ремесленниковъ низшей руки, нѣсколько обывателей, занимавшихся мелочною торговлею, нѣсколько отставныхъ бѣдныхъ чиновниковъ, отставныхъ военныхъ мелкаго разряда, — все остальное населеніе состояло изъ людей служилыхъ: чиновниковъ, военныхъ, духовныхъ, зависѣвшихъ отъ своего начальства, не имѣвшихъ общихъ потребностей съ жителями городовъ, составлявшими городское общество. И этому обществу дано было учрежденіе общественное, къ которому оно не привыкло, потому что и въ городѣ жили раздѣльными интересами. Послѣ уничтоженія магистратовъ при преемникахъ Петра, Екатерина Вторая вздумала воскресить это учрежденіе. Она невольно была поражена силою, богатствомъ и образованностію средняго класса на Западѣ и, желая блага Россіи, рѣшилась снова „воздвигнуть разсѣянную храмину“, какъ выражался Петръ Великій о среднемъ сословіи. Но какъ соединить то, что разсѣяно? Учрежденіемъ ли общественнымъ, или развитіемъ богатства, промышленности, образованности и нравственнаго достоинства гражданъ? Конечно, цѣль можетъ быть достигнута тѣмъ и другимъ путемъ вмѣстѣ, но развить послѣднее, т.-е. матеріальныя и нравственныя силы народа, нельзя скоро; это требуетъ много времени. Екатерина приняла мѣры къ образованію этого класса и къ освобожденію промышленности отъ оковъ и монополій, ее стѣснявшихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вновь осуществила забытую мысль Петра — учредила думы, магистраты, ратуши. Но этимъ еще не создавался классъ народа; это была одна форма. Должно было, по крайней мѣрѣ, опредѣлить, что̀ будетъ составлять душу этого сословія, отъ котораго (по словамъ „Наказа“ стран. 378) государство много добра ожидаетъ. Итакъ, основу средняго класса должно составлять *добронравіе и трудолюбіе.* И вотъ она назначила, что къ среднему классу будутъ принадлежать всѣ тѣ (стран. 380), которые, не бывъ ни дворянами ни хлѣбопашцами, упражняются *въ художествахъ, въ наукахъ, въ мореплаваніи, въ торговлѣ и ремеслахъ;* сверхъ того, всѣ тѣ, которые, не бывъ дворянами, будутъ выходить изъ всѣхъ училищъ и воспитательныхъ домовъ, какого бы тѣ училища званія ни были, духовныя или свѣтскія; наконецъ дѣти приказныхъ. Вотъ перечень тѣхъ лицъ, которыя должны были составить средній классъ; но гдѣ же можно было тогда найти городъ, въ которомъ бы жители были художники, ученые и негоціанты, ведущіе на своихъ корабляхъ заграничный торгъ, предположивъ даже, что купцы и ремесленники были въ каждомъ городѣ? Очевидно, идея этого учрежденія перенесена отъ народа, гдѣ ученый, художникъ и кораблехозяинъ — не рѣдкость. У насъ, большею частію, люди ученые и художники находятся на службѣ государственной, получаютъ чины и достигаютъ дворянства, а о нашихъ кораблехозяевахъ и говорить нечего: они извѣстны наперечетъ. Слѣдовательно, есть просто гражданинъ, не состоящій на службѣ, точно такъ же, какъ адвокатъ, докторъ, купецъ и фабрикантъ. Гдѣ высшій классъ рѣзко

отдѣленъ отъ средняго родовымъ достоинствомъ, и заслуги въ наукахъ и художествахъ не дѣлаютъ, на основаніи закона, членовъ высшаго сословія... Такъ какъ въ царствованіе Екатерины средній классъ существовалъ въ идеѣ, а не на самомъ дѣлѣ, въ возможности, а не de facto, то Фонвизину, какъ комику, который беретъ сюжеты изъ жизни дѣйствительной, онъ не далъ никакого содержанія. Не было ни достоинствъ ни недостатковъ средняго класса, потому что онъ вовсе не существовалъ: слѣдовательно, въ комедіяхъ Фонвизина нѣтъ ни нападковъ на этотъ классъ ни защиты его. Въ противномъ случаѣ онъ не былъ бы русскимъ комикомъ...

Укажемъ еще на черты образованности Екатеринина вѣка, чтобъ подтвердить еще болѣе нашу мысль, что эта образованность принесла съ собою и направленіе, и жизнь, и идею. Мы уже показали нѣкоторые результаты того взгляда на каждаго человѣка, какъ человѣка, которые отзывались въ нашемъ обществѣ; сдѣлаемъ еще нѣкоторые выводы.

Человѣкъ, которому нѣтъ ничего чуждаго въ человѣческой природѣ, сочувствуетъ всѣмъ проявленіямъ мысли и чувства. Для такого человѣка, слѣдовательно, драгоцѣнно проявленіе достоинства человѣческаго, въ какомъ бы народѣ оно ни показалось, въ какое бы время ни обнаружилось. Онъ любитъ въ природѣ все, что въ ней есть прекраснаго, уважаетъ въ человѣчествѣ все, что проистекаетъ изъ разумной его природы. Онъ уважаетъ законы мысли и влеченіе чувства, какъ начала развитія въ человѣчествѣ. Для такого человѣка нѣтъ фанатизма религіознаго, нѣтъ исключительности политической, замкнутости каждаго человѣка въ свои собственныя силы, эгоизма, индивидуальности. Для него всѣ религіи терпимы, всѣ народности имѣютъ свои достоинства и недостатки, всѣ люди имѣютъ свои слабости и свою долю совершенства. Эта философская сторона вѣка имѣла самыя благодѣтельныя вліянія на общество европейское. Одно прекращеніе религіозныхъ гоненій сдѣлало счастливыми не только цѣлыя области государствъ, но возстановило права цѣлыхъ народовъ. Екатерина Вторая въ „Наказѣ“ обратила на этотъ пунктъ особенное вниманіе и слѣдующія четыре статьи назвала *правилами весьма важными и нужными*. Вотъ эти правила (стран. 494):

„Въ толь великомъ государствѣ, распространяющемъ свое владѣніе надъ толь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности своихъ гражданъ былъ порокъ — запрещеніе или недозволеніе ихъ различныхъ вѣръ (стран. 495). И нѣтъ подлинно иного средства кромѣ разумнаго, иныхъ законовъ дозволенія, православною нашею вѣрою и политикою не отвергаемаго, которымъ бы можно всѣхъ сихъ заблуждшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду (стран. 496). Гоненіе человѣческіе умы раздражаетъ, а дозволеніе вѣрить по своему закону умягчаетъ и самыя жестоковыйныя сердца, и отводитъ ихъ отъ заматерѣлаго упорства, утушая споры ихъ, противные тишинѣ государства и соединенію гражданъ“.

За обнародованіе этихъ правилъ Вольтеръ писалъ къ Екатеринѣ, что она сдѣлала его язычникомъ, что онъ повергается къ стопамъ ея болѣе съ боготвореніемъ, нежели съ глубочайшимъ почтеніемъ, и что онъ дѣлается жрецомъ въ ея храмѣ. Старику это было кстати, а если бъ онъ пріѣхалъ въ Россію, то императрица, вѣроятно, въ день крещенія посадила бы его за столъ вмѣстѣ съ прочимъ духовенствомъ. Сумароковъ говоритъ, что духовникъ императрицы 6 декабря угощалъ духовенство всѣхъ исповѣданій — католиковъ, уніатовъ, пасторовъ англиканской церкви, лютеранъ, кальвинистовъ, армянъ, квакеровъ и анабаптистовъ.

Надъ приведеніемъ въ исполненіе начала вѣротерпимости хлопотали вмѣстѣ и философія вѣка, и Іосифъ II, и Фридрихъ Великій, и Екатерина Вторая. Въ особенности много пользы принесло это начало при изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и еретичествѣ. Императрица Екатерина въ томъ же „Наказѣ“, на стр. 497, говорила, что обвиненіе въ этихъ двухъ преступленіяхъ можетъ нарушить тишину, вольность и благосостояніе гражданъ и быть источникомъ безчисленныхъ мучительствъ, если въ законахъ предѣловъ положено не будетъ. Ибо, такъ какъ такое обвиненіе не падаетъ прямо на дѣйствія гражданина, но больше относится къ тому понятію, которое создали себѣ люди, то оно бываетъ опасно по мѣрѣ простонароднаго невѣжества. А невѣжество, въ особенности между низшимъ классомъ народа, было въ то время значительно. Мы свыклись теперь съ понятіемъ, что такія преступленія, какъ чародѣйство, нужно преслѣдовать осторожно; но тогда обнародованіе такого начала было важнымъ пріобрѣтеніемъ въ законодательствѣ.

Объявляя терпимость вѣры въ среднемъ государствѣ, Екатерина не менѣе терпѣливо выслушивала и мнѣнія, часто не согласныя съ ея образомъ мыслей. Въ этомъ отношеніи Сумароковъ приводитъ характеристическій споръ императрицы съ графомъ Петромъ Панинымъ. „Однажды“, говоритъ онъ, „императрица привезла съ собою новыя правила о соли и прочла ихъ сама въ Сенатѣ. Всѣ сенаторы встали съ своихъ мѣстъ, превозносили ихъ похвалами, благодарили отъ цѣлаго Сената. Одинъ графъ Панинъ сидѣлъ и молчалъ. Удивленная Екатерина спросила его: „Вы, я вижу, графъ, противнаго съ нами мнѣнія?“ — „Такъ, государыня; но разсуждать мнѣ, послѣ сдѣланнаго вами постановленія, уже непристойно“. „Нѣтъ“, сказала она, „это только предположеніе, взгляните: бумага не подписана мною; говорите свободно, я васъ о томъ прошу“. — „О, когда такъ, позвольте же снова выслушать!“ Всѣ опять усѣлись, и Екатерина читала въ другой разъ. Графъ возражалъ противъ каждой статьи, она хладнокровно соглашалась и до того вымарала, что почти ничего не осталось изъ прославленнаго начертанія. По окончаніи этого примѣрнаго пренія, она велѣла придвинуть къ окну двое креселъ, долго разсуждала съ Панинымъ тихо и, отходя, благодарила его за благородство мыслей, за справедливость, пригласила его къ своему столу и увезла съ собою“ („Истор. Обозр. царств. Екатерины II“. Сумар., ч. I, стран. 84 и 85).

Поэтому не мудрено, если мы въ „Наказѣ“ встрѣчаемъ слѣдующія слова о министрахъ (стран. 516).

„Министръ тотъ очень неискусенъ въ званіи своемъ, который вамъ всегда станетъ сказывать, что государь досадуетъ, что онъ нечаянно упрежденъ, что онъ въ томъ поступалъ во своей волѣ“.

То-есть, министръ поступитъ очень неискусно, если прежде рѣшенія дѣла по закону выскажетъ волю государя, потому что рѣшеніе должно быть произнесено нелицепріятно, на основаніи законовъ. Поэтому-то императрица требовала, чтобы всѣ свободно высказывали свое мнѣніе; иначе, говоритъ она въ ст. 517, это будетъ несчастіемъ въ государствѣ:

„Еще бы сіе великое было несчастіе въ государствѣ, если бъ не смѣлъ никто представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи, ни извинять своихъ худыхъ успѣховъ, отъ упорства счастія происшедшихъ, ниже свободно говорить своего мнѣнія“.

Фонвизинъ понималъ мысль Екатерины, и потому говоритъ отъ лица Стародума (стран. 545):

„Богу благодареніе, мы живемъ въ томъ вѣкѣ, въ которомъ *честный* человѣкъ можетъ мысль свою сказать безбоязненно... Екатерина, отверзая пути къ просвѣщенію, сняла съ рукъ писателей оковы и позволила вездѣ охотникамъ заводить вольныя типографіи, дабы умы имѣли повсюду способы выдавать въ свѣтъ свои творенія. Итакъ, россійскіе писатели! какое обширное поле предстоитъ вашимъ дарованіямъ! Если какая-нибудь робкая душа, обитающая въ тѣлѣ знатнаго вельможи, устремится на васъ, отъ страха, чтобъ не терпѣть униженія отъ великихъ обличеній; если какой-нибудь безсовѣстный лихоимецъ дерзнетъ, подкапываясь подъ законы, простирать хищную руку на грабежъ отечества и своихъ согражданъ, то перо ваше можетъ ясно обличить ихъ...“

А въ другомъ мѣстѣ Фонвизинъ говоритъ:

„Недоросль мой служитъ тому доказательствомъ, ибо лѣтъ за тридцать назадъ тому роль Стародума могла ли быть представлена и напечатана...“

Мы видимъ, что Фонвизинъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ былъ только отголоскомъ императрицы, былъ первымъ путешественникомъ на пути, проложенномъ Екатериною. Потомство поставитъ ему въ великую заслугу то, что онъ такъ вѣрно могъ схватить мысль великой государыни...

Не забудемъ еще одной важной черты царствованія Екатерины — плана воспитательныхъ домовъ. Молодые люди, поступивъ въ эти заведенія, никогда не должны были покидать ихъ до тѣхъ поръ, пока не окончатъ курса наукъ. Этимъ хотѣли образовать новое поколѣніе, съ новыми понятіями, изъятое изъ предразсудковъ народа, нераздѣльныхъ съ жизнію молодыхъ людей въ семействѣ. Хотѣли, чтобы воспитанникъ, окончившій курсъ, былъ *человѣкъ* по преимуществу. Опять черта чрезвычайно характеристическая! Принято за основаніе, что умъ

ребенка есть tabula rasa, что содержаніе этого ума зависитъ отъ впечатлѣній перваго возраста, что, однажды начертавъ въ этомъ умѣ правила благородства и любви къ истинѣ, можно будетъ ручаться за его дальнѣйшее человѣческое развитіе...

Послѣ всего этого императрица могла писать къ Циммерману, что она въ политическомъ своемъ поведеніи старалась слѣдовать начертанію, которое ей казалось полезнѣйшимъ для государства и нетягостнымъ для другихъ: „Если бъ я знала лучшее, предпочла бы оное... Вообще, *человѣчество* имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ... Я уважаю философію“... Дѣйствительно, она старалась быть другомъ человѣчества, которымъ для блага общаго должны управлять законы. Въ этомъ отношеніи она высказала въ § 39 „Наказа“ великую мысль:

„Государственная вольность въ гражданахъ есть спокойствіе духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью; а чтобъ люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такому, чтобъ *одинъ гражданинъ не могъ бояться другого, а боялись бы всѣ одних законовъ*“.

Отъ этого-то императрица старалась соблюдать законы непоколебимо; законамъ давала она то же самое значеніе, какъ и Монтескьё — именно, что законы въ обширномъ значеніи суть необходимыя отношенія, происходящія изъ самой природы вещей. По ученію Монтескьё, въ этомъ смыслѣ всѣ существа имѣютъ свои законы: божество, міръ физическій, животныя и, наконецъ, человѣкъ. Въ отношеніи къ обществу, законъ есть разумъ человѣческій, управляющій всѣми народами земли, и законы государственные и гражданскіе каждой націи не что иное, какъ частные случаи, къ которымъ примѣняется разумъ человѣческій. Понимая такое значеніе закона, императрица говорила, что (§ 7 Генер. прокур. наказа) „правленіе, самое сходственное съ естественнымъ, есть то, котораго особенное расположеніе соотвѣтствуетъ всего лучше расположенію народа, для котораго оно создано“.

Изъ этого же выводила императрица и необходимость самодержавнаго правленія для Россіи.

Вотъ краткое указаніе на нѣкоторые пункты ученія, развитаго въ „Наказѣ“ императрицы Екатерины Великой, который для исторіи просвѣщенія Россіи есть такой же краеугольный камень, какъ для царствованія Петра Великаго его уставы морскіе и воинскіе, его коллегіи, его флотъ, войско... „Наказъ“ — памятникъ того времени, когда Россія познакомилась съ европейской литературою, и въ немъ эта литература выразилась больше, нежели во всѣхъ остальныхъ произведеніяхъ вѣка. Поэтому-то Екатерину мы ставимъ во главѣ движенія, которое ея образованность давала Россіи; на Фонвизина же смотрѣли только, какъ на человѣка, который развивалъ начала, изложенныя въ „Наказѣ“, слѣдовательно, брошенныя въ русское общество. Не надо забывать, что этотъ „Наказъ“ былъ предложенъ депутатамъ, собраннымъ изъ всей Россіи для составленія новаго уложенія. Мы указали

на нѣкоторыя черты „Наказа“; всѣхъ не осмѣливаемся передавать, чтобъ не утомлять читателей выписками и безъ того уже слишкомъ частыми, въ другой же формѣ передать этихъ началъ мы не могли.

Послѣдняя мысль, взятая нами изъ „Наказа“, также нашла отголосокъ въ Фонвизинѣ; въ „Недорослѣ“ Стародумъ говоритъ Правдину:

„Великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости есть та, чтобъ править людьми, потому что уживаться съ обезьянами нѣтъ премудрости... Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ. Мы это видимъ своими глазами“...

И далѣе — весь разговоръ Стародума съ Правдинымъ написанъ въ томъ же духѣ.

Мы сказали, что образованность Екатеринина вѣка, которой начала заключены въ „Наказѣ“, не осталась безъ вліянія на общество: она и не могла остаться безплодною. „Наказъ“ былъ экстрактомъ того новаго законодательства, которое должны были составить для Россіи собранные депутаты. Писала его сама императрица; иначе кто бы указалъ путь этому собранію, кто предложилъ бы ему правила новыхъ законовъ, которые бы связали Россію съ Европой внутреннею, а не одною внѣшнею жизнію, какъ это было до ея царствованія? Кто могъ поручиться императрицѣ, что депутаты не заблагоразсудятъ рѣзать руки, уши, носы за каждое ничтожное преступленіе? Кто могъ сказать, что депутаты не ограничатся одними мелкими гражданскими отношеніями, а займутся разсужденіемъ объ общихъ началахъ права, которыя должны быть положены въ основаніе великаго труда? Она не ввѣрила этого труда никому и сама предложила на разсужденіе депутатовъ начала права, извлеченныя изъ жизни всѣхъ образованныхъ государствъ, и на нихъ хотѣла построить новое европейское государство — Россію. Въ этомъ дѣлѣ она приняла на себя весь трудъ преобразованія, какъ Петръ Великій принялъ на себя всю отвѣтственность за тѣ нововведенія, которыми онъ въ продолженіе своего царствованія сокрушалъ привязанность къ азіатскому быту. Начала права изумили тогдашнихъ русскихъ; они увидѣли предъ собою бездну премудрости... Историки наши, приближаясь къ этому пункту царствованія Екатерины, прославляютъ мудрость великой императрицы, хотя, сказать правду, очень мало объясняютъ, почему „Наказъ“ такое великое явленіе, почему онъ имѣетъ такое важное значеніе для Россіи.

Депутатское собраніе не свершило заданнаго ему дѣла, тѣмъ не менѣе брошенныя въ общество начала дѣйствовали: русскіе больше, нежели прежде, начали ѣздить за границу, писатели смѣлѣе начали высказывать недостатки полуобразованности и загрубѣлости; Сумароковъ продолжалъ *шпынять*, какъ выражается Фонвизинъ, надъ русскимъ обществомъ. Фонвизинъ открыто говорилъ правду; Десницкій, переведшій, по приказанію императрицы, „Истолкованіе законовъ англійскихъ“ Блакстона, въ своихъ энергическихъ рѣчахъ безпрестанно указывалъ на новый путь, проложенный наукѣ Екатериною.

Въ одной рѣчи онъ говоритъ: „Долговременнымъ чтеніемъ и упражненіемъ совершается философъ, богословъ, врачъ и законоискусникъ. Но знатный всякъ думаетъ и считаетъ себя рожденнымъ судьею“. Говоря о приказной и дьяческой юриспруденціи, онъ прибавляетъ: „Симъ средствомъ и поднесь въ канцеляріяхъ всѣ учиться приступаютъ законознанію; начиная сперва копіистомъ и прорываясь сквозь всѣ огромности бумагъ, входятъ по долговремѣнномъ изможденіи на перѣ въ канцеляристы и высшіе чины. Всѣ почти отсылаютъ дѣтей своихъ прямо къ повытчикамъ и канцеляристамъ для наученія ихъ всей глубинѣ премудрости закона безъ всякаго къ тому приготовленія, даже и безъ знанія грамматики и безъ правописанія“. Первое знакомство съ образованностью западною было безотчетное увлеченіе: не знали, за что взяться, что̀ читать, что̀ переводить. Хотѣли передать русскому обществу все, что пріобрѣтено Европою посредствомъ долговременнаго ученія. Переводили Вольтера, Дидро̀, д'Аламбера, Монтескьё, Руссо, Бюффона, Боссюэта, Локка, Фергюссона, Гютчесона, Блакстона, Бильфельда, Эразма Роттердамскаго, Тацита, Горація, Виргилія, Авла Геллія, Платона... все, что находили у народовъ древнихъ и новыхъ. Въ Московскомъ университетѣ читали лекціи по Монтескьё, по Блакстону, Пуффендорфу... И все это вдругъ возникло: общество вдругъ оживилось!.. Переводы эти теперь устарѣли, но они оставили слѣдъ въ обществѣ. Имена Державина, Фонвизина — спаслись отъ забвенія... Вникните въ движеніе литературы, которое совершилось въ царствованіе Екатерины, и вы принуждены будете сказать: какое плодовитое, разностороннее и оживленное начало!

Такія лица, какъ императрица Екатерина, Дашкова, Шуваловъ, Фонвизинъ, Панинъ — такъ многосторонне образованные люди, конечно, были рѣдки; но они давали сильное движеніе, а въ этомъ-то движеніи заключается и вся важность; языкъ устарѣлъ, стихи, тогда знаменитые, не читаются теперь; но мысли, зароненныя въ общество, остались въ немъ, живутъ и быстро развиваются.

Фонвизинъ принадлежитъ къ этому времени; въ какой мѣрѣ онъ понималъ то направленіе, которое ему указывала Екатерина, мы видѣли выше. *Дудышкинъ.*

Идеалъ нравственнаго достоинства человѣка по понятію Фонвизина.

Въ 1-й, 4-й и 10-й частяхъ „Собесѣдника любителей россійскаго слова“ (1783 г.) напечатанъ первый „Опытъ россійскаго сословника“ Фонвизина. Писатели, занимавшіеся изслѣдованіемъ отечественныхъ синонимовъ, пользовались трудомъ Фонвизина безъ надлежащей критики: авторъ „Недоросля“ былъ для нихъ и въ этомъ отношеніи авторитетомъ. Они не только не вникнули въ достоинство толкованій,

которыми опредѣлялось значеніе словъ, выражающихъ сходственныя понятія, но даже не навели справокъ, откуда эти толкованія заимствованы. Такъ, П. Калайдовичъ, издавъ „Опытъ словаря русскихъ синонимовъ“ (1818), помѣстилъ въ немъ „Опытъ россійскаго сословника“ безъ всякаго измѣненія. Понятно, что погрѣшности второго вошли цѣликомъ въ первый. Погрѣшности эти заключаются или въ смѣшеніи словъ однозначащихъ съ подобнозначащими и церковно-славянскихъ съ русскими, или въ произвольныхъ и неопредѣленныхъ толкованіяхъ, что было тогда же замѣчено Фонвизину однимъ критикомъ, во 2-ой части „Собесѣдника“. Хотя критическія замѣтки не отличались основательнымъ знаніемъ предмета, но Фонвизинъ отвѣчалъ на нихъ слабо (ч. 3-я), не зная, чѣмъ отразить нѣкоторыя справедливыя возраженія противника, напримѣръ касательно сбивчивости различенія словъ: *ветхій, древній* и *старый, учредить, установить* и *устроить*.

Недостатки „Опыта россійскаго сословника“ объясняются очень просто. Фонвизинъ не имѣлъ ни точнаго понятія о значеніи синонимовъ ни способовъ къ опредѣленію различій между ними. Для подобнаго дѣла мало одного знакомства съ образцовыми писателями: нужны историческое и сравнительное изученіе языка. Въ прошломъ столѣтіи наука объ языкѣ не заявляла еще такихъ требованій, и Фонвизинъ, въ этомъ случаѣ, не опережаетъ другихъ, современныхъ ему авторовъ. Мы и не ставимъ ему въ упрекъ того, что было естественнымъ слѣдствіемъ незрѣлаго языковѣдѣнія. Начавъ говорить о первомъ „Опытѣ россійскаго сословника“, мы имѣемъ въ виду не отношеніе его къ теоріи синонимовъ. Съ этой точки зрѣнія онъ уже подвергался критической оцѣнкѣ. Мы хотимъ разсмотрѣть его съ другой стороны — *со стороны понятій о разныхъ предметахъ,* болѣе или менѣе возбуждавшихъ вниманіе Фонвизина. Толкованіе синонимовъ указываетъ *особый образъ мыслей,* котораго въ извѣстной степени держался нашъ образцовый комикъ. Нѣкоторыя мѣста „Сословника“, какъ увидимъ ниже, встрѣчаются и въ другихъ сочиненіяхъ Фонвизина: ясное доказательство того, что авторъ не отказывался отъ толкованій, которыми опредѣлялъ различіе между синонимами.

Начнемъ съ того, что „Опытъ сословника“ трудъ вовсе не оригинальный. Всѣ почти внесенныя въ него русскія подобнозначащія реченія переведены, въ сокращенномъ извлеченіи, изъ Жирарова словаря французскихъ синонимовъ. Одно изъ такихъ заимствованій указано Н. С. Тихонравовымъ въ „Замѣткахъ по поводу смирдинскаго изданія русскихъ авторовъ“ („Моск. Вѣдомости“ 1853 года, № 6). Онъ сличилъ объясненіе словъ: *безпорочность, добродѣтель, честь* съ подлинникомъ объясненія: *probité, vertu, honneur*. Представляемъ другіе примѣры перевода и текстъ en regard, по изданію 1822 года: „Dictionnaire universel des synonymes de la langue française contenant les synonymes de Girard et ceux de Beauzée, Roubaud, Dalambert, Diderot et autres écrivains célèbres“, 2 vol.

Робкій, трусливый.

Робкій бѣжитъ назадъ, *трусливый* нейдетъ впередъ; *робкій* не защищается, *трусливый* не нападаетъ.

Нельзя надѣяться ни на сопротивленіе *робкаго* ни на помощь *трусливаго*.

Lâche, poltron.

Le lâche recule, le *poltron* n'ose avancer: le premier ne se défend point, il manque de valeur; le second n'attaque point, il pèche par le courage. Il ne faut pas compter sur la résistance d'un *lâche*, ni sur le secours d'un *poltron*.

Полно, довольно.

Оба сіи нарѣчія принадлежатъ до количества, съ тою разностью, что *полно* имѣетъ большое отношеніе къ тому, которое употреблять хочешь.

Скупому сколько денегъ ни давай, никогда не скажетъ *полно*. Для мота не *довольно* милліоновъ

Многіе, имѣя посредственный доходъ, говорятъ: для насъ его *довольно;* но рѣдкій скажетъ: *полно* желать больше.

Assez, suffisamment.

Ces deux mots regardent également la quantité: avec cette différence, qu'assez a plus de rapport à la quantité qu'on veut avoir et que suffisamment en a plus à la quantité qu'on veut employer.

L'avare n'en a jamais *assez;* il accumule et souhaite sans cesse. Le prodigue n'en a jamais *suffisamment;* il veut toujours dépenser plus qu'il n'a.

On dit d'une petite portion et d'un revenu médiocre, qu'on en a *suffisammment,* mais on ne dit guère qu'on en a *assez*.

Поступокъ, вина, преступленіе, злодѣяніе, грѣхъ.

Виною называется ненаблюденіе предписанныхъ должностью правилъ.

Тяжкая вина, т.-е. важное нарушеніе закона, именуется *преступленіемъ*.

Злодѣянія происходятъ отъ безпримѣрнаго развращенія сердца. Злодѣй обыкновенно безчеловѣченъ, вѣроломенъ и врагъ общей безопасности.

Грѣхъ есть дѣйствіе противу гласа совѣсти.

Faute, crime, pêché, délit, forfait.

La *faute* tient de la faiblesse humaine; elle va contre les règles du devoir.

Le délit part de la désobéissance ou de la rebellion contre l'autorité légitime: il est une transgression de la loi civile.

Le forfait vient de scélératesse et d'une corruption entière du cœur; il blesse les sentiments d'humanité, viole la foi et attaque la sûreté publique.

Le pêche va proprement contre les mouvements de la conscience.

Помогать, пособлять, воспомоществовать, давать помощь.

Въ нуждѣ *помогаютъ;* въ трудѣ *пособляютъ;* въ недостаткѣ *воспомоществуютъ;* для обороны *даютъ помощь.*

Сострааніе велитъ *помогать* бѣднымъ; великодушіе влечетъ *пособлять* безсильнымъ; щедрый человѣкъ своимъ излишкомъ *вспомоществуетъ* другимъ въ недостаткахъ. Человѣчество заставляетъ *подавать помощь* беззащитнымъ.

Secourir, aider, assister.

On dit *secourir* dans le danger, *aider* dans le peine, *assister* dans le besoin. On va au secours dans un combat, on *aide* à porter un fardeau, on *assiste* les pauvres.

Ce sera donc au puissant à *secourir* l'infortunité: il est homme et généreux, il le fera. Ce sera surtout au fort à *aider* le faible: il le fera, s'il est bon et officieux. Ce sera surtout au riche à *assister* le pauvre: il le fera de grand cœur, s'il est sensible et charitable.

Совершить, докончить, прекратить.

Совершить есть докончить то, чего много уже сдѣлано; *оканчиваютъ* начатое, продолжая работу; *прекращаютъ* тѣ, кои недоконченное прерываютъ или вовсе уничтожаютъ.

Achever, finir, terminer.

On *achève* ce qui est commencé, en continuant à y travailler. On *finit* ce qui est avancé, en y mettant la dernière main. On *termine* ce qui ne doit pas durer, en le faisant discontinuer.

Правота, правосудіе.

Правота есть добродѣтель, влекущая насъ отдавать каждому справедливость. *Правосудіе,* кажется, опредѣлено награждать и наказывать сходственно съ закономъ.

Justice, équité.

La *justice* est une vertu qui rend à chacun ce qui lui appartient. *L'équité* se prend pour la justice, considérée, non pas dans la rigueur de la loi, mais dans une modération et un tempérament raisonnables.

Всегда, непрестанно.

Всегда значитъ во всякое время, при всякихъ случаяхъ, во всякомъ положеніи. *Непрестанно* значитъ безъ остановки, безъ прерыванія.

Toujours, continuellement.

Ce qu'on fait *toujours* ce fait en tout temps et en toute occasion. Ce qu'on fait *continuellement* se fait sans interruption et sans relâche.

Влюбленный, любовникъ.

Тотъ *влюбленъ,* кто въ сердцѣ своемъ страсть любви ощущаетъ; но *любовникъ* только тотъ, кто въ своей страсти изъяснился. Часто случается видѣть *влюбленныхъ,* которые не смѣютъ казаться любовниками; но нерѣдко видимъ *любовниковъ,* которые никогда *влюблены* не были.

Amant, amoureux.

Il suffit d'aimer pour être *amoureux.* Il faut témoigner qu'on aime pour être *amant.*

On est souvent très *amoureux* sans oser paraître *amant.* Quelquefois on se déclare *amant* sans être amoureux.

Миръ, тишина, покой.

Всѣ сіи слова знаменуютъ состояніе, никакому волненію не подверженное; но *миръ* означаетъ оное относительно ко внѣшнимъ непріятелямъ, *тишина* — къ будущему или прошедшему приключенію, *покой* изображаетъ сіе состояніе безъ всякаго отношенія.

Tranquillité, paix, calme.

Ces mots expriment également une situation exempte de trouble et d'agitation; mais celui de *tranquillité* ne regarde précisément que la situation en elle-même, et dans le temps présent, indépendamment de toute relation; celui de *paix* regarde cette situation par rapport au dehors; celui de *calme* la regarde par rapport à l'évènement soit passé, soit futur.

Кому угодно, тотъ можетъ не остановиться на этихъ примѣрахъ, но привести и другіе, какъ-то: *обманывать, проманивать, проводить* (surprendre, tromper, leurrer, duper); *основать, учредить, установить, устроить* (fonder, établir, instituer, ériger); *понятіе, мысль, мнѣніе* (pensée, idée, notion); *низкій, подлый* (bas, abject, vil); *лѣнивый, праздный* (paresseux, fainéant); *суевѣръ, ханжа, пустосвятъ, святоша, лицемѣръ* (hypocrite, cafard, cagot, bigot); *писатель, сочинитель, творецъ* (écrivain, auteur); *животное, скотъ* (animal, bête, brute); *ревность, ревнованіе* (jalousie, émulation).

Заимствованія Фонвизина у Жирара касаются преимущественно общей части синонимики, т.-е. опредѣленій, толкованій значенія словъ. Но въ частныхъ разъясненіяхъ онъ уклоняется отъ образца, и нерѣдко сочиняетъ самъ примѣры, которыми должно оправдаться основное различіе между тѣми или другими словами. Отъ этого нерѣдко происходитъ у него различіе между общимъ и частнымъ элементами сино-

нимическаго объясненія. Первый элементъ берется извнѣ, совершенно готовый, какъ результатъ разбора французскихъ реченій, а иногда какъ выводъ изъ произвольныхъ логическихъ воззрѣній; второй же имѣетъ дѣло съ реченіями языка русскаго, предоставляющаго свои особенности, которыя объясняются только характеромъ народной жизни или складомъ народнаго ума. Согласить національные идіотизмы какого-либо языка съ отвлеченно-логическими построеніями можно только искусственно, и вотъ почему Фонвизинъ, желая пбдкрѣпить общее понятіе частными разъясненіями, прибѣгаетъ иногда къ произвольнымъ, насильственнымъ толкованіямъ. Онъ даетъ словамъ значеніе, котораго они вовсе не имѣютъ, или которое имѣютъ не во всѣхъ случаяхъ; въ безразличномъ открываетъ различное, и въ различномъ замѣчаетъ какія-то сходства.

Мы видѣли, какъ Фонвизинъ переводилъ синонимы Жирара; посмотримъ теперь, какъ онъ измѣнялъ или передѣлывалъ подлинникъ:

L'art des grands est *leurrer* les petits par des promesses magnifiques, et l'art des petits est de *duper* les grands dans les choses que ceux-ci commettent à leurs soins.

Проманивать есть большихъ бояръ искусство. Стряпчіе обыкновенно *проводятъ* челобитчиковъ.

Louis XI a *fondé* les Quinze-Vingt. Louis XIV a établi les Filles de Saint-Cyr. Ignace de Loyola a institué les Jésuites. Paris a été *érigé* en archevêché en 1622, sous Louis XIII.

Въ Россіи Екатерина II *основала* общество благородныхъ дѣвицъ, *учредила* намѣстничества, *установила* совѣстный судъ и *устроила* благочиніе.

Les esprits légers commencent beaucoup de choses sans en *achever* aucune. Les personnes extrêmement prévenues en leur faveur ne donnent guère de louanges aux autres sans *finir* par un correctif satirique. Ne peut-on pas douter de la sagesse de ses lois qui au lieu de *terminer* les procés, ne servent qu'à les prolonger?

Чтобъ написанная купчая имѣла свое дѣйствіе, необходимо надобно оную *совершить*. Тяжбу начать легко, да *окончить* трудно. Совѣстный судъ преклоняетъ судимыхъ *прекращать* распри примиреніемъ.

Pour plaire en compagnie, il faut y parler toujours bien, mais non pas *continuellement*.

Не тотъ писатель хорошъ, кто пишетъ *непрестанно*, но тотъ, кто пишетъ *всегда* хорошо.

Racine, Voltaire sonte d'excellents *écrivains:* Corneille est un excellent *auteur*. Descartes et Newton sont des *auteurs* célèbres: l'*auteur* de la „Recherche de la Verité“ est un *écrivain* du premier ordre.

У насъ въ древности *писцовъ* было мало; изъ нихъ отличился Несторъ, *писатель* россійской исторіи. Между *сочинителями* нынѣшняго вѣка славенъ Ломоносовъ, *творецъ* лучшихъ одъ на россійскомъ языкѣ.

Les gens inquiètes n'ont point de *tranquillité* dans leur domestique. Les querelleurs ne sont guère en *paix* aves leurs voisins. Plus la passions a été orageuse plus on goûte le *calme*. — Pour conserver la *tranquillité* de l'état, il faut faire valoir l'autorité sans abuser du pouvoir. Pour maintenir la *paix*, il faut être en état de faire la guerre. Ce n'est pas toujours en molissant qu'on rétablit le calme chez le peuple mutiné.

Худой *миръ* лучше доброй брани. Исцѣля себя отъ ложнаго любочестія, я пошелъ въ отставку и жилъ въ *покоѣ*. *Тишина* часто бурю предвѣщаетъ.

Въ церковныхъ книгахъ нерѣдко находимъ выраженія *миръ* ти, евангеліе *мира*, князь *мира*, успе въ *мирѣ*: слѣдственно, миръ берется за союзъ, согласіе, добрую совѣсть, блаженство. Давидъ, раздробляя понятія свои о добромъ правленіи, говоритъ, что въ немъ „милость и истина срѣтостася, правда и миръ облобызастася".

Въ примѣръ къ синонимамъ: *понятіе, мысль, мнѣніе*, Фонвизинъ прибираетъ слѣдующій, не находящійся у Жирара: „Сколько судей, которые, не имѣвъ о дѣлахъ яснаго *понятія*, подавали на своемъ роду весьма много *мнѣній*, въ которыхъ весьма мало *мыслей*". Равнымъ образомъ между тремя примѣрами на различіе словъ: *полно* и *довольно*, одинъ принадлежитъ Фонвизину: „Если наливаютъ въ рюмку черезъ край, то и пьяница скажетъ *полно*, хотя ему и *не довольно*". При разборѣ точнаго смысла реченій: *животное* и *скотъ*, читаемъ: „Люди и *скоты*, составляющіе родъ *животныхъ*, имѣютъ между собою ту разницу, что *скотъ* никогда человѣкомъ сдѣлаться не можетъ, но человѣкъ иногда добровольно становится *скотомъ*. Человѣкъ въ чести сый, а не въ разумѣ, приложися *скотомъ* несмысленнымъ и уподобися имъ".

Мы сказали, что „Опытъ сословника" любопытенъ для насъ особенно, какъ *сборникъ понятій о разныхъ предметахъ, интересовавшихъ Фонвизина*. Заимствуя толкованіе этихъ понятій изъ чуждаго источника и убѣжденный въ его справедливости, нашъ авторъ пользовался имъ при случаѣ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Большею частью синонимы послужили матеріаломъ для нѣкоторыхъ мѣстъ комедіи „Недоросль", которая явилась въ свѣтъ почти въ одно время съ „Собесѣдникомъ". Разговоры между Правдинымъ, Софьей и Стародумомъ ясно выражаютъ тѣ же мысли, какія выражены при разборѣ синонимовъ: „низкій и подлый", „званіе, чинъ и санъ". Если, по мнѣнію Стародума, „прямо любочестивый человѣкъ ревнуетъ къ дѣламъ, а не къ чинамъ, и чины нерѣдко выпрашиваются, тогда какъ истинное почтеніе необходимо заслуживается; если одно почтеніе должно быть лестно человѣку — душевное, а душевнаго почтенія достоинъ только тотъ, кто въ чинахъ не по деньгамъ, а въ знати не по чинамъ": то и по толкованію различій между словами: „званіе, чинъ и санъ", кто въ большомъ санѣ не имѣетъ большой души, тотъ не возбудитъ никогда къ себѣ внутренняго почтенія; можно имѣть *званіе* безъ *чина*,

стыдно брать *чины* безъ *званія* (т.-е. должности); есть большіе *ны,* въ которыхъ нѣтъ никакой нужды имѣть большія достоинства, достигаютъ до нихъ иногда знатностью породы, которая есть самое ньшее изъ всѣхъ человѣческихъ достоинствъ". Второе явленіе четртаго акта разсуждаетъ объ истинной знатности. Стародумъ объняетъ своей племянницѣ, что „степени знатности слѣдуетъ разсчивать по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для ечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ вывкомѣрія; не по числу людей, которые шатаются въ его передней, по числу людей, довольныхъ его поведеніемъ и дѣлами". „Безъ атныхъ дѣлъ, — говоритъ онъ, — знатное состояніе ничто; въ глахъ мыслящихъ людей честный человѣкъ безъ большого чина преатная особа". Тѣ же разсужденія повторяются въ синонимахъ изкій и подлый". Въ низкомъ состояніи можно имѣть благороднѣйую душу, равно какъ и весьма большой баринъ можетъ быть весьма *одлый* человѣкъ. Слово *низкость* принадлежитъ къ состоянію, а *подсть* къ поведенію; ибо нѣтъ состоянія *подлаго*, кромѣ бездѣльниковъ. ь *низкое* состояніе приходитъ человѣкъ иногда поневолѣ, а *подлымъ* егда становится добровольно. Презрѣніе знатнаго *подлеца* къ доб ымъ людямъ *низкаго* состоянія есть зрѣлище, унижающее человѣчево". Можетъ-быть, я ошибаюсь, но мнѣ кажется, что, разграничивая ачeніе синонимовъ: „животное и скотъ", о которыхъ мы уже говоили, Фонвизинъ имѣлъ въ виду ту сцену Недоросля, въ которой итрофанъ повторяетъ за Кутейкинымъ: „азъ же есмь червь", а Куйкинъ объясняетъ смыслъ послѣдняго слова: „червь, сирѣчь *живоина, скотъ,* а не человѣкъ" и т. д.

Разговоръ между Милономъ и Стародумомъ, имѣющій предметомъ сненіе различій между неустрашимостью и храбростью, кн. Вяземій справедливо назвалъ испытаніемъ въ нравственной философіи. ожно прибавить къ тому, что это испытаніе производится также по нонимамъ Жирара, какъ видно изъ прилагаемаго сличенія:

Милонъ. Я полагаю истинную неустрашимость въ душѣ, а не ь сердцѣ. Въ нашемъ военномъ ремеслѣ храбръ долженъ быть инъ, неустрашимымъ — военачальникъ.

Она (неустрашимость) добродѣтель.

Храбрость сердца доказывается въ часъ сраженія, а неустраимость души во всѣхъ испытаніяхъ, во всѣхъ положеніяхъ жизни.

Courage, bravoure.

La *bravoure* est dans le sang; le courage est dans l'âme.

Le *courage* paraît plus propre au général et à tous ceux qui ommandent; la *bravoure* est plus nécessaire au soldat et à tout ce ui reçoit des ordres.

La première (la *bravoure*) est une espèce d'instinct; le second (le *urage*) est une vertu.

On est brave à telle heure et suivant les circonstances; on a du *courage* à tous les instants et dans toutes les occasions.

Вотъ почему Стародумъ, довольный толкованіемъ Милона, заключаетъ испытаніе тѣми же словами, какими оно началось.

Милонъ. „Я понимаю неустрашимость такъ"...

Стародумъ. Какъ понимать должно тому, у кого она въ душѣ.

Никто, конечно, не будетъ удивляться подобнымъ заимствованіямъ, переходящимъ иногда въ голый переводъ съ какого-нибудь иностраннаго языка на русскій. Они ничего не говорятъ ни противъ таланта ни противъ образованія Фонвизина. Это — подражательный элементъ нашей литературы, всегда имѣвшей право пользоваться чужимъ добромъ. Можно представить множество тому примѣровъ и прежде и послѣ Недоросля. Что касается собственно до этой комедіи, то заимствованія, въ ней находящіяся, указаны уже „Вѣстникомъ Европы" (1811, № 15), кн. Вяземскимъ (Фонвизинъ) и г. Тихонравовымъ (Замѣтки по поводу смирдинск. изданія русскихъ авторовъ, „Московскія Вѣдомости" 1853, № 6). Въ „Вѣстникѣ Европы" Р.Ц., разбирая въ письмѣ къ пріятелю „Разсужденіе о стихотворствѣ", помѣщенное въ третьей книжкѣ Чтеній въ „Бесѣдѣ любителей русскаго слова", обвиняетъ его автора за то, что онъ умолчалъ о Княжнинѣ. Письмо ни болѣе ни менѣе, какъ апологія, и довольно плохая, русскаго трагика противъ обличеній въ заимствованіихъ. По этому поводу апологетъ поставилъ на видъ, что и Фонвизинъ многіе разговоры въ „Недорослѣ" взялъ изъ сочиненій Дюфрени, а насмѣшку на счетъ географіи — изъ Вольтера. Дѣйствительно, мнѣніе Простаковой о безполезности географіи взято изъ повѣсти „Jeannot et Colin", Вольтера; разговоръ Стародума съ Правдинымъ о придворной жизни частью изъ Дюфрени, частью изъ „Характеровъ" Лабрюйера; синонимы Жирара дали объясненіе различія между словами: неустрашимость и храбрость. Прибавимъ къ этимъ указаніямъ еще одно. Слова Стародума Софьѣ, которая читала трактатъ Фенелона о воспитаніи дѣвицъ: „Я боюсь для васъ нынѣшнихъ мудрецовъ. Мнѣ случалось читать изъ нихъ все то, что передано по-русски. Они, правда, искореняютъ сильно предразсудки, да воротятъ съ корня добродѣтель" (явленіе 2-е дѣйствія 4-го) — суть подражаніе слѣдующему мѣсту извѣстнаго сочиненія Дюкло: „On déclame beaucoup depuis un temps contre les préjuges: peut-être en a-t-on trop détruit... Je ne puis me dispenser, à ce sujet, de blâmer les écrivains qui, sous prétexte, ou voulant de bonne foi attaquer la superstition, ce qui serait un motif louable et utile, si l'on s'y renfermait en philosophe citoyen, sapent les fondements de la morale et donnent atteinte aux liens de la société". (См. гл. 3-ю: Sur l'éducation et sur les préjugés.) Вообще Фонвизинъ черпалъ значительно изъ книги Дюкло, особенно въ письмахъ изъ Франціи къ гр. П. И. Панину, что уже показано кн. Вяземскимъ. Равнымъ образомъ въ письмахъ Фонвизина къ сестрѣ есть выписки изъ журнала того времени (1783): „Literatur und Völkerkunde". Наконецъ, слова Нельстецова Сеуму

(въ ком. „Выборъ гувернера“), что „законодателю надобно быть великому исчислителю“ переведены изъ сочиненія Лабомеля: „Мои мысли“.

Возвращаемся къ нашему предмету.

Въ числѣ различныхъ мнѣній Фонвизина особенно выдается его мнѣніе *о высшемъ нравственномъ достоинствѣ человѣка.* Оно принадлежитъ не ему, а заимствовано или прямо изъ сочиненія Дюкло: Considérations sur les moeurs de ce siècle, или — что, впрочемъ, одно и то же — изъ выше названнаго сборника синонимовъ, потому что послѣдній принялъ въ основаніе своихъ толкованій книгу Дюкло, по изданію 1746 года, которая и цитуется въ концѣ разбора словъ: „*Probité, vertu, honneur*“. Опытъ сословника сокращенно передалъ подлинникъ. Г. Тихонравовъ указалъ нѣкоторыя мѣста перевода: мы представляемъ почти весь переводъ, прилагая вмѣстѣ и французскій текстъ:

Безпорочность, добродѣтель, честь.

Часто безъ разбору говорится: онъ ведетъ жизнь *безпорочную, добродѣтельную, честную;* но чтобъ узнать, всѣ ли сіи выраженія единообразно употреблять можно, надлежитъ опредѣлить разумъ каждаго.

Безпорочность поставляетъ себѣ правиломъ не дѣлать того другому, чего бы не пожелалъ себѣ. *Добродѣтель* распространяетъ сіе правило гораздо далѣе, и велитъ дѣлать то другимъ, чего бы пожелалъ себѣ.

Состоянія людей такъ многообразны, что при различеніи *добродѣтели* отъ *безпорочности* необходимо надобно разсмотрѣть внимательно, какой человѣкъ, въ какое время и въ какихъ обстоятельствахъ сдѣлалъ доброе дѣло.

Иногда *безпорочность* достойна похвалы гораздо больше, нежели самая *добродѣтель.* Богатый человѣкъ, не разстраивая нимало своего состоянія, помогъ бѣдному нѣкоторымъ подаяніемъ. Угнетенный нищетою возвратилъ отданную ему на сохраненіе вещь, о которой никто не зналъ, что она у него на сохраненіи. Одинъ изъявилъ *добродѣтель* и другой *безпорочность;* но которая больше достойна почтенія? Можно сказать, что *безпорочность* бѣднаго есть уже добродѣль, а добродѣтель богатаго есть только *безпорочность.*

Сверхъ сихъ качествъ, долженствующихъ руководствовать нашими дѣлами, есть третіе, весьма достойное вниманія — *честь.*

Безпорочный бываетъ таковымъ по воспитанію, для собственныхъ выгодъ и повинуясь законамъ; *добродѣтельный* слѣдуетъ часто въ дѣлахъ своихъ разсужденію; но *честный* человѣкъ не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое, влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока. Онъ въ своей добродѣтели самъ на себя твердо полагается.

Sur la probité vertu et l'honneur.

On n'entend parler que de *probité,* de *vertu* et *d'honneur;* mais tous ceux qui emploient ces expressions en ont-ils des idées uniformes? Tâchons de les distinguer.

„Ne faites point à autrui ce que vous ne voudriez pas qui vous fût fait". L'observation exacte et précise de cette maxime fait la *probité.* „Faites à autrui ce que vous voudriez qui vous fût fait". Voilà la *vertu.*

En distinguant la *vertu* et la *probité,* en observant la différence de leur nature, il est encore nécessaire, pour connaître le prix de l'une et de l'autre, de faire attention aux personnes, aux temps et aux circonstances.

Il y a tel homme dont la *probité* mérite plus d'éloges que la *vertu* d'un autre. Un homme, au sein de l'opulence, n'aura-t-il que les devoirs, les obligations de celui qui est assiégé par tous les besoins? Un homme pauvre remet un dépôt dont il avait seul le secret. La *probité* est la *vertu* des pauvres; la vertu doit être la *probité* des riches.

Outre la *vertu* et la probité, qui doivent être les principes de nos actions, il y en a un troisième, très digne d'être examiné: c'est *l'honneur.*

L'homme de *probité* se conduit par éducation, par habitude, par interêt ou par crainte. L'homme *vertueux* agit avec bonté. L'homme *d'honneur* pense et sent avec noblesse: ce n'est pas aux lois qu'il obéit; ce n'est pas la réflexion, encore moins l'imitation qui le dirigent; il pense, il parle et agit avec une sorte de l'auteur et semble être son propre législateur à lui même. *L'honneur* est l'instinct de la *vertu,* et il en fait le courage. Il n'examine point; il agit sans feinte, même sans prudence, et ne connaît point cette timidité ou cette fausse bonté qui étouffe tant de *vertus* dans les âmes faibles; car les caractères faibles ont le double inconvénient de ne pouvoir se répondre de leurs *vertus* et de servir d'instruments aux vices de tous ceux qui les gouvernent.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Фонвизинъ предпочитаетъ „честь" безпорочности и добродѣтели. Въ отношенiи къ логикѣ здѣсь повторена ошибка французскаго автора: видовое понятiе *(честь)* смѣшано съ родовымъ *(добродѣтель)*; но автору нашему, въ настоящемъ случаѣ, нужно было не логическое разграниченiе и размѣщенiе понятiй: ему нужно было представленiе высшаго достоинства человѣка. *Идеалъ нравственнаго человѣческаго совершенства*, по его воззрѣнiю, состоитъ въ *честности.* Честность не видъ добродѣтели или безпорочности, предметъ не подчиненный имъ и даже не равночинный, а возвышающiйся надъ ними. Образцовый, примѣрный человѣкъ есть человѣкъ честный. Вотъ какъ онъ думалъ и вотъ чему остался вѣренъ въ разныхъ своихъ сочиненiяхъ. Въ этомъ отношенiи Фонвизинъ не слѣдуетъ французскому подлиннику: постановка *чести* на первый планъ, возвышенiе ея надъ добродѣтелью и безпорочность сдѣланы отъ него самого. Дюкло не имѣлъ такого намѣренiя, что

видно изъ полнаго разъясненія означенныхъ синонимовъ, переданнаго нашимъ комикомъ сокращенно.

Это понятіе о высшемъ нравственномъ достоинствѣ, преимущественно, раскрывается Стародумомъ и въ Стародумѣ. Его „profession de foi“ совершенно согласно съ тогдашними педагогическими началами, усвоенными Екатериною, которыя предписывали наставникамъ развивать въ юныхъ сердцахъ чувство чести, и съ состояніемъ той эпохи или того круга общественнаго, гдѣ, по словамъ Стародума Софьѣ, всего чаще встрѣчаются „умы развращенные въ своихъ понятіяхъ, сердца развращенныя въ своихъ чувствахъ“. Воспитаніе, имъ полученное, вкоренило въ душѣ его качество, котораго не имѣютъ люди, воспитанные другимъ образомъ. Это высокое качество — „честность“. Стародумъ гордится имъ, по справедливости, и называетъ себя „другомъ *честныхъ* людей“. Наилучшая похвала его Софьѣ заключается въ томъ, что онъ видитъ въ ней „сердце *честнаго* человѣка“. Милонъ возбуждаетъ къ себѣ его сочувствіе, между прочимъ, и тѣмъ, что онъ „племянникъ графа *Честана*“. Будучи высочайшимъ достоинствомъ сердца, честность есть притомъ достоинство нераздѣлимое и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ другія хорошія качества. Отсюда новый перевѣсъ честности надъ умомъ: „умнаго человѣка легко извинить можно, если онъ какого-нибудь качества ума и не имѣетъ; честному человѣку никакъ простить нельзя, если недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ“. Каллисѳенъ, главное лицо греческой повѣсти, можетъ быть названъ своего рода Стародумомъ: отношенія обоихъ къ придворнымъ одинаковы. Отличительное качество того и другого — „честность“. Отмѣтка рукою Аристотеля на Каллисѳеновомъ письмѣ говоритъ слѣдующее: „При государѣ, котораго склонности не вовсе развращены, вотъ что *честный человѣкъ* въ два дни сдѣлать можетъ!“ Почетнѣйшее титло гр. Н. И. Панина, „данное ему гласомъ цѣлой націи, было титло *честнаго человѣка:* біографъ не могъ придумать бо́льшей похвалы тому, чью жизнь описывалъ. Наконецъ и къ Екатеринѣ II обращается онъ съ тою же похвалою, въ которой болѣе достоинства, чѣмъ во всѣхъ лирическихъ возгласахъ стихотворцевъ: „имѣя монархиню *честнаго человѣка*“ и проч. (См. вопросы Фонвизина.)

Какая причина такого высокаго понятія о чести? Вѣроятно, Фонвизинъ руководствовался извѣстнымъ побужденіемъ, въ силу котораго онъ допустилъ даже логическую несообразность, т.-е. поставилъ честность выше добродѣтели, вмѣсто того, отнести ее, какъ видъ, къ добродѣтели, какъ роду. Побужденіе — такъ мы думаемъ — объясняется особымъ намѣреніемъ сочиненій Фонвизина. Хотя они касаются всѣхъ важнѣйшихъ предметовъ гражданскаго благоустройства, но главная ихъ тема — воспитаніе, и именно воспитаніе дворянства, сословія, важнѣйшаго въ монархіи. Ему, по словамъ Наказа, въ особенности противны унизительныя дѣйствія (№ 372); ему въ особенности пред-

писывается *честь* (№ 364). Совершенство же сохраненія чести состоитъ въ любви къ отечеству и наблюденіи всѣхъ законовъ и должностей, изъ чего послѣдуетъ похвала и слава, особливо тому роду, который между предками своими считаетъ болѣе такихъ людей, кои украшены были добродѣтелями, честью, заслугою, вѣрностью и любовью къ своему отечеству, слѣд. и къ государю (№№ 373—374). Послѣ этого не удивительно встрѣтить въ рѣчахъ Стародума рѣзкія выходки противъ недостойныхъ дворянъ вообще, противъ вельможныхъ дворянъ въ частности, которые, несмотря на свою знатность, владѣли искусствомъ *проманивать,* т.-е. не дѣлать обѣщаемаго, питая тщетною надеждою (Опытъ россійскаго сослов.). Изъ 13-го вопроса императрицѣ Екатеринѣ видно, что въ сердцахъ дворянъ поселилась безчувственность къ достоинству благороднаго званія, что почетное титло дворянина не было уже несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства. Надлежало возвысить *упадшія души дворянства.* А чтобы достигнуть этой цѣли, слѣдовало *возвысить понятіе о чести*, какъ главной принадлежности дворянства. Фонвизинъ— самъ дворянинъ — то и сдѣлалъ: честь поставлена имъ на первомъ планѣ; добродѣтель и безпорочность отодвинуты на второй планъ.

Картина нравственнаго паденія дворянъ нарисована Фонвизинымъ во многихъ мѣстахъ, между прочимъ въ письмѣ къ Екатеринѣ по поводу вопросовъ. Увидѣвъ изъ отвѣтовъ императрицы, что она осталась недовольна нѣкоторыми его вопросами, въ томъ числѣ и 15-мъ, относившимся къ дворянской безчувственности, Фонвизинъ объясняется слѣдующимъ образомъ: „Мой вопросъ точно отъ того и произошелъ, что я пораженъ былъ тою нечувственностью, которую къ сему самому ободренію *(ободренію душъ со стороны правительства)* изъявляютъ многіе *злонравные* и *невоспитанные* члены сего почтеннаго общества *(дворянства).* Мнѣ случилось по своей землѣ поѣздить. Я видѣлъ, въ чемъ большая часть носящихъ имя дворянина полагаетъ свое любочестіе. Я видѣлъ множество такихъ, которые служатъ или, паче, занимаютъ мѣста въ службѣ для того только, чтобы ѣздить на парѣ. Я видѣлъ множество другихъ, которые пошли тотчасъ въ отставку, какъ скоро добились права впрягать четверню. Я видѣлъ отъ почтеннѣйшихъ предковъ презрительныхъ потомковъ. Словомъ: я видѣлъ дворянъ раболѣпствующихъ. Я — дворянинъ, и вотъ что растерзало мое сердце; вотъ что подвигло меня сдѣлать сей вопросъ!“

Изъ недостатковъ дворянскаго сословія, современнаго Фонвизину, самыми крупными были отсутствіе надлежащаго, прямого разума и вслѣдствіе этого отсутствія — непониманіе смысла въ словѣ *должность.* „Непрямой разумъ есть тотъ, который полагаетъ свое счастье не въ томъ, въ чемъ надобно“; а „должность есть тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Если бъ у людей былъ прямой разумъ, если бъ должность исполняли такъ, какъ о ней твердятъ: всякое состояніе лю-

дей осталось бы при своемъ любочестіи и было бъ совершенно счастливо. Тогда дворянинъ считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего когда ему есть столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ — *подлѣе* его ничего на свѣтѣ не знаю".

Непрямой разумъ и превратное понятіе о должности имѣютъ своимъ источникомъ *дурное воспитаніе* и проистекающее отсюда *злонравіе*. Фонвизинъ не раздѣляетъ этихъ предметовъ, какъ видно изъ оправдательнаго письма къ Екатеринѣ, назвавшаго недостойныхъ дворянъ *злонравными* и *невоспитанными* членами общества, равно и изъ „Недоросля", гдѣ въ дурно-воспитываемомъ Митрофанѣ готовится злонравный помѣщикъ.

Позволимъ себѣ кстати присовокупить сюда два замѣчанія.

Исправленіе Митрофана новымъ, хорошимъ воспитаніемъ было уже поздно, жизнь при отцѣ и матери сдѣлала бы его окончательно злонравнымъ, и потому Правдинъ совершенно разумно говоритъ ему: „съ тобою, дружокъ, знаю что дѣлать: пошелъ-ка служить"...

Кн. Вяземскій видитъ въ этихъ словахъ довольно странное понятіе о службѣ. „Ему", говоритъ онъ, „слѣдовало бы сказать: „пошелъ-ка въ училище!" а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы". Въ общемъ смыслѣ или, пожалуй, въ приложеніи къ нашему времени это мнѣніе справедливо, но исторически оно не вѣрно. Въ какое бы училище могъ поступить шестнадцатилѣтній Митрофанъ? Его нельзя было принять въ воспитательныя заведенія, находившіяся подъ управленіемъ Бецкаго, по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что своимъ примѣромъ онъ вредно бы подѣйствовалъ на товарищей, тогда какъ намѣреніе Бецкаго состояло именно въ устраненіи всякаго вреднаго вліянія отъ воспитанниковъ: во-вторыхъ, потому, что, ради такого устраненія, дѣти принимались въ училища въ раннемъ возрастѣ, когда образъ мыслей и поступковъ семейной среды не оставилъ еще сильнаго впечатлѣнія на дѣтскомъ умѣ и сердцѣ. Народныя училища еще не существовали въ то время, когда Фонвизинъ писалъ свою комедію. Куда же Правдинъ могъ пристроить Митрофана? А если бы послѣдній и пристроился гдѣ-нибудь и какъ-нибудь, то и въ такомъ случаѣ, не было бы надежды на пользу. Только подобные Ломоносову люди учатся хорошо, несмотря на насмѣшки товарищей величавшихъ его двадцатилѣтнемъ болваномъ. Митрофану же и русская грамота не давалась, не говоря уже о латыни. Нѣтъ, именно такъ: „пошелъ-ка служить". Служба заставила бы Митрофана что-нибудь дѣлать, по крайней мѣрѣ, удалила бы его изъ дома Простаковыхъ — этой школы злонравія. Отецъ Митрофана имѣлъ право сказать о своемъ сынѣ то же самое, что бригадиръ сказалъ о своемъ: „Не говорилъ ли я тебѣ: жена, не балуй ребенка; запишемъ его въ полкъ; пусть онъ, служа въ полку, ума набирается".

Не можемъ согласиться и съ другимъ замѣчаніемъ кн. Вяземскаго, будто правило Стародума, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выйти въ отставку, когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ, слишкомъ исключительно: ибо дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. Въ отношеніи къ нынѣшнему понятію такъ, но не такъ съ исторической точки зрѣнія, т.-е. относительно понятій и обычаевъ, современныхъ Стародуму, когда у насъ не стыдно было *ничего не дѣлать*, (12-й вопросъ Фонвизина), когда главное стараніе большей части дворянъ состояло въ томъ, чтобы поскорѣе сдѣлать дѣтей своихъ, *не служа*, гвардіи унтеръ-офицерами (17-й вопросъ). Одинъ изъ коренныхъ пороковъ тогдашняго дворянства заключался въ праздности. Должности боялось оно больше всего: „Что за радость выучиться?“ говоритъ Простакова Правдину. „Мы это видимъ своими глазами и въ нашемъ краю. Кто посмышленѣе, того свои же братья выберутъ еще *въ какую-нибудь должность*“. Вооружаясь противъ дворянской праздности и лѣни, Фонвизинъ мѣтилъ не въ небывалое, а дѣйствительное зло, какъ видно изъ словъ его, что „дворянинъ не считаетъ за безчестье не дѣлать ничего, когда ему есть столько дѣла“.

Нравственное возвышеніе дворянства постоянно занимало Фонвизина. Гораздо прежде „Недоросля“ указывалъ онъ смѣшныя и презрительныя стороны людей, унижающихъ собою дворянское званіе. Онъ требовалъ труда и чести отъ того класса, который, по его понятію, занимаетъ первое мѣсто въ монархіи. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ переводъ его съ нѣмецкаго: „Торгующее дворянство, противоположное дворянству военному, или два разсужденія о томъ, служитъ ли то къ благополучію государства, чтобы дворянство вступало въ купечество? Съ прибавленіемъ особливаго о томъ разсужденія г. Юстія (нап. 1776)“.

Во французскомъ журналѣ 1754 г. „Mercure de France“ напечатаны были нѣкоторыя замѣчанія маркиза де-Лассе о купечествѣ. Авторъ видитъ въ торговлѣ важную отрасль государственнаго благосостоянія, а въ купечествѣ — важный классъ государства. Примѣчанія де-Лассе явились въ то время, когда во мнѣніяхъ общества относительно разныхъ сословій произошла значительная перемѣна, когда даже придворные убѣдились въ пользѣ и преимуществахъ торговаго сословія, и когда французы, переставъ прельщаться одною суетою и питаться однимъ тщеславіемъ, начали, по крайней мѣрѣ, въ правительственной сферѣ, помышлять о дѣлахъ серіозныхъ. Такъ сказано самимъ авторомъ на первыхъ страницахъ „Торгующаго дворянства“. Несмотря на это, Лассе считаетъ особеннымъ зломъ для государства, если дворянамъ позволено будетъ торговать. Мнѣніе это раздѣляетъ онъ со многими публицистами того времени. Монтескьё также находилъ гибельнымъ, если дворяне пустятся въ торговлю. Слова его приведены и въ „Торгующемъ дворянствѣ“ (стран. 12) и въ „Наказѣ“

(№ 330). Какъ у него, такъ и у Лассе были свои политическія причины, основанныя, между прочимъ, на томъ, что основаніе монархіи — честь, которая, преимущественно, пріобрѣтается славою оружія. Но у дворянъ, презиравшихъ купцовъ, такого основанія не было. Они просто имѣли въ виду глупое высокомѣріе, барскую спесь и праздность. Дворянину стыдно трудиться — вотъ въ чемъ заключалось коренное ихъ правило.

Противъ этихъ-то замѣчаній маркиза де-Лассе написано „Торгующее дворянство“ (1755). Авторъ его — аббатъ Куайе (Coyer), воспитатель герцога бульонскаго. Онъ доказываетъ пользу, которая произойдетъ для государства, если дворянство станетъ заниматься торговлею. Такъ какъ авторитетъ Монтескьё служилъ важнымъ препятствіемъ его мнѣнію, то онъ подкрѣпляетъ себя другимъ авторитетомъ — сочиненіемъ Вобана: Système de la dîme royale, гдѣ объяснено важное значеніе торговли, которую будутъ производить дворяне.

Въ опроверженіе доводовъ Куайе явилась, 1756 г., книга: „Военное дворянство, или французскій патріотъ“. На систему Куайе смотритъ она, какъ на стремленіе къ разрушенію монархіи, которой отличіе по ученію Монтескьё — честь, главное сословіе — дворянство, и главное занятіе дворянства — военная служба.

Юсти, нѣмецкій юристъ, перевелъ книгу Куайе, снабдивъ ее своими примѣчаніями. Въ обоихъ авторахъ — Лассе и Куайе — видитъ онъ патріотовъ, но мнѣнію послѣдняго отдаетъ преимущество, хотя и не желаетъ, ради національнаго, нѣмецкаго интереса, чтобы оно возымѣло дѣйствіе; ибо торговля Франціи, и безъ того значительная, при участіи дворянства еще болѣе увеличится, и въ соединеніи съ торговлею Англіи подавитъ развитіе того же предмета въ другихъ странахъ (напр. въ Германіи).

Что заставило Фонвизина взяться за переводъ означенной книги? Мы не думаемъ, что во мнѣніяхъ нашего, современнаго ему, общества относительно значенія сословій купеческаго и дворянскаго произошла значительная перемѣна, о которой говоритъ де-Лассе. Перемѣны не было даже и въ сферѣ правительственной, какъ доказываютъ статьи Наказа, заимствованныя у Монтескьё, о неприличіи торговли для дворянства — статьи, прямо противоположныя мнѣнію Куайе. Думаетъ также, что переводъ не явился бы послѣ обнародованія Наказа, т.-е. послѣ 1767 года: извѣстно, что всѣ просвѣщеннѣйшіе писатели Екатерининскаго вѣка любили въ своихъ мнѣніяхъ сообразоваться съ воззрѣніями императрицы на разные предметы государственнаго устройства, выраженными ею въ „Наказѣ“. По нашему мнѣнію, для Фонвизина торговля, производимая дворянствомъ, вовсе не имѣла значительности: книга, имъ переведенная, обратила на себя его вниманіе другими сторонами. Онъ видѣлъ въ ней указаніе такихъ недостатковъ французскаго благороднаго сословія, которые безъ малѣйшей натяжки прилагались и къ современному ему благородному русскому сословію. Главнѣйшій изъ этихъ недостатковъ — превратное

понятіе о чести, дошедшее до того, что дворянинъ считалъ за безчестье что-нибудь дѣлать. Слово честь прикрывало другое, совершенно ему противное — *подлость*. Вслѣдствіе спеси, праздности, дурного воспитанія, злонравія, непрямого разума, превратнаго взгляда на должность явились дворяне, недостойные быть дворянами, подлѣе чего Фонвизинъ ничего не могъ себѣ представить. Книга Куайе, наполненная многими сатирическими выходками, дала ему возможность отнести ихъ къ дворянамъ раболѣпствующимъ, которые терзали его сердце. Вотъ что для него было важно.

Укажемъ нѣсколько подобныхъ выходокъ.

На возраженіе, что „дворянская честь весьма нѣжна: не будетъ ли ей то предосудительно, если дворянство вступать будетъ въ купечество?“—Куайе отвѣчаетъ:

„Сколь ни нѣжна дворянская честь, но она носитъ знатныхъ господъ ливреи, служитъ на ихъ конюшняхъ и въ переднихъ комнатахъ: одинъ титулъ пажа или шталмейстера наводитъ (т.-е. *показываетъ*) на сіи домашнія службы. Купечество же зависитъ отъ одного государства и отъ самого себя“ (стран. 74—75).

„Я, конечно, судьямъ нашимъ не присовѣтую соединить вѣсы купечества съ вѣсами правосудія, столь же мало совѣтовать я буду нашимъ воинамъ, оказавщимъ храбрость свою или могущимъ оказать оную, извлекать мечъ за купечество; но паче многочисленное *дворянство къ праздности осужденное* увѣщевать я буду къ принятію участія и трудахъ и благополучіи купцовъ“ (стран. 79—80).

Тѣхъ, которые съ удивленіемъ спрашиваютъ: „можно ль тому статься, чтобъ дворяне въ лавкахъ мѣрили и вѣсили?“ Куайе, въ свою очередь, спрашиваетъ:

„Лучше ли жить имъ въ маленькой деревнѣ безпечно и *вредить своею праздностью* себѣ, семьѣ своей и всему государству?

„Честь, сія страсть благородныхъ душъ, сіе къ великимъ дѣламъ пробужденіе, не всегда по истинному ея свойству представляется. Дворянство родилося для чести: сіе внушаютъ ему съ младенчества. Предразсужденіе ихъ въ томъ утверждаетъ, и они съ прискорбностью спрашиваютъ о томъ, не безчестно ли купечество. Что до меня касается, то я еще вопросъ предлагаю: состоитъ ли въ томъ честь, чтобъ имѣть участіе въ преимуществахъ своего отечества, дать людямъ полезное упражненіе, земледѣліе приводить въ цвѣтущее состояніе, доставить деньгамъ хожденіе въ государственномъ корпусѣ, возставить общую повѣренность (т.-е. *кредитъ*) и возвысить счастіе государства въ такомъ свѣтѣ, который отъ насъ хотѣла скрыть натура“ (стран. 89—90).

„Но что будетъ изъ дворянскихъ преимуществъ, если дворяне будутъ торговать?

„Дворяне могутъ, какъ прежде, развѣсить свои гербы и оказывать неудовольствіе мѣщанамъ; могутъ говорить о своихъ предкахъ, когда ихъ о томъ не спрашиваютъ; могутъ сохранить первый слогъ,

прибавляющійся къ ихъ фамиліи, проливать кровь шпагою, начинать дѣлать поединки; сохранять освобожденіе свое отъ подати съ тѣмъ, чтобъ оныя платить подъ другимъ именемъ, итти въ монахи въ дворянскіе монастыри, и, для доставленія всѣмъ благороднымъ вѣчнаго блаженства, скакать съ собаками по полямъ, носящимъ созрѣлые плоды, бить бѣдныхъ крестьянъ, а иногда и убивать ихъ до смерти. Можно возвратить имъ нѣкоторыя и изъ потерянныхъ ими имуществъ, какъ-то: достигать вышнихъ наукъ въ высокихъ училищахъ въ короткое время, обходиться съ оружіемъ, различать себя отъ простыхъ людей и многія другія преимущества" (стран. 104—105).

„Есть нація (англичане), которая влюблена была столь же въ свое происхожденіе и знатность крови, какъ и наша. Голова наполнена у нихъ была рыцарствомъ, поединками, крестными *(крестовыми)* походами, увеселеніемъ, великолѣпіемъ, пажами, ливреею, праздностью и всѣми добродѣтелями, знатнымъ особамъ приличными. Тотъ, который бы предложилъ имъ о купечествѣ, конечно бъ посаженъ уже былъ въ дурацкій домъ. Нынѣ дворяне сей націи защищаютъ отечество свое шпагою и обогащаются купечествомъ" (стран. 116—117).

„Всѣ состоянія государства подаютъ поводъ къ честолюбію. Юристъ можетъ достигнуть до высшаго слоя въ судебномъ мѣстѣ; воинъ до чиновъ воинскихъ; церковный служитиль до священства. Одинъ купецъ не имѣетъ никакого сіянія въ своихъ предѣлахъ, и обязанъ оставить купечество, если, какъ французы говорятъ, хочетъ онъ *быть чѣмъ*. Сіи худо понятныя слова великій причиняютъ вредъ. Чтобъ *быть чѣмъ*, остается дворянство по большей части *ничѣмъ*" (стран. 132).

Такъ образованнѣйшій писатель Екатеринина вѣка, радѣя о возвышеніи упадшихъ душъ дворянъ, поставилъ честь — отличительное ихъ свойство — первымъ нравственнымъ качествомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ безпорочность и добродѣтель, и въ человѣкѣ честномъ видѣлъ идеалъ человѣческаго достоинства. Онъ показывалъ дворянству превратное его понятіе о благородствѣ и своихъ выгодахъ, обличалъ его невѣжество и злонравіе, требовалъ отъ него прямого разума, исполненія обязанностей, трудолюбія, истинной любви къ отечеству, готовой на безкорыстіе и жертвы. *Галаховъ.*

Какое содержаніе давало для комедіи время Екатерины II?

Какое же содержаніе могло дать комедіи время Екатерины, и какъ понимали въ то время самую комедію?

Смѣсь началъ истинной образованности и прежняго невѣжества поразительно столкнулись въ обществѣ Екатеринина вѣка; новыя начала жизни составляли рѣзкій разладъ съ преданіями прежней жизни. Мы говорили, что со временъ Петра Великаго и Екатерины II Россія окрѣпла матеріально. Образованность, которую мы приняли отъ Европы,

понятіе о чести, дошедшее до того, что дворянинъ считалъ за безчестье что-нибудь дѣлать. Слово честь прикрывало другое, совершенно ему противное — *подлость*. Вслѣдствіе спеси, праздности, дурного воспитанія, злонравія, непрямого разума, превратнаго взгляда на должность явились дворяне, недостойные быть дворянами, подлѣе чего Фонвизинъ ничего не могъ себѣ представить. Книга Куайе, наполненная многими сатирическими выходками, дала ему возможность отнести ихъ къ дворянамъ раболѣпствующимъ, которые терзали его сердце. Вотъ что для него было важно.

Укажемъ нѣсколько подобныхъ выходокъ.

На возраженіе, что „дворянская честь весьма нѣжна: не будетъ ли ей то предосудительно, если дворянство вступать будетъ въ купечество?“—Куайе отвѣчаетъ:

„Сколь ни нѣжна дворянская честь, но она носитъ знатныхъ господъ ливреи, служитъ на ихъ конюшняхъ и въ переднихъ комнатахъ: одинъ титулъ пажа или шталмейстера наводитъ (т.-е. *показываетъ*) на сіи домашнія службы. Купечество же зависитъ отъ одного государства и отъ самого себя“ (стран. 74—75).

„Я, конечно, судьямъ нашимъ не присовѣтую соединить вѣсы купечества съ вѣсами правосудія, столь же мало совѣтовать я буду нашимъ воинамъ, оказавщимъ храбрость свою или могущимъ оказать оную, извлекать мечъ за купечество; но паче многочисленное *дворянство къ праздности осужденное* увѣщевать я буду къ принятію участія и трудахъ и благополучіи купцовъ“ (стран. 79—80).

Тѣхъ, которые съ удивленіемъ спрашиваютъ: „можно ль тому статься, чтобъ дворяне въ лавкахъ мѣрили и вѣсили?“ Куайе, въ свою очередь, спрашиваетъ:

„Лучше ли жить имъ въ маленькой деревнѣ безпечно и *вредить своею праздностью* себѣ, семьѣ своей и всему государству?

„Честь, сія страсть благородныхъ душъ, сіе къ великимъ дѣламъ пробужденіе, не всегда по истинному ея свойству представляется. Дворянство родилося для чести: сіе внушаютъ ему съ младенчества. Предразсужденіе ихъ въ томъ утверждаетъ, и они съ прискорбностью спрашиваютъ о томъ, не безчестно ли купечество. Что до меня касается, то я еще вопросъ предлагаю: состоитъ ли въ томъ честь, чтобъ имѣть участіе въ преимуществахъ своего отечества, дать людямъ полезное упражненіе, земледѣліе приводить въ цвѣтущее состояніе, доставить деньгамъ хожденіе въ государственномъ корпусѣ, возставить общую повѣренность (т.-е. *кредитъ*) и возвысить счастіе государства въ такомъ свѣтѣ, который отъ насъ хотѣла скрыть натура“ (стран. 89—90).

„Но что будетъ изъ дворянскихъ преимуществъ, если дворяне будутъ торговать?

„Дворяне могутъ, какъ прежде, развѣсить свои гербы и оказывать неудовольствіе мѣщанамъ; могутъ говорить о своихъ предкахъ, когда ихъ о томъ не спрашиваютъ; могутъ сохранить первый слогъ,

прибавляющійся къ ихъ фамиліи, проливать кровь шпагою, начинать дѣлать поединки, сохранять освобожденіе свое отъ подати съ тѣмъ, чтобъ оныя платить подъ другимъ именемъ, итти въ монахи въ дворянскіе монастыри, и, для доставленія всѣмъ благороднымъ вѣчнаго блаженства, скакать съ собаками по полямъ, носящимъ созрѣлые плоды, бить бѣдныхъ крестьянъ, а иногда и убивать ихъ до смерти. Можно возвратить имъ нѣкоторыя и изъ потерянныхъ ими имуществъ, какъ-то: достигать вышнихъ наукъ въ высокихъ училищахъ въ короткое время, обходиться съ оружіемъ, различать себя отъ простыхъ людей и многія другія преимущества" (стран. 104—105).

„Есть нація (англичане), которая влюблена была столь же въ свое происхожденіе и знатность крови, какъ и наша. Голова наполнена у нихъ была рыцарствомъ, поединками, крестными *(крестовыми)* походами, увеселеніемъ, великолѣпіемъ, пажами, ливреею, праздностью и всѣми добродѣтелями, знатнымъ особамъ приличными. Тотъ, который бы предложилъ имъ о купечествѣ, конечно бъ посаженъ уже былъ въ дурацкій домъ. Нынѣ дворяне сей націи защищаютъ отечество свое шпагою и обогащаются купечествомъ" (стран. 116—117).

„Всѣ состоянія государства подаютъ поводъ къ честолюбію. Юристъ можетъ достигнуть до высшаго слоя въ судебномъ мѣстѣ; воинъ до чиновъ воинскихъ; церковный служитиль до священства. Одинъ купецъ не имѣетъ никакого сіянія въ своихъ предѣлахъ, и обязанъ оставить купечество, если, какъ французы говорятъ, хочетъ онъ *быть чѣмъ*. Сіи худо понятныя слова великій причиняютъ вредъ. Чтобъ *быть чѣмъ*, остается дворянство по большей части *ничѣмъ*" (стран. 132).

Такъ образованнѣйшій писатель Екатеринина вѣка, радѣя о возвышеніи упадшихъ душъ дворянъ, поставилъ честь — отличительное ихъ свойство — первымъ нравственнымъ качествомъ, болѣе важнымъ, чѣмъ безпорочность и добродѣтель, и въ человѣкѣ честномъ видѣлъ идеалъ человѣческаго достоинства. Онъ показывалъ дворянству превратное его понятіе о благородствѣ и своихъ выгодахъ, обличалъ его невѣжество и злонравіе, требовалъ отъ него прямого разума, исполненія обязанностей, трудолюбія, истинной любви къ отечеству, готовой на безкорыстіе и жертвы.

Галаховъ.

Какое содержаніе давало для комедіи время Екатерины II?

Какое же содержаніе могло дать комедіи время Екатерины, и какъ понимали въ то время самую комедію?

Смѣсь началъ истинной образованности и прежняго невѣжества поразительно столкнулись въ обществѣ Екатеринина вѣка; новыя начала жизни составляли рѣзкій разладъ съ преданіями прежней жизни. Мы говорили, что со временъ Петра Великаго и Екатерины II Россія окрѣпла матеріально. Образованность, которую мы приняли отъ Европы,

была очень немногосложна, и большая часть народа чуждалась образованія. Признаки образованности, и то внѣшніе, были; внутреннихъ же, духовныхъ не было. И посреди этихъ обстоятельствъ является Екатерина Великая сильнымъ двигателемъ нашего общества. Трудно сказать что-нибудь общее объ этомъ времени, представить какую-нибудь вѣрную его характеристику. Съ одной стороны, прежняя жизнь достигла полнаго политическаго блеска, основаннаго на началахъ старинной жизни, нисколько не утративъ своего главнаго признака; съ другой — появляется сильное вліяніе новаго ученія, европейскаго духа, литературы, философіи. Особенно замѣтно столкнулись два послѣдніе признака: поверхностная образованность и европейская цивилизація съ французскою утонченностью. Высшій классъ отличался послѣднимъ и былъ нововводителемъ; низшій былъ таковъ же, какъ и теперь, а средній (понимая подъ этимъ словомъ одно среднее дворянство) прикрывалъ недостатки образованія французскими отрывочными словами, фижмами и кафтаномъ; онъ не имѣлъ оригинальности ни одного ни другого. Эти-то герои выпали на долю Фонвизина, и онъ сдѣлалъ имъ честь „Бригадиромъ" и „Недорослемъ". Еще при императрицѣ Елизаветѣ Европа считала Россію державою полу-азіатскою, хотя и давно вошла въ сношеніе съ нею. Съ виду мы давно казались европейцами: на головѣ у насъ былъ тупей съ длинною косою, вложенною въ кошелекъ, мы щеголяли во французскихъ кафтанахъ съ пуговицами разныхъ сортовъ, въ глазетовыхъ и шелковыхъ камзолахъ, въ кружевныхъ манжетахъ, въ башмакахъ, въ треугольныхъ шляпахъ. Длинная коса, рогатый тупей или безчисленное множество буклей, манжеты, закрывающія всѣ пальцы рукъ, широкія серебряныя пряжки на тупоносыхъ башмакахъ, бамбуковая трость съ металлическимъ набалдашникомъ, были признаками щеголя. Ассамблеи, учрежденныя Петромъ Великимъ, имѣли важное вліяніе на русскіе нравы: они нанесли окончательный ударъ прежнимъ обычаямъ. Это полезное учрежденіе вызвало дамъ въ гостиныя, дало право женщинѣ, и, вслѣдствіе этого, возникла свѣтская жизнь. Ассамблеи превратились въ soirées dansantes, балы, концерты и маскарады. Танцы были самымъ взыскательнымъ искусствомъ. Мужчины, посыпавъ голову пудрой, принялись за свой многосложный туалетъ; прабабушки наши затянулись въ корсеты и фижмы, надѣли длиннохвостые роброны, фуро, фуро-ферме, левиты, полонезы, жилеты, сюртуки съ тремя разноцвѣтными воротниками. Безъ колецъ и перстней, перчатокъ и вѣера, никакая дама не смѣла войти въ гостиную. Надѣвъ черевики съ высокими каблуками и нарумянившись, какъ нынче не румянятся и купчихи, наши дамы изучили жеманные книксены у балетмейстеровъ, и протянули свои ручки къ русскимъ петиметрамъ, которые, шаркая и раскланиваясь, цѣловали эти малыя ручки со всевозможной осторожностью. Въ саду Сухопутнаго шляхетнаго корпуса дозволялось гулять два раза въ недѣлю, по четвергамъ и воскресеньямъ; въ эти два дня въ одной изъ бесѣдокъ предлагались любителямъ политики и словесности газеты, вѣдо-

мости, журналы на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ; въ томъ же саду находились бильярдъ, фортунка и качели; гуляющіе могло за деньги получать оршадъ, лимонадъ, мороженое, шоколадъ, кофе, чай, конфеты и разные плоды; тамъ же была ресторація, въ которой готовили обѣды и ужины цѣною по рублю, по полтинѣ и по тридцати копеекъ съ посѣтителя, кромѣ вина... Дворянство начало ѣсть телятъ, зайцевъ, голубей, кроликовъ, колбасы, салатъ, — начало нюхать и курить табакъ. Мы усвоили себѣ экипажи по французскому образцу и сбрую подъ вліяніемъ польской изобрѣтательности. Впереди парадныхъ экипажей знатныхъ и достаточныхъ людей ѣздили вершники, одѣтые по-гусарски или по-казацки. Скороходы иногда исполняли эту должность, а гайдуки исправляли иногда должность лакеевъ. Въ это же самое время мы не на шутку заговорили по-французски, фантазировали кое-какъ на клавикордахъ и танцовали въ собраніяхъ... Такимъ образомъ внѣшность была приготовлена на европейскій образецъ; но кое-гдѣ прорывался востокъ. Нужно было одушевить картину, и одушевленіе началось съ царствованія императрицы Екатерины II.

Вотъ общество, которое представлялось Фонвизину. Единства въ немъ не было. Политика, побѣды и матеріальная жизнь увѣнчиваютъ полнымъ блескомъ старинную роскошную, открытую боярскую, спесивую жизнь; но съ этимъ мы видимъ и появленіе образованности, уже настоящей, а не внѣшней. Столкновеніе этой образованности съ прежнею грубостью, или лучше, соединеніе внѣшняго лоска образованія и прежней неподвижности составляетъ характеръ героевъ Фонвизина; онъ не коснулся двухъ остальныхъ классовъ народа — самаго высшаго, который съ внѣшностью усвоилъ себѣ и начала образованности, и низшаго, не усвоившаго себѣ ни началъ ни внѣшности.

Дудышкинъ.

Образованность русскаго дворянства въ XVIII столѣтіи.

На дворянствѣ лежала обязанность учиться. Посылка дворянскихъ дѣтей за границу для обученія началась еще въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ первый разъ отправлено было изъ комнатныхъ стольниковъ: въ Италію 28, въ Англію и Голландію 22. Большая часть изъ нихъ отправилась въ началѣ 1697 г. Въ августѣ того же года Петръ Великій изъ Амстердама писалъ къ Винціусу: „Стольники, которые прежде насъ посланы сюда, выуча кумпасъ, хотѣли къ Москвѣ ѣхать, не бывъ на морѣ: чаяли, что все тутъ. Но адмиралъ нашъ намѣреніе ихъ перемѣнилъ: велѣлъ имъ ѣхать въ статъ" (Пекарскаго, т. I; Устрялова, т. II, страц. 425). Родители посылали своимъ дѣтямъ, отправленнымъ за море въ науку, большія суммы денегъ, отчего тѣ жили тамъ въ волѣ и холѣ, гуляли, мало занимаясь наукой. Петръ Великій въ 1710 г. запретилъ посылать деньги за границу помимо адмиралтейскаго приказа (П. С. № 2292). Но дворяне за моремъ все-

таки плохо занимались наукой. Кононъ Зотовъ въ 1715 г. писалъ Петру изъ Франціи: „Не худо бы было, если бы ваше величество указалъ архіерею рязанскому выбрать латинистовъ изъ средней статьи людей, т.-е. не изъ *породныхъ*... Для того, что вездѣ породные презираютъ труды“ (Пекарскаго, т. I, стран. 157); но Петръ не переставалъ посылать за море людей *породныхъ*. Въ 1716 г. онъ писалъ: „Понеже мы получили вѣдомость изъ Италіи, что нашихъ въ Венеціи въ морскую службу принять хотятъ, также нынѣ изъ Франціи отозвались, что и тамъ ихъ примутъ же: того для велите какъ наискорѣе въ С.-Петербургѣ отобрать изъ школьниковъ *лучшихъ дворянскихъ дѣтей* и привезть въ Ревель и посадить на корабляхъ съ первыми вмѣстѣ, чтобъ ихъ всѣхъ было 60, а именно во всѣ три мѣста: въ Венецію, Францію и Англію по 20 человѣкъ“ (П. С. № 2999). Но, вырвавшись на свободу, русскіе молодые дворяне, какъ выражется проф. Соловьевъ, на западѣ Европы позволяли себѣ такое же поведеніе, къ какому привыкли въ лѣсахъ и степяхъ Европы восточной. Кононъ Зотовъ продолжалъ сообщать царю самыя неутѣшительныя о нихъ свѣдѣнія. А въ 1717 г. онъ извѣщалъ царя: „Г. маршалъ д'Этре призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ о срамотныхъ поступкахъ нашихъ гардемариновъ въ Тулонѣ: дерутся между собою и бранятся таковою бранью, что послѣдній человѣкъ здѣсь того не сдѣлаетъ. Того ради обобрали у нихъ шпаги“. Въ сентябрѣ новое письмо: „Гардемаринъ Глѣбовъ прокололь шпагою гардемарина Барятинскаго и за то подъ арестомъ обрѣтается. Господинъ вице-адмиралъ не знаетъ, какъ ихъ приказать содержать, ибо у нихъ такихъ случаевъ никогда не бываетъ, хотя и колются, только честно на поединкахъ, лицомъ къ лицу“ (Соловьевъ, т. XVI, стран. 30).

Посылки въ заграничную науку дворянскихъ недорослей были для нихъ великою тяжестію, *сущимъ несчастіемъ* (такъ выражался одинъ изъ посланныхъ, Вас. Вас. Головинъ). Чтобъ избавиться отъ нихъ, они поступали иногда въ монахи. Такъ, одинъ вологодскій помѣщикъ Ив. Марковъ, посланный въ Венецію для навигацкой науки, ушелъ оттуда въ Россію и постригся въ монахи одного с.-петербургскаго монастыря. Но стѣны православной обители не спасли его отъ заморской науки: великій просвѣтитель Россіи велѣлъ взять изъ монастыря іеродіакона Іоасафа и послать его изучать навигацію (Соловьевъ, т. XVII, стран. 306).

Отправляя дворянскихъ дѣтей въ науку за границу, Петръ Великій не забывалъ и оставшихся дома, постоянно принуждая ихъ учиться. А учиться куда какъ было нужно: многія дворянскія дѣти, по свидѣтельству Данилова, грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали (стран. 14). Въ 1714 г. повелѣно было во всѣ губерніи послать по нѣскольку учениковъ изъ математическихъ школъ. Въ архіерейскихъ домахъ и при монастыряхъ образованы были школы, въ которыхъ дворянскія и приказныя дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ должны учиться цыфири и нѣкоторой части геометріи. Учителя во время ученія

не могли брать съ учениковъ плату, а по выучкѣ они выдавали свидѣтельства, при чёмъ въ пользу ихъ взималось по рублю. Безъ изученія цыфири и нѣкоторой части геометріи нельзя было дворянину жениться. Поэтому, безъ свидѣтельства изъ школы, священники не могли выдавать вѣнечныхъ памятей (П. С. №№ 2762, 2778). Дѣти же знатныхъ дворянъ (не исключая губернаторскихъ и др. начальниковъ) отъ 10 лѣтъ высылались въ школы въ С.-Петербургъ (П. С. № 2968), а если родители укрывали ихъ, то съ нихъ взимался штрафъ (П. С. № 2497). При гвардейскихъ полкахъ учреждены были также школы, въ которыхъ обучались малолѣтки, записанные въ полки. Остальные распредѣлялись между другими школами. Петръ Великій установилъ комплектъ учениковъ изъ дворянскихъ недорослей въ академіяхъ: въ С.-Петербургѣ 300, въ Геодезіи 30, въ Москвѣ 500 человѣкъ (П. С. № 4863). Онъ самъ наблюдалъ за распредѣленіемъ между ними шляхетскихъ недорослей. Адмиралъ Мордвиновъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что по вторичномъ смотрѣ и разборѣ недорослей самимъ государемъ, онъ будучи, 13-лѣтъ, былъ записанъ въ новгородскую школу для обученія цыфирной наукѣ, а потомъ, въ числѣ 84 человѣкъ дворянъ, онъ былъ отосланъ для обученія въ Нарву. Въ октябрѣ того же года именнымъ указомъ всѣ они были взяты въ С.-Петербургъ и опредѣлены въ Академію съ прибавленіемъ нѣсколькихъ человѣкъ изъ Москвы съ Сухаревой башни (стран. 9). Петръ Великій строго слѣдилъ, чтобы дворяне исполняли его приказаніе объ обученіи своихъ дѣтей. Однимъ указомъ онъ повелѣлъ опредѣлить дворянскихъ дѣтей въ Москвѣ на Сухареву башню для изученія мореплаванія. Но родители отдали ихъ въ Заиконоспасское училище. Петръ Великій былъ такъ раздраженъ этимъ ослушаніемъ, что повелѣлъ всѣхъ учениковъ-дворянъ изъ Спасскаго монастыря отправить въ С.-Петербургъ и заставилъ ихъ тамъ бить сваи на Мойкѣ. Гр. Апраксинъ, узнавъ о приближеніи монарха къ пеньковымъ амбарамъ, снялъ съ себя андреевскую ленту, мундиръ, повѣсилъ ихъ на шестъ, и началъ самъ вбивать сваи. Приблизившійся государь сказалъ: „Ѳедоръ Матвѣевичъ, ты адмиралъ и кавалеръ, какъ же ты вбиваешь сваи?“ — „Государь“ отвѣчалъ Апраксинъ, „здѣсь бьютъ сваи мои племяники и внучата, а я что за человѣкъ? Какое имѣю въ родѣ преимущество?“ (Б.-Каменскаго Словарь, т. I, стран. 58).

Мы видѣли, какъ вели себя молодые русскіе дворяне, посланные въ науку за границу. Туго учились они и въ русскихъ школахъ. Оторванные отъ деревенскаго приволья, гдѣ до 18-лѣтняго возраста считали ихъ дѣтьми малыми, неразумными, которымъ нянюшки и дядьки изъ холоповъ вбивали въ голову барскую спесь и презрѣніе къ труду, какъ дѣлу холопскому, какъ могли они трудиться въ школахъ и учиться наукамъ? Нѣкоторые изъ нихъ въ деревнѣ хаживали на медвѣдя, другіе тѣшились кулачными боями, а иные попривыкли и къ чарочкѣ: удивительно ли, что въ школахъ по два дня сѣкли ихъ батогами (Веселаго, Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса — цитата изъ Пекарскаго).

Преемники Петра, хотя съ меньшей энергіей, но продолжали его заботы объ ученіи шляхтества. Объ этомъ мы встрѣчаемъ указъ Екатерины I (П. С. № 4.863), но особенно заботится о томъ Анна Іоанновна или, правильнѣе сказать, ея великій пособникъ — Минихъ. Число школъ въ губерніяхъ было увеличено, и малолѣтки-дворяне обучались въ нихъ, кромѣ грамоты и наукъ, воинской экзерциціи, а которые изъ нихъ были бѣдны, тѣмъ при школахъ выдавалось жалованье, противъ солдатскихъ дѣтей (П. С. № 6.949). Учрежденъ былъ на опредѣленное число дворянскихъ дѣтей Сухопутный шляхетный корпусъ. Образована артиллерійская школа, въ которую герольдмейстеромъ представлено 700 человѣкъ дворянскихъ дѣтей (Данилова: стран. 30). Мы видѣли, что по закону 1737 г., опредѣлившему порядокъ явки на смотръ дворянскихъ недорослей, во второмъ смотрѣ, въ 12 лѣтъ, они должны были знать чтеніе и письмо, на третьемъ, въ 16 лѣтъ, кромѣ закона и артикуловъ православной вѣры — ариѳметику и геометрію. Родители, желавшіе и имѣвшіе средства продолжать обученіе дѣтей дома, могли брать ихъ къ себѣ и съ третьяго смотра, а иначе шляхетскіе недоросли отдавались въ академію, въ которой обучались географіи, фортификаціи и исторіи. Невыучившіеся до 3-го смотра ариѳметикѣ и геометріи отдавались безъ выслуги въ матросы (П. С. № 7.170 и др.). Но исполняли ли родители требованіе закона 1737 г.? Въ 1743 г. Синодъ сообщилъ вѣдѣніемъ Сенату, что россійскіе дворяне (и прочихъ чиновъ люди) дѣтей своихъ обучаютъ только часовнику и псалтири, а не катехизису, отчего дворянскія дѣти не знаютъ основаній православной вѣры. Родителямъ вмѣнено въ обязанность обучать своихъ дѣтей катехизису, а за неисполненіе этой обязанности велѣно въ губерніи губернаторамъ, а въ провинціяхъ воеводамъ брать штрафъ — за каждаго человѣка изъ шляхества по 10 р., а прочихъ — по 2 р. (П. С. № 8.726).

Съ учрежденіемъ московскаго университета произошла коллизія между обязанностію службы и обученія. Коллизія эта, благодаря участію Ив. Ив. Шувалова, разрѣшилась въ пользу образованія. „Главное препятствіе въ достиженіи способныхъ людей, по моему мнѣнію“, доносилъ Сенату первый кураторъ Московскаго университета, „состоитъ въ томъ, что дворянскія дѣти въ такихъ лѣтахъ, когда должно приготовляться, чтобъ быть годными къ службѣ, въ оную вступаютъ, имѣя многіе способы происходить по случаю, а не по достоинству“ (Чтенія, кн. 3-я, 1858).

Ходатайство Шувалова было уважено, и дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, *отпущались* въ Императорскій Московскій университетъ для обученія наукъ, такъ напр., Фонвизинъ, записанный 10 лѣтъ въ Семеновскій полкъ солдатомъ, въ томъ же, 1757 г., *отпущенъ* былъ въ университетъ. Въ полку на обученіе производили его въ чины, а въ университетѣ сдѣлали студентомъ (соч. Фонвизина, изд. Ефремова, стран. 15). Но дворянскіе недоросли, записанные въ полки солдатами, а въ университетъ студентами, во

всякое время могли быть потребованы герольдмейстеромъ на службу. Въ 1756 г. Московскій университетъ представилъ Сенату, что многіе ученики изъ дворянъ показываютъ склонность къ наукамъ и успѣваютъ въ нихъ. Но большая часть изъ нихъ записаны въ службу въ молодыхъ лѣтахъ, а другимъ приходитъ время записываться, отчего всѣ они принуждены оставлять университетъ, а вслѣдствіе этого и нельзя ожидать, чтобъ изъ благородныхъ вышли люди ученые. Московскій университетъ предлагаетъ сообщить въ герольдію объ ученикахъ-дворянахъ, записавшихся въ университетъ, чтобъ герольдія дозволила имъ учиться, до сколькихъ лѣтъ Сенатъ заблагоразсудитъ. А чтобъ тѣ, которымъ разрѣшено продолжать ученіе въ университетѣ, не могли отбывать ни отъ службы ни отъ ученія — московскій университетъ долженъ сноситься о нихъ съ герольдіей. Для тѣхъ же, которые состоятъ въ дѣйствительной службѣ, но желаютъ продолжать ученіе въ университетѣ, постановить, чтобъ старшинство ихъ наблюдалось и въ повышеніяхъ ихъ не обходили, дабы они не потеряли въ полкахъ свое произвожденіе. Уважая это представленіе, Сенатъ приказалъ: въ университетъ принимать шляхетскихъ недорослей, по желанію ихъ, отъ 7 до 8 лѣтъ, которые уже были на смотрахъ. О числѣ принятыхъ и вновь вступающихъ сообщать въ герольдію. А недорослямъ дозволить учиться въ университетѣ до 16 и даже до 20 лѣтъ; а которые захотятъ быть долѣе 20 лѣтъ, о такихъ докладывать Сенату. А обучающихся недорослей, которые записаны по военной или гражданской службѣ, производствомъ въ чины не обходить (П. С. № 10.558). Вотъ историческое основаніе тѣхъ классовъ, которые даются воспитанникамъ университетовъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Несмотря на обязательное обученіе шляхетства, грамотность между ними распространялась туго. Конечно, между высшимъ дворянствомъ выводились уже въ XVIII в. такія *не студированные* и *грамотѣ неученые,* какіе были между боярами времени Котошихина (стран. 19). Впрочемъ, о степени образованія нѣкоторыхъ нашихъ сановниковъ первой половины XVIII в. можемъ сдѣлать заключеніе по одному указу конца царствованія Анны Іоанновны. Въ 1737 г. повелѣно было всѣмъ кадетамъ дважды въ годъ производить экзаменъ въ присутствіи одного сенатора. Когда въ 1740 г. наступилъ срокъ этихъ экзаменовъ, то Сенатъ назначилъ присутствовать при нихъ одному сенатору, старшему чиномъ, генералъ-аншефу Чернышеву. Но генералъ-аншефъ Чернышевъ, *подобно прочимъ сенаторамъ, за необученіемъ другимъ наукамъ, кромѣ военной экзерциціи,* при экзаменѣ могъ быть только безполезенъ; тайный же совѣтникъ Нарышкинъ, *единственный членъ Сената, къ этому дѣлу способный,* былъ занятъ другими дѣлами. Вслѣдствіе этого, Сенатъ представилъ государынѣ о назначеніи къ присутствію на экзаменахъ болѣе компетентныхъ лицъ. Высочайшая резолюція постановила: производить впредь экзамены генералъ-фельдмаршалу Миниху и учителямъ де-сіансъ адмиралтейской и инженерной

школы, а сенаторовъ къ тому не употреблять (П. С. № 8253). Предсѣдатель олонецкаго в. з. суда, полковникъ Николай Тутолминъ, котораго зналъ Державинъ въ 1785 г., по свидѣтельству его, худо разумѣлъ грамоту (Зап. Державина, стран. 256). Еще ниже было образованіе женщины въ высшемъ кругу дворянства: въ XVIII в. не трудно было встрѣтить женщину въ самомъ богатомъ дворянскомъ семействѣ, едва грамотную и даже вовсе неграмотную. Такъ, напримѣръ, бабка Энгельгардта, имѣвшая болѣе тысячи душъ, едва умѣла читать и писать по-русски (Зап. Энгельгардта, стран. 3). Воззрѣніе на образованіе рядового дворянства охарактеризовалъ Фонвизинъ въ своемъ „Недорослѣ". Дворянство это, впрочемъ, не имѣло средствъ, если бъ даже и была его добрая воля, получать хорошее образованіе: учебныхъ заведеній было мало, педагогическія средства ихъ были крайне печальныя; извѣстны тѣ учителя новооткрытой московской гимназіи, у которыхъ учился Фонвизинъ — они запивали смертную чашу, часто не позволявшую имъ являться на уроки; извѣстенъ его разсказъ о символическихъ пуговицахъ на кафтанѣ его учителя, знаменующихъ 5 склоненій и 4 пуговицахъ на камзолѣ, знаменующихъ 4 спряженія (Соч. Фонвизина въ изд. Ефремова, стран. XI). Учителя цыфирныхъ и геометрическихъ школъ были и того хуже. О домашнихъ педагогахъ говорить нечего: это были личности въ родѣ пономаря Брудастаго, изображаемаго въ Запискахъ артиллеріи майора Данилова (стран. 38), или артеллеріи штыкъ-юнкера Полетаева, съ которымъ мы встрѣчаемся въ запискахъ Державина (стран. 10), или вродѣ тѣхъ иностранныхъ мадамовъ и гувернеровъ, которые въ своемъ отечествѣ были горничными и лакеями, а въ Россіи занимались болѣе уличною торговлею, чѣмъ преподаваніемъ, о которыхъ говоритъ одинъ указъ 1756 г. (П. С. № 10543). Многія дворянскія дѣти въ началѣ XVIII в. грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а многіе и вовсе ея не разумѣли: на челобитной, поданной Ларіономъ Линевымъ въ вотчинную коллегію, въ 1721 г., о передачѣ недвижимаго имѣнія въ наслѣдіе сыну, вмѣсто неграмотнаго просителя, руку приложилъ посторонній (П. С. № 5658).

Много неграмотныхъ дворянъ мы встрѣчаемъ даже во второй половинѣ XVIII в. Несомнѣннымъ доказательствомъ тому могутъ служить наказы дворянскимъ депутатамъ комиссіи 1767 г. Почти въ каждомъ изъ нихъ мы встрѣчаемъ нѣсколько неграмотныхъ дворянъ, въ чинахъ подпоручика, прапорщика, даже капитана, не говоря уже о вахмистрахъ и солдатахъ. Для примѣра мы укажемъ на нѣкоторые изъ этихъ наказовъ. Подъ московскимъ наказомъ и *полной мочію,* данными московскому депутату Петру Ивановичу Панину, неграмотныхъ дворянъ мы не встрѣчаемъ — но они подписаны цвѣтомъ русскаго дворянства. Подъ боровскимъ наказомъ 3 подписи другихъ лицъ по прошенію; въ костромскомъ наказѣ, вмѣсто 9 дворянъ, по неумѣнію ихъ грамотѣ, подписался подпоручикъ Иванъ Ашитковъ; въ михайловскомъ 80 подписей постороннихъ лицъ по прошенію; въ судиславскомъ

11 посторонныхъ подписей, по неумѣнію грамотѣ; въ медынскомъ 8 неграмотныхъ; въ любимскомъ 9; въ ярославскомъ 4 и т. д. (См. 30 дворянскихъ наказовъ въ Сб. Р. Ист. Общ., т. IV).

При такомъ множествѣ неграмотныхъ лицъ, участвовавшихъ въ составленіи наказовъ, удивляешься тѣмъ зрѣлымъ и здравымъ понятіямъ шляхетства о своихъ нуждахъ, о потребностяхъ другихъ классовъ, о вопросахъ государственныхъ, съ которыми мы иногда встрѣчаемся и въ наказахъ и въ депутатскихъ заявленіяхъ. Правда, попадаются и такіе наказы, какъ, напримѣръ, Юрьевскаго уѣзда, Владимирской губ., въ которомъ дворянство сознается, что оно по *скудоумію своему* не можетъ сдѣлать никакихъ представленій объ общихъ нуждахъ, кромѣ того, что имѣются по формѣ судовъ великія продолженія; или какъ кадыковскаго дворянства Костромской губ., въ которомъ оно выставляетъ, главнымъ образомъ, на видъ неудобства закона 1765 г., запрещающаго привозить изъ города вино и водку, отчего дворянство, имѣя штабъ-и оберъ-офицерскіе чины, принуждено покупать вино въ питейныхъ домахъ, съ непристойнымъ запахомъ и специями, что̀ *противно характеру дворянства*. Но это исключеніе. Большая же часть наказовъ, *несмотря на непривычку дворянъ въ семъ упражненіи*, какъ выражается тульское шляхетство, составлены съ большимъ разумѣніемъ и основательностію. Для объясненія этого противорѣчія не забудемъ, что комиссія 1767 г. вызвала къ дѣятельности лучшія силы нашего общества, что въ составленіи наказовъ принимало участіе не большинство шляхетства, но меньшинство, и притомъ меньшинство, состоявшее изъ такихъ лицъ, какъ Панины, Орловы (собственно Гр. Гр.), Болтинъ, Щербатовъ, Бибиковъ и др. Они-то давали тонъ и направленіе комиссіи, они, вѣроятно, и составляли наказы. На основаніи этихъ наказовъ мы не можемъ дѣлать заключенія о высокомъ уровнѣ образованія дворянства: даже при Александрѣ I, въ 1801 г., правительство обратило вниманіе на то, что въ полкахъ много дворянъ, не умѣющихъ грамотѣ (П. С. № 19825).

Романовичъ-Славатинскій.

Содержаніе и построеніе комедіи „Бригадиръ“ Фонвизина.

Первая комедія Фонвизина была „Бригадиръ“. Вотъ ея содержаніе. Въ деревнѣ, у отставленнаго за взятки совѣтника, собралась компанія, состоящая изъ бригадира, бригадирши и сына ихъ Иванушки. Совѣтникъ, совѣтница и дочь ихъ Софья ведутъ разговоръ съ гостями. Изъ этого разговора вы узнаете, что Софью хотятъ выдать за Иванушку, что бригадиръ влюбленъ въ совѣтницу, а совѣтникъ въ бригадиршу; что Софья влюблена въ какого-то молодого человѣка Добролюбова, что, наконецъ, сынъ бригадира Иванушка, вмѣстѣ съ отцомъ, также влюбленъ въ совѣтницу, которая показываетъ, что она неравнодушна къ сыну, а не къ отцу. Съ самаго на-

чала вы не знаете, на комъ остановить свое вниманіе, кто жъ будетъ героемъ пьесы, и боитесь перезабыть, кто въ кого влюбленъ, потому что эта главная пружина комедіи распредѣлена лицамъ совершенно произвольно. Разговоръ въ первомъ явленіи длится довольно долго и какъ-то нескладно, оттого, что каждый старается опредѣлить себя въ этомъ разговорѣ, показать себя. Авторъ не обозначилъ въ названіи ролей, что совѣтникъ плутъ, бригадирша дура, сынъ бригадира глупый мальчишка, бывшій въ Парижѣ, пренебрегающій всѣмъ русскимъ, потому что оно не французское и т. д., и потому въ первомъ явленіи онъ заставляетъ лица эти говорить о себѣ такія вещи, которыя совсѣмъ не нужны для хода комедіи. Такимъ образомъ, вы видите, что лица эти знакомятъ публику съ собою не своими дѣйствіями и не развивая свои характеры мало-по-малу, а прямо говорятъ безъ обиняковъ: „дуракъ", „я плутъ"... Потомъ начинаются поочередныя объясненія въ любви, и во-первыхъ, совѣтницы съ сыномъ бригадира. Совѣтница говоритъ, что она страдаетъ отъ своего „урода", что мужъ ея прямая приказная строка, что у нея всѣ способы къ отмщенію были отняты до настоящаго времени, потому что сосѣди „неучи и скоты, которые сидятъ по домамъ, обнявшись съ женами", что они ни о чемъ больше не думаютъ, какъ о столовыхъ припасахъ: „прямыя свиньи". На это сынъ бригадира удивляется, какъ она можетъ жить съ такою тварью... Потомъ они начинаютъ гадать и узнаютъ, что они влюблены другъ въ друга. Совѣтница разсуждаетъ такъ, что нѣтъ ничего коммоднѣе свободы, что имѣть мужа или быть связанной — все равно.

Потомъ объясняется въ любви Добролюбовъ и Софья.

Во второмъ дѣйствіи: совѣтникъ дѣлаетъ наставленія Софьѣ выйти замужъ за сына бригадира, потому что тогда она будетъ имѣть свекровью бригадиршу, которая „превосходитъ всякую тварь своими добродѣтелями и которая написана у Господа въ книгѣ „животныхъ". Послѣ ухода Софьи совѣтникъ объясняется въ любви бригадиршѣ. Эта сцена была бы не дурна, если бы не была растянута.

Конечно, много комизма въ объясненіи совѣтника-ханжи, человѣка, который отъ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будетъ, человѣка, которому трудно высказать свое желаніе, который долженъ говорить обиняками о дьявольскомъ искушеніи; но когда этотъ человѣкъ доходитъ до словъ: „согрѣшимъ и покаемся", онъ высказывается вполнѣ; убѣдительнѣе и энергичнѣе что-либо сказать не подъ силу натурѣ совѣтника; задушевная мысль его высказана, по его понятію, сильно и убѣдительно... Тутъ бы, казалось, и конецъ объясненію... Такъ нѣтъ, автору понравилось затруднительное положеніе совѣтника, онъ длитъ дѣйствіе и впадаетъ въ фарсъ. Со стороны бригадирши совершенное неразумѣніе страсти совѣтника послѣ этихъ словъ дѣлается невѣроятнымъ. Вы даже охотнѣе согласитесь подумать, что она умная женщина, которая нарочно не хочетъ понимать неблаговидный разговоръ совѣтника и желаетъ насладиться его

затруднительнымъ положеніемъ. Но выходитъ иначе: она ничего не понимаетъ, даже и тогда, когда совѣтникъ сталъ на колѣни и сказалъ: „я люблю тебя, матушка!“ Вы видите, что тутъ уже нѣтъ комедіи, что зачатки ея были, но что они подавлены желаніемъ острить, смѣшить и исправлять нравы. Когда на нѣжныя слова совѣтника: „согрѣшимъ и покаемся“ бригадирша отвѣчаетъ: „Какъ не согрѣшить, батюшка? Единъ Богъ безъ грѣха“ — выходитъ смѣшно, но не естественно, потому что глупость переходитъ границы. Весь дальнѣйшій разговоръ, всѣ слѣдующіе доводы совѣтника начинаютъ дѣло сызнова и повторяютъ то же, что было сказано, только другими словами: отъ этого вамъ уже не хочется ихъ читать. Авторъ хотѣлъ поддержать смѣшную сторону положенія совѣтника и бригадирши — и дѣлаетъ ихъ разговоръ скандалезнѣе, но этимъ ничего не выигрываетъ. Начинаются натяжки; бригадирша говоритъ, что она не понимаетъ многихъ словъ, и что только одинъ Игнатій Андреевичъ всѣ слова выговариваетъ такъ рѣчисто, *какъ попугай*. Вы видите, что бригадирша даже острить начинаетъ — бригадирша, у которой совѣтникъ спрашиваетъ: „неужели ты, матушка, не понимаешь моего хотѣнія?“ и она отвѣчаетъ: „не понимаю, мой батюшка“. Наконецъ, къ довершенію неестественности, совѣтникъ становится на колѣни передъ бригадиршей, — тотъ совѣтникъ, который не могъ лучше высказать своей любви, какъ словами: „согрѣшимъ и покаемся“. Но бригадирша и этого не понимаетъ; только сынъ могъ ей объяснить, что совѣтникъ „амурится“.

Будемъ слѣдить дальше ходъ комедіи. Бригадирша бѣсится, узнавъ, что съ ней совѣтникъ амурничаетъ, но совѣтница уговариваетъ ее потомъ, что совѣтникъ не амурился, сынъ подтверждаетъ слова ея, говоря: „чортъ меня возьми, ежели эта неправда“. Бригадирша испугалась и говоритъ: „Перекрестись. Какой божбой ты божишься; опомнись: вѣдь чортомъ не шутятъ. Сложи руку, Иванушка, да перекрестись хорошенько“. Однакожъ, начинаетъ склоняться на это убѣжденіе и говоритъ: *„что за дьявольщина!* да чему же вѣрить?“

Третье дѣйствіе начинается бранью между бригадиромъ и сыномъ, который увѣряетъ отца, что несносно быть женатымъ на русской. Къ чему этотъ разговоръ? Но мы уже могли замѣтить, что въ ходѣ пьесы нѣтъ никакой послѣдовательности: одно дѣйствіе не вытекаетъ изъ другого, всегда какъ-то приклеено къ нему снаружи, такъ что если бъ его отнялъ авторъ, вы бы никогда не замѣтили пробѣла. Такъ точно и съ этимъ дѣйствіемъ. Но въ этомъ-то случаѣ и видна назидательная цѣль комедіи, какъ понимали ее въ то время. Что̀ нужды, если нѣтъ цѣлости и единства пьесы, лишь бы она была поучительна. Въ этомъ разговорѣ отца и сына сынъ проявляется безграничнымъ дуракомъ; онъ видѣлъ Парижъ и думаетъ, что отъ этого уменъ, между тѣмъ какъ, не видѣвъ Парижа, можно быть образованнымъ человѣкомъ. Это довольно плохое назиданіе, приправленное нравоученіемъ, что внѣшность, лоскъ иностранный, не соста-

вляетъ образованности, перерываетъ дѣйствіе или, лучше сказать, поставлено на ряду съ другими сценами. Повторяемъ: въ этомъ случаѣ даже не зачѣмъ спрашивать, почему авторъ вводитъ такія сцены. Для Фонвизина довольно было того, что въ тогдашнемъ обществѣ существовала эта сторона, что въ немъ была привязанность къ внѣшности европейской, что этою внѣшностью была прикрыта необразованность и грубость — и вотъ онъ даетъ мѣсто въ своей комедіи и этой сторонѣ жизни, хотя оно по ходу дѣла и лишнее. У Фонвизина сынъ бригадира и совѣтница — олицетвореніе этой внѣшней привязанности ко всему иностранному; а такъ какъ эта привязанность, по отсутствію содержанія, очень неосновательна, то и лица эти глупы до той степени, до которой могли они дойти въ комедіи, имѣвшей цѣлью только острить и смѣшить. Напримѣръ, въ этомъ разговорѣ бригадиръ говоритъ сыну: „Однако, ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ“. А сынъ на это отвѣчаетъ: „Вотъ, батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда увидѣли, что строгость вамъ не удалась“.

Это даетъ поводъ бригадиру сказать такія назидательныя слова сыну: „Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: этакій оселъ!“

Даже, чтобъ показать вящшую глупость сына, некстати съѣздившаго въ Парижъ, авторъ заставляетъ его спросить у отца: „Да какое право имѣете вы надо мною властвовать? Когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хоть малѣйшимъ респектомъ?“

Этотъ вопросъ странно звучитъ, во-первыхъ, въ устахъ сына-дурака, а во-вторыхъ, такой вопросъ не могъ принадлежать обществу Екатерины. Если мы и перенимали многое отъ иностранцевъ, то это многое относилось, преимущественно, къ внѣшности, а не къ такимъ вопросамъ. Общество высшее, вполнѣ образованное, которое было проводникомъ мнѣній европейскихъ, не могло задать этого вопроса, потому что оно было образовано: общество же низшее, которое переняло только отъ Запада пудру, помаду, кафтаны и тому подобныя вещи, не приняло отъ Запада, вмѣстѣ съ костюмомъ, рѣшительно ни одного вопроса, а по прежнему крѣпко стояло въ старинныхъ вѣрованіяхъ, несмотря на измѣненную внѣшность; слѣдовательно, вопросъ неестественъ, но зато отвѣтъ бригадира простъ, ясенъ и прямо изъ жизни. Онъ говоритъ: „Что ты щенокъ, такъ въ этомъ никто не сомнѣвается; однако я тебѣ, Иванъ, какъ присяжный человѣкъ клянусь, что ежели ты меня еще примѣнишь къ собакѣ, то скоро самъ съ рожи на человѣка походить не будешь. Я тебя научу, какъ съ отцомъ и заслуженнымъ человѣкомъ говорить должно. Жаль, что нѣтъ со мною палки! Этакій скосырь выѣхалъ!“

Является совѣтница и заставляетъ сына разсказывать о Парижѣ. Вотъ отрывокъ изъ ихъ разговора:

Сынъ. Во Франціи, люди совсѣмъ не таковы, какъ вы, то-есть нерусскіе.

Совѣтница. Смотри, радость моя: я тамъ не была, однако я о Франціи получила уже отъ тебя изрядную идею. Неправда ли, что во Франціи живутъ по большей части французы?

Сынъ *(съ восторгомъ)*. Vous-avez le don de deviner.

. . . .

Совѣт. Скажи мнѣ, жизнь моя: можно ль тѣмъ изъ нашихъ, кто былъ въ Парижѣ, забыть совершенно то, что они русскіе?

Сынъ. Totalement нельзя. Это не такое несчастіе, которое бы скоро въ мысляхъ могло быть заглажено: однако нельзя и того сказать, чтобъ оно живо было въ нашей памяти. Оно представляется намъ какъ сонъ, какъ „illusion“.

Вы видите, что разсужденія сына и совѣтницы переходятъ всѣ границы вѣроятія. Это уже и не смѣшно, и не остро, и не поучительно. Когда совѣтница, женщина не глупая, какъ видно изъ многихъ мѣстъ комедіи, спрашиваетъ: „не правда ли, что во Франціи живутъ по большей части французы?“ дѣлается скучно и стыдно за умъ Фонвизина. А все оттого, что авторъ видѣлъ въ своихъ герояхъ не образы, въ которые воплощены живыя идеи общества, но въ лицѣ ихъ хотѣлъ насмѣяться надъ нелѣпымъ подражаніемъ внѣшности французской; цѣль была внѣ лицъ дѣйствовавшихъ, и оттого совѣтница и сынъ бригадира не живыя лица, а пародія на ложное увлеченіе общественное.

Но идемъ дальше, куда влечетъ насъ четвертое явленіе третьяго дѣйствія. Дошла очередь до бригадира объясняться въ любви. Бригадиръ, какъ человѣкъ военный, излагаетъ свою любовь коротко и ясно. Онъ говоритъ совѣтницѣ: „Представь себѣ фортецію, которую хочетъ взять храбрый генералъ; что̀ онъ тогда въ себѣ чувствуетъ? Точно то теперь и я. Я, какъ храбрый полководецъ, а ты моя фортеція, которая, какъ ни крѣпка, однако все брешу въ нее сдѣлать можно“.

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Такимъ образомъ въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ, одинъ за другимъ поочередно всѣ объяснились въ любви. Передъ вами выступило множество лицъ въ одинаковой степени, но съ разныхъ сторонъ пошлыхъ; между этими господами есть два лица, представляющія благовидную и приличную сторону общества — это Добролюбовъ и Софья. Они нѣжно любятъ другъ друга, они чувствуютъ по-человѣчески, они образованы. Всего этого, конечно, не видно изъ дѣйствій этихъ лицъ; по крайней мѣрѣ такъ заставляетъ говорить ихъ авторъ. Это лица безукоризненны и скучны. Они страдаютъ, потому что Софью хотятъ выдать за Иванушку. Въ то время, когда они страдаютъ, проходятъ передъ зрителями сцены объясненій людей пошлыхъ, совершенно противоположныхъ Добролюбову и Софьѣ. Но вы не знаете еще, на комъ остановить вниманіе. Всѣ эти лица явились на сцену, погово-

рили и ушли. Авторъ хочетъ представить ихъ смѣшными; но какъ же онъ заставилъ ихъ развиться и высказать себя, какое происшествіе всколышетъ всѣ эти пошленькія натуры, на комъ сосредоточитъ онъ интересъ, какая тутъ господствующая идея, въ чьемъ образѣ она воплотилась, и какія лица ее только дополняютъ? Покамѣстъ въ первыхъ трехъ дѣйствіяхъ всѣ лица были, повидимому, главныя и всѣ второстепенныя. По заглавію пьесы „Бригадиръ“ вы обращали преимущественно вниманіе на этого героя; но онъ, какъ и другіе, объяснился лаконически съ супругою совѣтника и сошелъ со сцены.

Слѣдовательно, отъ дальнѣйшихъ дѣйствій вы уже ожидаете сосредоточенія интереса на какомъ-нибудь лицѣ, ожидаете происшествія, которое освѣтитъ, преимущественно, чью-нибудь комическую натуру и заставитъ двинуться за собой весь этотъ хороводъ.

Посмотримъ.

Четвертое дѣйствіе начинается разговоромъ Добролюбова и Софьи; они мечтаютъ о будущемъ, о бракѣ. Является бригадирша; она плачетъ. Добролюбовъ спрашиваетъ у нее: „О чемъ вы плакали, сударыня?“ Бригадирша отвѣчаетъ: „Я, мой батюшка, не первый разъ на вѣку плачу. Одинъ Господь видитъ, каково мое житье!“

Софья. Что такое, сударыня?

Бригадирша. Закажу и другу и ворогу итти замужъ.

Софья. Какъ, сударыня? Можете ли вы говорить это въ самое то время, когда хотите вы того, чтобъ я была женою вашего сына?

Бриг. Тебѣ матушка, для чего за него нейти? Я сказала про себя.

Добролюбовъ. Нѣтъ, вы про всѣхъ теперь сказать изволили.

Бриг. Й вѣдомо“.

Потомъ бригадирша жалуется на мужа, что онъ однажды, шутя, чуть не убилъ ее.

Добр. „Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было васъ на тотъ свѣтъ не отправилъ?

Бриг. Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна замужемъ. Мое житье-то худо-худо, а все не такъ, какъ, бывало, нашихъ офицершей. У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванью Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хмельной; такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется. Ну мы, наша сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя“.

Весь этотъ разговоръ безъ результата для хода пьесы. Онъ вставочный, лишній; но мы привели его, какъ одно изъ рѣдкихъ мѣстъ, когда Фонвизину удавалось быть художникомъ, двумя-тремя словами рисующимъ передъ вами образъ, о которомъ нехудожнику нужно говорить долго-долго, чтобы сдѣлать его понятнымъ. Логика бригадирши, заказывающей и другу и недругу итти замужъ, но въ то же время говорящей, что это не относится къ Софьѣ, хотя и говорится

про всѣхъ, есть та эссенція, которая разжижена Фонвизинымъ въ роли бригадирши по цѣлой комедіи, но которая въ этомъ случаѣ представлена во всей своей наивной глупости. Послѣ этого вы понимаете, чтò за лицо бригадирша. Когда у нея Добролюбовъ спрашиваетъ, какъ же жить съ такимъ мужемъ, который можетъ убить, ея отвѣтъ: „такъ и жить“ — есть верхъ прелести. Брани она своего мужа и не допускай возможности съ нимъ жить, она не была бы бригадирша, она утратила бы характеръ глупости, она сдѣлалась бы резонеркой; но она бранитъ и находитъ возможность продолжать жить съ бригадиромъ, потому что она не одна замужемъ и потому что капитанъ еще не такъ бивалъ капитаншу, а „въ чемъ душа останется.

Это настоящій комизмъ; но онъ сейчасъ же истощается шутовствомъ и фарсерствомъ. Въ слѣдующихъ сценахъ бригадиръ и совѣтникъ, сынъ бригадира и совѣтница, Добролюбовъ и Софья играютъ въ карты; въ это время бригадирша слушаетъ, что говорятъ. Сынъ, смотря въ карты, между прочимъ, говоритъ: „Санпрандеръ шесть матедоровъ“, а бригадирша спрашиваетъ: „Что, мой батюшка, что ты сказалъ, мададуры? Вотъ нынче стали играть и въ дуры; а бывало такъ всѣ въ дураки игрывали“. Вы видите, что желаніе смѣшить и заставлять говорить глупости причиной этихъ словъ, которыя такъ же остроумны, какъ и вопросъ совѣтницы: „Не правда ли, что во Франціи живутъ французы?“ Эти слова уже странны не только для художника, но просто для умнаго человѣка,—и ихъ могъ сказать Фонвизинъ! Нужно замѣтить, что у него очень часто встрѣчаются подобныя выходки, которыя можно объяснить только состояніемъ того общества, для котораго писалъ Фонвизинъ, и которое могло забавляться подобными остротами.

Поостривъ за картами, компанія начинаетъ разсуждать на тему бригадира, который говоритъ, что жена его „не къ мѣсту печальна, не къ добру весела; зажилась долго грѣха много некстати“. За бригадиршу вступается совѣтникъ, и между ними оканчивается разговоръ о дорогихъ сожительницахъ: бригадиршѣ и совѣтницѣ.

Этимъ замыкается четвертое дѣйствіе. Въ пятомъ сынъ бригадира уговариваетъ совѣтницу бѣжать, потому что бригадиръ ревнуетъ сына; время тратить не зачѣмъ, они торопятся и говорятъ—о чемъ?—о томъ, что французскіе учителя въ Россіи ни больше ни меньше, какъ кучера, что большая половина изъ нихъ грамоты не знаетъ, однакожъ, несмотря на это, они могутъ внушить русскому совершенно французскій духъ; вслѣдствіе чего совѣтница обѣщаетъ уважать всѣхъ кучеровъ. Потомъ сынъ становится на колѣни и проситъ совѣтницу, чтобы она бѣжала съ нимъ... Удивительная логичность дѣйствій! Даже въ разгарѣ дѣйствія, въ томъ случаѣ, когда нѣтъ мѣста никакому чувству, кромѣ страха погони, герой Фонвизина хладнокровно разсуждаетъ, какъ будто они сидятъ за длиннымъ скучнымъ обѣдомъ. Въ то время, когда сынъ стоитъ на колѣняхъ передъ совѣтницей (чего по ходу дѣйствія совсѣмъ ненужно), входятъ бригадиръ и совѣтникъ.

Что жъ сказалъ сынъ, когда увидѣлъ передъ собою отца своего и мужа совѣтницы, когда онъ зналъ, что взбѣсилъ одного и другого, когда онъ помнилъ, что бригадиръ уже обѣщалъ въ одномъ мѣстѣ „выломать ему ребра", если онъ будетъ часто говорить съ совѣтницей, когда онъ могъ чувствовать, что въ этотъ моментъ руки бригадира судорожно двигались? Сынъ вскочилъ и сказалъ тому и другому: „serviteur très humble". Гдѣ же страхъ, самое простое и единственное чувство въ первый моментъ испуга? Ничего не бывало; вѣдь сынъ не признаетъ связей семейныхъ; слѣдовательно, чего же ему бояться?... Какая натяжка! Бригадиръ и совѣтникъ начинаютъ грозить совѣтницѣ и сыну: но ихъ усмиряетъ совѣтница, которая объявляетъ что она видѣла, какъ совѣтникъ объяснялся въ любви бригадиршѣ, а бригадира заставляетъ молчать, потому что онъ самъ же „объявилъ ей свою любовь".

Вслѣдствіе того, Добролюбовъ и Софья вступаютъ въ законный бракъ, добродѣтель награждается, и совѣтникъ, обращаясь къ партеру, заключаетъ пьесу словами: „Говорятъ, что съ совѣстью жить худо! А я самъ теперь узналъ, что жить безъ совѣсти всего на свѣтѣ хуже".

Припомнимъ теперь весь ходъ пьесы. Сынъ бригадира объясняется въ любви совѣтницѣ; Добролюбовъ объясняется въ любви Софьѣ; совѣтникъ объясняется въ любви бригадиршѣ; бригадиръ объясняется въ любви совѣтницѣ. Отъ нечего дѣлать говорятъ о Парижѣ, играютъ въ карты и, наконецъ, другу друга уличаютъ въ объясненіяхъ и расходятся. Больше ничего. Лица обозначили другъ друга въ первомъ разговорѣ, и въ теченіе пяти дѣйствій ничего не прибавляютъ къ своимъ характерамъ. Дѣйствія нѣтъ; слѣдовательно, лица эти какъ вышли на сцену такъ и сошли съ нея; въ нихъ не было движенія, они не жили, не дѣйствовали каждый сообразно своему образу мыслей, но остались каменными. Поэтому, вы видите, что здѣсь комедіи не было. Комедія, какъ и трагедія, имѣетъ свою борьбу, свою жизнь, свои страданія, свои волненія. Ея герои не уродливыя статуи, а живыя лица; жизнь имъ сообщается внутреннею борьбою, а не внѣшнею примѣсью остротъ, шутокъ, фарсовъ. Эта внутренняя борьба героевъ комедіи для нихъ самихъ кажется трагичною, потому что она для нихъ естественна, вытекаетъ изъ сущности ихъ природы; но для публики она смѣшна, потому что въ основаніи ея лежатъ ложныя начала героевъ комедіи, ненормальныя убѣжденія: они борются за такое вѣрованіе, которое смѣшно, неестественно; они страдаютъ изъ-за него, и публика смѣется надъ этой борьбой. Въ комедіи герой живетъ въ силу ложныхъ убѣжденій, между тѣмъ какъ въ трагедіи онъ волнуется, страдаетъ и живетъ во славу истины и долга. Мы, русскіе, имѣемъ одну только комедію, которая вполнѣ удовлетворяетъ требованію искусства: это „Ревизоръ" Гоголя. Разскажемъ вкратцѣ ея содержаніе, чтобъ, обратясь потомъ къ Фонвизину, указать его недостатки въ постройкѣ комедіи.

„Ревизоръ“ Гоголя есть цѣлый міръ, развившійся изъ одной идеи, міръ оконченный, котораго всѣ части составляютъ одно органическое цѣлое. Этотъ міръ городничаго, жены его и дочери, Добчинскихъ и Бобчинскихъ, Земляники, Тяпкиныхъ-Ляпкиныхъ взволновался однимъ событіемъ, чрезвычайно важнымъ для плутовъ и мошенниковъ,—пріѣздомъ ревизора. Этотъ пріѣздъ было то страшное событіе, котораго они боялись, которое безпрестанно рисовало имъ ихъ настроенное страхомъ воображеніе: до того времени, они покойно жили въ своемъ городѣ, брали взятки и хоронили концы въ воду. Жизнь ихъ была однообразна и безцвѣтна; городничій Сквозникъ-Дмухановскій бралъ взятки съ самоварниковъ и архибестій; Тяпкинъ-Ляпкинъ ловилъ рыбу въ мутной водѣ своего суда; Добчинскіе и Бобчинскіе бѣгали изъ одного дома въ другой, переносили вѣсти, сплетничали и угощали себя за свои труды насчетъ слушавшихъ ихъ болтовню. Жена городничаго и дочь кокетничали съ уѣздными франтами съ усиками и безъ усовъ. Земляника жилъ насчетъ богоугодныхъ заведеній. Всѣ они жили кривымъ путемъ и всѣ боялись одного суда; у нихъ жизнь раздѣлялась на двѣ половины: въ одной передъ ними являлось обиліе благъ земныхъ и плутовство, а въ другой господствовалъ страхъ наказанія. Этотъ-то страхъ наказанія, наконецъ, явился въ лицѣ ревизора. Всѣ засуетились, и во главѣ ихъ Сквозникъ-Дмухановскій, какъ начало и конецъ этой уродливой жизни. Онъ, преимущественно, боится суда, а съ нимъ вмѣстѣ боится и его паства, дѣйствующая по началамъ, усвоеннымъ городничимъ. Но они лица второстепенныя, дополняющія только тѣ ужасы и бѣдствія, которые могутъ постигнуть преступнаго городничаго; они увеличиваютъ его отвѣтственность, потому что мошенничали подъ его крыломъ. Итакъ, пріѣздъ ревизора всколыхалъ весь этотъ маленькій міръ. Бобчинскій и Добчинскій приносятъ вѣсть о ревизорѣ... Городничій въ отчаяніи, потому что велѣлъ высѣчь невинную унтеръ-офицерскую жену, потому что на улицахъ грязь, потому что у него нѣтъ новой шпаги, а купцы не догадались подарить ему новую, хотя и видѣли, что старая шпага никуда не годится; потому что квартальный не по чину беретъ, потому что другой квартальный уѣхалъ разбирать случившуюся драку и воротился пьянъ. Добчинскаго, которому хочется разсказать еще что-нибудь о ревизорѣ, подмываютъ другія желанія: онъ проситъ городничаго позволить ему посмотрѣть въ щелочку на ревизора, когда къ нему войдетъ городничій: „такъ знаете, изъ дверей только увидѣть, какъ тамъ онъ... больше сущность и поступки его, а я ничего“. Въ это же время устарѣлая уѣздная кокетка торопится разспросить мужа о томъ, съ усами ли ревизоръ и съ какими усами; ей это очень интересно: она думаетъ еще пококетничать съ молодымъ человѣкомъ изъ Петербурга, потому что тогда она будетъ гордо обходиться съ уѣздными франтами и даже презирать ихъ: она въ то же время начинаетъ ревновать и бранить дочь, которая слишкомъ долго занялась своимъ туалетомъ... Однимъ словомъ, цѣлый городъ пришелъ въ движеніе, цѣлый городъ

высказалъ и то, что онъ ощутилъ при словѣ „ревизоръ“, и то, чѣмъ онъ былъ прежде, какъ онъ жилъ. Этотъ волшебный пріѣздъ освѣтилъ всю прошедшую его жизнь и его настоящее ощущеніе. Каждый начинаетъ дѣйствовать по-своему, гонимый страхомъ ревизорскаго имени, но каждый составляетъ только часть одной общей картины, воплотившей въ себѣ идею автора. Каждый составляетъ отдѣльное, художественно-выработанное лицо, но вмѣстѣ съ этимъ каждый есть только часть одного стройнаго цѣлаго, одной идеи, воплощенной творчестомъ въ живые образы. Хлестаковъ, догадавшись, что его принимаютъ за ревизора, подгулялъ отъ удовольствія и начинаетъ нести всякій вздоръ о себѣ; въ его и безъ того глупой головѣ все закружилось отъ неожиданныхъ обстоятельствъ, отъ внезапнаго перехода отъ голода и почти тюрьмы къ сытному обѣду, вину, полному почету; онъ самъ уже не знаетъ, что съ нимъ дѣлается; въ головѣ у него двоится и Смирдинъ съ Брамбеусомъ, и „Библіотека“ съ „Сумбекою“; онъ несетъ дичь и самъ даже не можетъ понять, что говоритъ... Между тѣмъ каждое его слово наводитъ ужасъ на жителей уѣзднаго городка; личность Хлестакова все больше и больше растетъ въ ихъ глазахъ. Наконецъ, Хлестакова задобриваютъ; онъ дѣлается любезенъ съ людьми, которые опасались его гнѣва. У людей этихъ снова возникаетъ жизнь, надежды; городничій воображаетъ себя уже въ Петербургѣ, воображаетъ дочь свою замужемъ за такимъ человѣкомъ, „что и на свѣтѣ еще не было, что можетъ и прогнать всѣхъ въ городѣ, и въ тюрьму посадить, и все, что хочетъ“. Городничій велитъ уже кричать о своемъ счастьи всему городу, валять въ колокола: „коли торжество, такъ торжество, чортъ возьми!“ Его завѣтныя мечты начинаютъ возникать передъ нами; онѣ были подавлены скромной жизнью уѣзднаго городка, но вотъ теперь выплываютъ изъ глубины его души во всемъ величіи; городничій воображаетъ себя генераломъ... Какъ вы думаете, зачѣмъ городничій хочетъ быть генераломъ? „Потому что, случится, поѣдешь куда-нибудь, фельдъегери и адъютанты поскачутъ впередъ: лошадей! и такъ на станціяхъ никому не дадутъ, все дожидается, всѣ эти титулярные, капитаны, городничіе; а ты себѣ и въ усъ не дуешь: обѣдаешь гдѣ-нибудь у губернатора, а тамъ стой городничій! Ха, ха, ха! Вотъ что, канальство, заманчиво!“

Городничій въ паосѣ. Все, что родилось у него въ душѣ, все высказано отъ избытка счастья. Какъ чувство страха въ началѣ пьесы открыло одну часть его души и показало въ ней бездну сора, такъ чувство самодовольствія подняло не мало дряни изъ этой грубой природы. Но погодите! городничій еще не весь: онъ былъ низокъ отъ страха, былъ гнусенъ отъ счастья и гордости; посмотрите на него еще разъ: онъ узнаетъ, что его обманули, что Хлестаковъ не ревизоръ, что все это были пустяки. Посмотрите въ третій разъ на эту натуру, *обиженную* тѣмъ, что ее обманули, бѣснующуюся отъ досады. Городничій проведенъ, — городничій, который „тридцать лѣтъ жилъ

на службѣ, котораго ни одинъ купецъ ни одинъ подрядчикъ не могъ провести, мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду; трехъ губернаторовъ обманулъ"! „Во время этого бѣснованія городничаго и недоумѣнія окружающихъ его, является жандармъ съ извѣстіемъ о пріѣздѣ истиннаго ревизора; герои комедіи окаменѣли отъ ужаса, и пьеса кончена—кончена потому, что вмѣстила въ себѣ полный, замкнутый міръ страстей, истекшихъ изъ основной идеи комедіи.

Вотъ пьеса, въ которой есть единство, которая составляетъ цѣлое, въ которой герои прожили моментъ своей жизни, освѣтившій всю глубину души ихъ. Послѣ этой комедіи вы ихъ знаете. У Фонвизина рѣшительно нѣтъ ничего подобнаго: мы уже говорили, что въ „Бригадирѣ" нѣтъ дѣйствія; слѣдовательно, остались отдѣльныя сцены. Но и въ сценахъ этихъ является не одно и то же лицо, а разныя лица, такъ что одна сцена посвящена совѣтнику и бригадиршѣ, другая бригадиру и совѣтницѣ и т. д.; въ четвертомъ дѣйствіи нѣтъ никакого *дѣйствія*, а въ пятомъ развязка, упреки во взаимныхъ объясненіяхъ не прибавляютъ ни одной новой стороны уже извѣстнымъ характерамъ.

Мы такъ подробно разбираемъ „Бригадира" потому, что въ немъ есть тѣ же недостатки, какъ и въ „Недорослѣ". При разборѣ „Недоросля" намъ остается только указывать на эти недостатки.

Итакъ, изъ „Бригадира" намъ остались однѣ сцены: обратимся къ нимъ. Каждая изъ нихъ есть объясненіе въ любви; слѣдовательно, чувство любви есть тотъ пунктъ, которымъ Фонвизинъ хотѣлъ освѣтить природу своихъ героевъ: бригадира, совѣтника, совѣтницы... Но удалось ли ему это? Содержаніе этихъ объясненій мы привели выше; плутъ-совѣтникъ, который представленъ у автора только какъ ханжа, высказалъ съ нѣжностью слова: „согрѣшимъ и покаемся"; бригадиръ, человѣкъ крутой, прямой, грубый, объяснился на военную ногу и сказалъ, что совѣтница для него фортеція; сынъ влюбился въ совѣтницу, потому что она походитъ на француженку столько же, сколько онъ на француза. Развѣ изъ этого вы видите натуру плута и ханжи въ совѣтницѣ, натуру бригадира въ военныхъ выраженіяхъ? Совѣтница и сынъ — карикатуры, о которыхъ и говорить нечего. Автору не удалось освѣтить своихъ героевъ сценами объясненій въ любви, потому что самая точка освѣщенія выбрана ложная. Взято ничтожнѣйшее изъ обстоятельствъ для такихъ людей, какъ совѣтники, бригадиры, совѣтницы и бригадирши. Посмотрите, какъ удачно Гоголь выбралъ точку освѣщенія своихъ героевъ: страхъ наказанія есть то чувство, которое ихъ преслѣдовало, какъ судъ Божій, и которое, слѣдовательно, заставило ихъ развернуться въ полномъ блескѣ и со всѣхъ сторонъ. Чувство любви для совѣтника — одно изъ послѣднихъ; онъ и самъ его называетъ „только своимъ хотѣніемъ"; у бригадира тотъ же самый взглядъ, а у совѣтницы и сына — это фарсъ, который авторъ хотѣлъ выставить на позоръ, карикатура.

Отъ этого комедія Фонвизина не отличается и частными сценами, которыми такъ богато „Горе отъ ума“ — второе замѣчательное произведеніе послѣ „Ревизора“ Гоголя; отъ этого въ характерахъ мало художественности. *Дудышкинъ.*

Характерныя для Екатерининскаго времени лица, выведенныя въ комедіи „Бригадиръ“.

Въ „Бригадирѣ“ мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ персонажей, чрезвычайно характерныхъ для Екатерининскаго общества, почему эта пьеса, и помимо своихъ чисто литературныхъ достоинствъ, представляетъ весьма цѣнный матеріалъ для исторіи нашего общества. Первое мѣсто среди этихъ характерныхъ персонажей безусловно принадлежитъ сыну бригадира, Иванушкѣ, типичному петиметру, представителю крайняго увлеченія Франціей и ея порядками. Онъ всецѣло раздѣляетъ господствовавшее тогда въ нѣкоторыхъ частяхъ общества убѣжденіе, „что только обхожденіе съ французами и путешествіе въ Парижъ могло хоть нѣкоторую часть россіянъ просвѣтить, что Россія только тогда можетъ назваться просвѣщенной, когда Петербургъ сдѣлается Парижемъ, когда русскій языкъ въ иностранныхъ державахъ въ такомъ же употребленіи, какъ французскій будетъ, или когда всѣ наши крестьяне будутъ разумѣть по-французски“. Это убѣжденіе усилило отъѣздъ за границу молодыхъ людей, хотѣвшихъ посмотрѣть „иноземныя прелести“. Молодые люди, совершенно не подготовленные къ путешествію ни домашнимъ воспитаніемъ, ни предшествовавшимъ образованіемъ, ни совѣтами разумныхъ руководителей, но предоставленные за границей своему неопытному усмотрѣнію, устремляли все свое вниманіе на „позорища и увеселенія“; даже учившіеся въ университетахъ возвращались домой нерѣдко такими же невѣждами, какими были до отъѣзда. Зато они пріобрѣтали положительныя и разностороннія познанія въ вольности обращенія съ женщинами, въ признаніи и оцѣнкѣ женской красоты; вся ихъ любознательность была направлена въ область модъ и свѣтскихъ привычекъ усвояемыхъ, ими въ совершенствѣ. „Безъ французовъ развѣ могли мы называться людьми? Умѣли ли мы порядочно одѣться и знали ли всѣ правила нѣжнаго, учтиваго и пріятнаго обхожденія, тонкими вкусами усовершенствованныя? Безъ нихъ мы не знали бы, что такое танцованіе, какъ войти, какъ поклониться, напрыскаться духами, взять шляпу и одною ею изъявлять страсти и показывать состояніе души и сердца нашего“.

Пріобрѣтя и другія подобнаго рода познанія, они „путешествуя безъ иного намѣренія, кромѣ веселія безъ разсудка, безъ нужнаго примѣчанія, и погружая себя въ Парижѣ и Страсбургѣ въ роскошь и пороки, съ истощеннымъ тѣломъ и кошелькомъ домой безпоправочно возвращаются“. И вотъ одного изъ такихъ людей, „молодого россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія

своего разума и который объѣздилъ съ пользою, возвратился уже совершенною свиньей, желающіе смотрѣть, могутъ его видѣть безъ денежно по многимъ улицамъ сего города", гласило ироническое объявленіе, напечатанное въ „Вечерахъ" 1777 г. Возвратясь изъ Франціи съ познаніями que de vivre dans le grand monde въ Россію, эту „дикую страну", щеголь „презираетъ свое отечество и думаетъ, что въ немъ ничего хорошаго и быть не можетъ. Считая себя истымъ французомъ, онъ приходилъ въ ярость и готовъ нанести ударъ за обидное названіе его русскимъ. Самое рожденіе въ Россіи онъ считаетъ несчастіемъ, воображая себя совершенствомъ, до пониманія котораго не могутъ возвыситься соотечественники; онъ восклицалъ: „О Россія, Россія, когда ты научишься познавать достоинства людскія". Презрѣніе къ національному въ немъ настолько сильно, что ему не хочется въ Россіи и умереть. Словомъ, все русское ему кажется позорнымъ.

Такова характеристика русскаго петиметра или щеголя, данная изслѣдователемъ этого типа нашей сатирической литературы XVIII в. При ближайшемъ разсмотрѣніи ее никакъ нельзя назвать преувеличенной. Необходимо только имѣть въ виду, что это зло не ограничилось Россіей, во многихъ странахъ Запада въ XVIII в. увлеченіе Франціей приняло такой же болѣзненный характеръ, что вызвало появленіе обширной сатирической литературы, направленной на осмѣяніе этого нездороваго явленія. Между ней очень видное мѣсто занимаетъ комедія хорошо знакомаго Фонвизину Гольберга „Jean de France", оказавшей очень сильное вліяніе на обрисовку характера Иванушки. По наблюденіямъ проф. Алексѣя Веселовскаго, „въ содержаніи и нѣкоторыхъ подробностяхъ обѣихъ пьесъ замѣчается много точекъ соприкосновенія. У Гольберга, какъ и въ „Бригадирѣ" Фонвизина, являются два старика (бригадиръ, совѣтникъ), между собой рѣшившіе поженить своихъ дѣтей. Дочь одного изъ нихъ (Софья, дочь совѣтника) въ ужасѣ отъ перспективы выйти замужъ за вертопраха, побывавшаго въ Парижѣ и сама любитъ молодого человѣка, котораго до поры до времени ея отецъ чуждается (эта блѣдная личность, соотвѣтствующая Добролюбову „Бригадира", называется весьма сходно съ нимъ въ нѣмецкой пьесѣ: Liebhold). Навязанный Софьѣ женихъ былъ въ Парижѣ всего пятнадцать недѣль, но считаетъ себя настоящимъ парижаниномъ и сыплетъ французскими фразами. Онъ говоритъ, напримѣръ, je m'en moque, подобно Иванушкѣ, который вызываетъ этимъ недоумѣніе со стороны отца, „что это за манмокъ?"

Мать отъ него въ восторгѣ, хотя, какъ и бригадирша, подчасъ не понимаетъ его словъ. Отца онъ не слушается, съ будущимъ тестемъ затѣваетъ ссору, даже драку; подобно Иванушкѣ, онъ не хочетъ признавать повиновенія старшимъ и находитъ, что „если старые люди впадаютъ въ дѣтство, то съ ними обращаться нужно, какъ съ дѣтьми". Родителей онъ старается выставить въ смѣшномъ видѣ; мать заставляетъ танцовать менуэтъ, а отца пѣть (въ „Бригадирѣ" IV 4): „матушка, пропойте-ка намъ какой-нибудь эръ". У Гольберга, правда,

нѣтъ роли, которая непосредственно соотвѣтствовала бы совѣтницѣ изъ „Бригадира“, но взамѣнъ ея введенъ очень сходный пріемъ. Субретка Дора, желая помочь своей барышнѣ, переряживается и выдаетъ себя за madame Le Fleche, только что пріѣхавшую изъ Парижа слѣдомъ за своимъ милымъ Жаномъ, хотя онъ никогда не видалъ ея; это льститъ его самолюбію, онъ быстро влюбляется и такимъ образомъ мы получаемъ какъ бы отдаленный первообразъ любовныхъ сценъ между Иванушкой и совѣтницей; въ рѣчахъ субретки такъ же осмѣянъ жаргонъ тогдашнихъ модныхъ щеголихъ; влюбленный съ такимъ же ужасомъ признается въ своемъ отвращеніи къ ожидающему его браку, также мечтаетъ бѣжать съ дамой своего сердца въ Парижъ, какъ Иванушка и т. д. Можно было бы привести еще нѣсколько мелкихъ образчиковъ сходства между обѣими пьесами, но достаточно и несомнѣннаго сходства въ общихъ чертахъ фабулы и персонажей. Указывая на него, мы тѣмъ не менѣе признаемъ у Фонвизина большія отклоненія отъ первообраза, много оригинальныхъ и остроумныхъ чертъ, въ особенности значительную близость къ русской дѣйствительности въ разсказахъ бригадира и его жены о военномъ бытѣ, совѣтника — о старомъ судействѣ и т. п. Русская пьеса вообще гораздо бойчѣе, но зато рѣзче впадаютъ въ карикатуру.

Во второй половинѣ 1764 г. состоялось первое представленіе этой комедіи Гольберга, переведенной на русскій языкъ покровителемъ Фонвизина Елагинымъ подъ заглавіемъ „Французъ-русскій“, оставшейся, однако ненапечанной.

Однако типъ петиметра и до этого былъ уже хорошо извѣстенъ русской убликѣ. По изысканіямъ М. Н. Лонгинова, еще въ декабрѣ 1750 г., стало быть задолго до основанія правильнаго русскаго театра, состоялось первое представленіе третьей по времени появленія на сценѣ комедіи Сумарокова „Пустая ссора“, напечатанной гораздо позже, а именно въ 1781 г. Въ ней женихомъ героини пьесы Деламиды является, между прочимъ, и Дюлижъ; услыхавъ отъ своего соперника одну очень употребительную и общеизвѣстную пословицу, онъ недоумѣваетъ и спрашиваетъ, что это такое. Тотъ спрашиваетъ его: „ты развѣ этого не знаешь? Вить ты русскій“, на это Дюлижъ отвѣчаетъ съ негодованіемъ: „ты русскій, а не я. Ежели ты мнѣ эдакъ впередъ скажешь, такъ я тебѣ, отецъ, моей шпаги покажу. Я русскій человѣкъ!“ повторяетъ онъ съ негодованіемъ. Его соперникъ продолжаетъ недоумѣвать и по простотѣ спрашиваетъ: „какой же ты братецъ?“ Это обращеніе еще болѣе выводитъ изъ себя Дюлижа: „я это знаю, какой; я тебѣ не братецъ, ты это позабылъ, что по-французски ни одново слова не знаешь“.

Характеръ и манеры этого типа очень ярко обрисованы въ слѣдующемъ затѣмъ діалогѣ между Дюлижемъ и Деламидой, отрывокъ изъ котораго здѣсь необходимо привести цѣликомъ.

Делам. Вы такъ мнѣ флатируете, что ужъ невозможно.

Дюл. Вы мнѣ не повѣрите, что я васъ адорирую.

Делам. Я этого, сударь, не меритирую.

Дюл. Я думаю, что вы довольно ремаркированы быть могли, чтобъ я опреде васъ всегда въ конфузіи.

Делам. Что вы дистре, такъ ето можетъ быть отъ чего другова.

Дюл. Я все, кромѣ васъ, меприрую.

Делам. Я етой пансе не имѣю, чтобъ я и впрямь въ вашихъ глазахъ емабль была.

Дюл. Треземабль сударыня, вы какъ день въ моихъ глазахъ.

Делам. И я васъ очень естимую, да для того я и за васъ нейду: когда бы вы и многіе калите имѣли, мнѣ бы васъ больше естимовать было уже нельзя.

Дюл. А для чего, развѣ бы вы любить меня не стали?

Делам. Дворянской дочери любить мужа, ха, ха, ха! Ето посацкой бабѣ прилично.

Дюл. Противъ етова спорить нельзя, однако ежелибы вы меня изъ одаратера здѣлали своимъ амантомъ, тобъ ето было пардонабельно.

Делам. Пардонабельно любить мужа! ха, ха! ха, ха. Вы ли полно ето говорите? ябъ не чаяла, чтобы вы такъ не резонабельны были".

Эта сцена достаточно ясно опредѣляетъ и уродливый языкъ, усвоенный петиметрами и ихъ щеголихами, и господствовавшія у нихъ понятія относительно характера супружескихъ отношеній, обязательнаго для дворянъ. Однако эта черта достаточно указываетъ на характеръ ихъ нравственныхъ и общественныхъ воззрѣній, окрашенныхъ, между прочимъ, и полнымъ презрѣніемъ къ простому народу, какъ это видно изъ замѣчанія Деламиды по адресу посадской бабы.

Еще раньше Сумароковъ включилъ этотъ же самый персонажъ въ составъ своей предшествовавшей комедіи „Чудовищи", написанной еще въ іюлѣ 1750 г. (напечатанной однако въ томъ же 1781 г.). Здѣсь увлеченная имъ Гидима, желающая выдать за него свою дочь, такъ его характеризуетъ: „волосы подвиваетъ онъ хорошо, по-французски немножко знаетъ, танцуетъ, одѣвается по щегольски, знаетъ много французскихъ писакъ, да полно еще не былъ ли онъ и въ Парижѣ. Что тебѣ больше надобно? спрашиваетъ она мужа. Самъ Дюлижъ (5-е явленіе) въ отчаяніи восклицаетъ „для чего я родился русскимъ! о натура, не стыдно ли тебѣ, что ты, произведя меня прямымъ человѣкомъ, произвела меня отъ русскаго отца? И еще раньше онъ съ гордостью замѣчалъ: „Я не только не хочу знать Русскія права, я бы Русскова и языка знать не хотѣла. Скаредной языкъ". Изъ дальнѣйшаго однако оказывается, что тѣ французскія фразы, которыя онъ отваживается пускать въ ходъ, носятъ самый элементарный характеръ, и это подтверждаетъ замѣчаніе Гидимы, что онъ французскій языкъ только немножко знаетъ. Такимъ образомъ на ряду съ настоящими русскими-парижанами, дѣйствительно успѣвшими за границей нахвататься хотя бы верховъ тамошней цивилизаціи, мы видимъ ихъ жалкія копіи, такъ сказать, парижанъ изъ вторыхъ рукъ; они слишкомъ мало отличаются отъ тѣхъ русскихъ, надъ которыми такъ издѣваются, и

тѣмъ не менѣе считаютъ для себя обязательнымъ презрѣніе ко всему русскому.

Въ комедіи Екатерины „Именины г-жи Ворчалкиной“ (1772 г.) выведенъ щеголь Фирлюфюшковъ, типичный петиметръ и по своему первоначальному обученію и по своему пристрастію къ иноземному, а главное — ненависти къ Россіи. Отъ остальныхъ представителей этого типа онъ отличается, между прочимъ, тѣмъ, что, несмотря на всю свою природную низменность очень охотно толкуетъ о нравственномъ достоинствѣ и чести.

Въ комедіи Княжнина „Чудаки“ въ лицѣ Вѣтромаха выведенъ петиметръ хорошаго происхожденія, презирающій людей худородныхъ. Запутавшись въ неоплатныхъ долгахъ, онъ поставленъ въ необходимость жениться на дѣвушкѣ и незнатнаго рода. Вѣтромахъ, исповѣдуя уваженіе ко всему иностранному съ рѣдкою по тому даже времени силою, и презрѣніе къ отечественному языку, выражаетъ поклоненіе французскому, особенно необходимому для объясненій съ красотками въ любви.

Въ 1783 г. появилась трехактная комедія Д. Хвостова „Русскій Парижанецъ“, представляющая собою вольную обработку комедіи Гольберга, положенной въ основу и „Бригадира“.

Героемъ этой пьесы является Франколюбъ, самое имя котораго достаточно опредѣляетъ его характеръ. Онъ находится въ связи съ перезрѣлой красавицей Жеманихой, на дочери которой Миленѣ обязанъ жениться по требованію отца своего Скрягина, имя котораго опять-таки выбрано для опредѣленія характера, причемъ нѣкоторыя черты его характера несомнѣнно навѣяны Мольеровскимъ Гарпагономъ, и въ самую фабулу пьесы введены отдѣльныя черты „Скупого“.

Франколюбъ увѣренъ, что если онъ женится на Миленѣ, то на дѣтей его падетъ позоръ за то,

„что не француженка ихъ мать. Нѣтъ, Франколюбъ
Не будетъ, никогда не будетъ столько глупъ.
Довольно имъ стыда, что и отецъ ихъ русскій).
Ты вѣдай, что женюсь на дамѣ я французской,

говоритъ онъ своему слугѣ. Скрягинъ такъ объясняетъ причину, заставившую его послать сына въ Парижъ, что привело къ такимъ плачевнымъ результатамъ.

Всѣ ѣздили въ Парижъ, такіе были годы;
Ни чей въ то время мнѣ не нуженъ былъ совѣтъ.
Такой обычай былъ, то дѣлалъ цѣлый свѣтъ.

Въ концѣ пьесы Франколюбъ жестоко наказанъ за пристрастіе къ Франціи. Обманывая изъ корыстныхъ цѣлей Жеманиху, онъ попадается ей въ измѣнѣ. Единственное его утѣшеніе, что скоро явится выписанная имъ изъ Парижа настоящая француженка, на которой онъ и женится. Но оказывается, что его плутоватый слуга Проглядъ вы-

писалъ для своего барина свою бывшую возлюбленную, отвратительную и безобразную Шанжъ-керъ, ласки которой Франколюбъ и долженъ сносить къ великому удовольствію присутствующихъ.

Въ пьесу введенъ представитель нравоучительнаго начала Благоразумъ, исполняющій роль Стародума пьесы и являющійся однимъ изъ многочисленныхъ варіантовъ этой характерной для весьма многихъ комедій XVIII в. роли. Свою основную точку зрѣнія онъ выражаетъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Кто отъ отечества душою отлученъ,
Тотъ и въ число людей не можетъ быть включенъ.

Но ему, конечно, не удается переубѣдить Франколюба, который кончаетъ пьесу словами: „въ Парижѣ можетъ быть лишь счастливъ человѣкъ“.

Въ очень рѣзкихъ чертахъ обрисованъ братъ Жеманихи Русалей, при чёмъ авторъ или сознательно или по оплошности надѣлилъ этого представителя національнаго начала признаками невѣжества. Это очень затрудняетъ окончательное сужденіе о характерѣ этой роли. Неизвѣстно, ограничивается ли авторъ въ отношеніи къ ней пріемами жанриста, не пожалѣвшаго красокъ тамъ, гдѣ, быть можетъ, цѣлесообразнѣе было бы болѣе осмотрительное ими пользованіе, или же онъ сознательно вступилъ въ область сатиры.

Вотъ что разсказываетъ онъ о своемъ воспитаніи:

Вѣдь я подъ матушкой росъ.
Какъ птичка по утру, прочистишь только носъ,
Анъ тутъ и ситникъ ужъ и молочко готово,
А тамъ пшеничнаго, такъ и пошелъ здорово,
Хоть сучку погонять, или хоть въ городки,
Иль въ сваичку, а тамъ готовы ужъ блинки,
Ватрушки, сочоньки да и еще съ припекой.
За то смотри, какой я сталъ въ плечахъ широкой.
Да и Мартиновна, сказать бы въ добрый часъ,
Хоть какъ бывало ѣшь, не урекала насъ.
А только говоритъ, „во здравіе дѣтки ѣште
Покушайте, то симъ, то тѣмъ себя потѣште“,
Однимъ плоха была, охъ! вѣчный ей покой,
Не тѣмъ помянута, смутилъ се запой.
За то она
Примѣты, сны, ужъ все умѣла толковать.

Этотъ разсказъ, помимо всѣхъ остальныхъ деталей роли, указываетъ на несомнѣнную ея связь съ Митрофанушкой Фонвизина, тѣмъ болѣе, что и его Мартыновна очень напоминаетъ ту скотницу Хавронью, подъ руководствомъ которой проходилъ исторію Митрофанушка.

Такимъ образомъ этотъ отставной военный, отличившійся въ войнѣ съ пруссаками, является изображеніемъ какъ бы позднѣйшей судьбы Митрофанушки.

Любопытна по своей типичности роль Милены. Это дочь Жеманихи, которая хочетъ ее выдать за своего возлюбленнаго, на самомъ дѣлѣ любитъ идеальнаго Честона и по трафарету фабулъ того времени въ концѣ пьесы ему и достается.

Несмотря однако на всю свою любовь къ Честону, она такая идеальная дочь, что ни за что не осмѣливается противорѣчить матери, на всѣ приказанія которой она отвѣчаетъ словами: „Я все должна". Даже въ отсутствіе матери она обнаруживаетъ такое же самое къ ней отношеніе и, услыхавъ дурные о ней отзывы своей служанки, Проводы, въ которыхъ вовсе нѣтъ никакихъ преувеличеній, запрещаетъ ей дурно отзываться о матери и говоритъ: „какъ мнѣ озлобить мать? Я чту ее безмѣрно". Такое чрезмѣрное благонравіе производитъ впечатлѣніе неестественности и показываетъ, что Хвостовъ, въ желаніи надѣлить свою героиню чертами идеальной дѣвицы, не нашелъ въ себѣ достаточнаго чувства мѣры для того, чтобы не перейти границъ и достичь какъ разъ противоположнаго своимъ замысламъ результата. Необходимо однако имѣть въ виду, что этотъ недостатокъ наша пьеса раздѣляетъ съ громаднымъ большинствомъ другихъ пьесъ того же рода, обнаруживающихъ одинаковую неумѣлость и отсутствіе чувства мѣры въ изображеніи положительныхъ женскихъ образовъ. Всѣ эти Софьи, Инфимены, Флоризы такъ мало заключаютъ въ себѣ дѣйствительно жизненныхъ чертъ и обнаруживаютъ такой книжный характеръ, что получаемое отъ нихъ впечатлѣніе весьма слабо.

Вообще художественное достоинство „Русскаго Парижанца" ничтожно. Эта пьеса представляетъ собою безусловный шагъ назадъ въ развитіи нашей комедіи и снова возвращается къ такимъ техническимъ пріемамъ, которые оказались далеко превзойденными уже при ближайшихъ преемникахъ Сумарокова. Только съ комедіями этого перваго нашего драматурга можно сравнивать это произведеніе Хвостова. Оно любопытно и заслуживаетъ упоминанія только потому, что доказываетъ, какъ сильно занимала тогдашнюю публику эта тема; иначе, имѣя „Бригадира", она не могла бы мириться съ появленіемъ произведенія гораздо болѣе слабаго на ту же тему и не вносившаго ничего новаго въ ея разбработку.

Представитель этого типа въ „Бригадирѣ" Иванушка, хотя ему „гораздо за двадцать" однако „и не слыхивалъ о грамматикѣ". Самъ онъ въ бесѣдѣ съ совѣтницей еще точнѣе опредѣляетъ свой возрастъ: „пренещастливый я на свѣтѣ человѣкъ. Живу уже двадцать пять лѣтъ, и имѣю еще отца и мать! Вы знаете, каково жить и съ добрыми отцами, а я, чортъ меня возьми, я живу съ животными". Относясь такъ къ родителямъ, Иванушка высказываетъ свойственный типичнымъ петиметрамъ взглядъ и на бракъ: услыхавъ, что Софья, которую прочатъ ему въ жены, постоянна, онъ восклицаетъ: „Она постоянна!... О верхъ моево несчастія! она еще и постоянна Клянусь вамъ, что ежели я это въ ней, женяся, примѣчу, то въ туже минуту разведусь съ нею: постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ". Свою предан-

ность Парижу и его нравамъ Иванушка обнаруживаетъ не разъ, ни чѣмъ въ этомъ отношеніи не отличаясь отъ Франколюба, Дюлижа и другихъ петиметровъ русской комедіи. Между прочимъ, поссорившись съ отцомъ, онъ вызываетъ его на дуэль и объясняетъ этотъ вызовъ такъ: „въ книгѣ, ле сотизъ дю танъ (Les sottisses du temps) (я читалъ что одинъ сынъ въ Парижѣ вызывалъ отца своего на дуэль. А я... или я скотъ, чтобы не послѣдовать тому, что хотя одинъ разъ случилось въ Парижѣ". Иванушка сообщаетъ цѣнныя свѣдѣнія объ учителяхъ-руководителяхъ подобныхъ ему петиметровъ. Въ разговорѣ съ совѣтницей онъ между прочимъ замѣчаетъ: да знаешь ли ты, каковы наши французскіе учителя? Даромъ, что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаетъ, однако для воспитанія. они предорогіе люди. Вѣдаешь ли ты, что я — я, котораго ты видишь — до отъѣзду моево въ Парижъ былъ здѣсь на пансіонѣ у французскова кучера".

Поразившая сердце Иванушки совѣтница, родная сестра Жеманихи изъ „Русскаго Парижанца", только значительно моложе ея; обрисована она безъ особаго шаржа. Она ужасно горюетъ о томъ, что ея мужъ не былъ въ Парижѣ. Съ грустью говоритъ она: „я довольно знаю, каково жить съ тѣмъ мужемъ, который въ Парижѣ не былъ". Бригадиршѣ она совѣтуетъ не читать ничего, „кромѣ любезныхъ романовъ". Кинь душа моя, продолжаетъ она, „всѣ на свѣтѣ науки. Не повѣришь, какъ такія книги просвѣщаютъ, я не читавъ ихъ рисковала бы остаться навѣки дурою". Недовольство совѣтницы становится понятно въ виду тѣхъ чертъ характера, которыми авторъ надѣлилъ ея мужа — совѣтника. Это типичный ханжа, представитель самыхъ темныхъ сторонъ чиновничества былого времени, соединяющій со скупостью и притворнымъ смиреніемъ затаенное сластолюбіе, заставившее его выбрать себѣ въ жены такую эффектную и нарядную женщину, какъ совѣтница, и волочиться за бригадиршей. Про свою службу, которую онъ долженъ былъ оставить съ выходомъ указа о лихоимствѣ, онъ разсказываетъ вотъ что: „Я до совѣтничества въ Москвѣ ослѣпъ въ коллегіи. Въ утѣшеніе осталось только то, что меня благословилъ Богъ достаточкомъ, который нажилъ я въ силу указовъ. Можетъ быть я имѣлъ бы свой кусокъ хлѣба и получше, ежели бы моя жена не такая была охотница до корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни ко временному ни къ вѣчному блаженству".

Его характеръ выдержанъ съ достаточной живостью и обстоятельностью, только послѣднее его замѣчаніе: „я самъ теперь узналъ, что жить на свѣтѣ безъ совѣсти всево на свѣтѣ хуже", недостаточно подготовлено: въ его характерѣ нѣтъ чертъ, которыя указывали бы на возможность такого быстраго раскаянія, и въ то же самое время съ нимъ ничего такого не случилось по ходу пьесы, что заставило бы его хотя и поздно, но притти къ такому выводу. Особеннаго урона и позора онъ не потерпѣлъ: правда, его застали въ любовной позѣ передъ бригадиршей, но вѣдь этой участи подверглись, за исключеніемъ добродѣтельнаго Добролюбова, рѣшительно всѣ участники пьесы

и поэтому поквитались на общемъ безчестіи. Эта заключительная фраза понадобилась автору для того, чтобы подчеркнуть мораль пьесы и этимъ усилить ея нравоучительный элементъ, недостаточно представленный ролями Добролюбова и его невѣсты, носящей имя, конечно, Софьи, потому что изъ всѣхъ дѣйствительныхъ русскихъ именъ „Софья" чаще всего выпадало на долю добродѣтельныхъ героинь русской комедіи XVIII в. Оба эти персонажа являются наименѣе удачными ролями пьесы.

Крайне невѣжественная, помѣшанная на грошевой экономіи бригадирша въ нѣкоторыхъ чертахъ своего характера напоминаетъ г-жу Простакову. Отъ нея отличаетъ бригадиршу только ея полная забитость суровымъ и раздражительнымъ мужемъ; нѣтъ также въ ней ничего такого, что обличало бы ея жестокость съ крѣпостными.

Родина бригадирши Москва, какъ это засвидѣтельствовано авторомъ. Совѣтникъ служилъ въ Москвѣ. Самъ бригадиръ также принадлежитъ, повидимому, къ столичному обществу, изображеніемъ котораго въ такомъ случаѣ и является эта пьеса.

Большинство ея персонажей имѣетъ непосредственную связь съ тѣми образами, которые создавали сатирическіе журналы того времени, и это является лучшимъ доказательствомъ того, въ какой тѣсной связи находится эта пьеса съ остальной литературой того времени: наши журналы восемнадцатаго столѣтія, рисуя сатирическія картины современнаго общества, невольно сталкивались по своему содержанію съ комедіей. Ихъ задача была одна и та же, поэтому они и взаимно дополняютъ и объясняютъ другъ друга.

Извѣстно, что образованная часть столичнаго общества встрѣтила съ живымъ сочувствіемъ „Бригадира", и это является лучшимъ доказательствомъ того, что лица комедіи вѣрны дѣйствительности и являются удачными выразителями характерныхъ явленій того времени.

Языкъ „Бригадира" стоитъ неизмѣримо выше всѣхъ предшествовавшихъ драматическихъ опытовъ Фонвизина, свободенъ отъ чисто книжныхъ выраженій и носитъ характеръ живого, гибкаго и выразительнаго стиля, достаточно ясно опредѣляющаго особенности отдѣльныхъ персонажей. Стоитъ только сравнить въ этомъ отношеніи языкъ совѣтницы и языкъ бригадирши. Если для первой и было уже немало болѣе раннихъ опытовъ созданія типичнаго стиля щеголихи, то выраженіе въ стилѣ простоватаго, безхитростнаго характера бригадирши составляетъ прямую заслугу Фонвизина.

Варнеке.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Бригадирѣ" въ связи съ бытовой обстановкой и особенностями общаго положенія.

Передъ нами двѣ чиновничьи семьи, сложившіяся по издавнимъ понятіямъ, освященнымъ вѣками, съ старорусскимъ патріархальнымъ режимомъ, по которому мужъ — глава жены, а родители — безконтрольные распорядители судьбы своихъ дѣтей. Этотъ порядокъ, какъ завѣтъ отцовъ, исповѣдуется всѣми: и родителями и дѣтьми, несмотря на сознаніе послѣдними всей глубины своего несчастія отъ родительскаго произвола. Такой порядокъ семейнаго строя всего лучше характеризуетъ бригадирша; „Наше дѣло сыскать невѣсту", говоритъ она сыну, „а твое дѣло жениться. Ты ужъ не въ свое дѣло и не вступайся". Когда сынъ на это возражаетъ: „Какъ? я женюсь, и мнѣ нужды нѣтъ до выбора невѣсты?" то мать наивно отвѣчаетъ: „и вѣдомо!" и при этомъ выдвигаетъ самый сильный аргументъ — традицію: „А какъ отецъ твой женился? А какъ я за него вышла? Мы другъ о другѣ и слыхомъ не слыхали. Я съ нимъ до свадьбы отроду слова не говорила". Отсюда происходитъ то, что Софья безропотно мирится со своей судьбой сдѣлаться женой Иванушки; Добролюбовъ, въ свою очередь, не дѣлаетъ никакой попытки поправить зло, и если судьба наградила добродѣтель и наказала порокъ, то не вслѣдствіе какихъ-либо разумныхъ основаній, а потому лишь, что, по счастливой случайности, родители перессорились. Протестъ если и слышится отъ кого, то развѣ отъ Иванушки, но это потому, что въ лицѣ его предъ нами выступаетъ человѣкъ высшей цивилизаціи, для котораго обычный правовой порядокъ не существуетъ. Да и онъ помирился со своей ролью жениха Софьи и только приходитъ въ ужасъ при мысли, что она можетъ быть вѣрной супргой. Такова общая почва, на которой возникло дѣйствіе. Рядомъ съ этой основой предъ нами раскрываются поэтому особенности общественнаго положенія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на складъ характера и понятій отдѣльныхъ лицъ. Давленіе традиціонной среды оказывается тѣмъ болѣе сильнымъ, что, вслѣдствіе своего полнаго невѣжества, герои „Бригадира" не въ состояніи надъ ней возноситься или оказать ей какое-либо противодѣйствіе, почему и являются полнымъ ея продуктомъ.

Предъ нами бригадиръ, который, по его собственнымъ словамъ, пòтомъ и кровію заслужилъ свое почетное общественное положеніе. Онъ столь высокаго мнѣнія о своей особѣ, что не можетъ допустить и мысли, чтобы Господь Богъ не зналъ табели о рангахъ и не зналъ въ точности, сколько имѣется волосъ на его почтенной головѣ. Поэтому съ самодовольствомъ и свысока относится онъ къ окружающимъ и за знакъ особеннаго снисхожденія считаетъ дружбу, которой удостоиваетъ совѣтника. Таковы послѣдствія суровой военной субординаціи и труднаго пути, которымъ доходили до чина бригадира. Кочевая

военная жизнь, грубое обращеніе съ рядовымъ развили и укрѣпили его природную грубость.

Поэтому его семья никогда не видѣла со стороны его нѣжности. „Ты, славу Богу, въ военной службѣ, не служилъ“, говоритъ бригадирша сыну, „и жена твоя не будетъ ни таскаться по походамъ ни отвѣчать дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Мой Игнатій Андреевичъ вымещалъ на мнѣ вину каждаго рядового“. Бригадиръ не выноситъ никакого противорѣчія со стороны жены, въ противномъ случаѣ угрожаетъ ей, что и впрямь на твоей головѣ нечего будетъ считать Господу Богу, т.-е. угрожаетъ вырвать всѣ волосы на головѣ. Вотъ эта-то грубость, соединенная съ невѣжествомъ, порождаетъ въ немъ безудержь, неспособность и даже нежеланіе давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Бригадирша жалуется Софьѣ, что вотъ сейчасъ, при чужихъ людяхъ, онъ обругалъ ее „Господь вѣдаетъ про что“, и при этомъ даетъ такую картину своего житья-бытья: „Онъ такого крутого нрава, что упаси Господи; того и смотри, что рѣзнетъ меня, чѣмъ ни попало. Разсуди же, моя матушка, вѣдь долго ль до бѣды: раскроитъ черепъ разомъ! Послѣ и спохватится, да не что сдѣлаешь“. И это не пустыя слова: разъ, продолжаетъ разсказывать бѣдная женщина, въ шутку „потолкнулъ онъ меня въ грудь, такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула: такъ глазки подъ лобъ и закатились, — не взвидѣла свѣту Божьяго“, а онъ, прибавляетъ бригадирша, „хохочетъ да тѣшится“. Не нѣжнѣе былъ бригадиръ и какъ родитель. Конечно, не шутя онъ собирается побить палкою сына даже въ присутствіи чужихъ людей и выхватить два ребра, если сынъ продолжитъ противорѣчить.

Разгулъ съ товарищами по службѣ, беззаботность о матеріальномъ положеніи также породили свои недостатки: семейную легкомысленность, неумѣнье цѣнить свою заботливую жену и увлеченіе ничтожной, но эффектной совѣтницей. По выраженію совѣтника, онъ хотя и разумный, однако военный человѣкъ, а при томъ и кавалеристъ, не столько иногда любитъ жену свою, сколько лошадь“.

Въ свою очередь бригадирша есть прямой продуктъ своей тяжелой обстановки. Простая и необразованная женщина, выданная насильно за человѣка нелюбимаго и жестокаго, она не могла выработать никакого отраднаго взгляда на жизнь. Осужденная бороться съ нуждой, обязанная высчитывать каждую копейку, она погрузилась въ мелочную расчетливость и, при отсутствіи умственныхъ интересовъ, дошла до крайности, до смѣшного. По выраженію сына, за рубль она готова вытерпѣть горячку съ пятнами. Всю свою жизненную науку она свела къ своимъ приходо-расходнымъ книгамъ, которыя ведутся не съ цѣлію провѣрки самой себя, а для того, чтобы не заплатить пять копеекъ тамъ, гдѣ слѣдуетъ платить четыре копейки съ денежкой. Ея умственный кругозоръ крайне узокъ и ограничивается амбарами, ради которыхъ она забываетъ и мужа. Удивительно ли послѣ этого, что ей вразумителенъ только языкъ прислуги, а интересенъ только раз-

говоръ объ овсѣ для лошадей и другихъ предметахъ хозяйства; что она не понимаетъ своего сына и тогда, когда онъ говоритъ по-русски, наивно полагая, что мудрая рѣчь Иванушки — плодъ великаго ученья. Вообще должно сказать, что бригадирша есть самый художественный типъ въ разсматриваемой комедіи нашего автора. Никита Ив. Панинъ, видимо, былъ человѣкъ тонкаго поэтическаго чутья, если пришелъ въ восторгъ отъ жизненности этого типа и отъ искусства нашего автора — выдержать свойственный типу разговоръ. Въ „чистосердечномъ признаніи“ нашъ авторъ говоритъ, что прототипомъ бригадирши послужила для него одна знакомая дама, которую „цѣлая Москва признала и огласила набитою дурою“.

Теперь позволительно спросить, какое воспитаніе могли дать своему сыну такіе родители? Между тѣмъ положеніе ихъ требовало дать ему приличное, по тому времени, образованіе, и такъ какъ это было требованіе моды, то они и дали своему сыну образованіе модное, т.-е. французское. Мы не находимъ въ первой комедіи Фонвизина точнаго указанія того, въ чемъ состояла та школа, которую проходила русская молодежь подъ руководствомъ учителей и воспитателей изъ иноземцевъ. Причина могла заключаться въ томъ, что самъ Фонвизинъ лично съ этой школой знакомъ не былъ, наблюдать ее у другихъ онъ еще не имѣлъ возможности, а потому въ данномъ случаѣ ограничивается лишь общей ея характеристикой. Рѣчь ведется отъ лица самого Иванушки, который въ бесѣдѣ съ совѣтницей выставляетъ великія заслуги въ отношеніи русскаго юношества французовъ-кучеровъ. „Да знаешь ли ты“, говоритъ онъ ей, „каковы наши французскіе учители? Даромъ что большая изъ нихъ половина грамотѣ не знаютъ, однако для воспитанія они предорогіе люди: вѣришь ли ты, что я, — я, котораго ты видишь, — я до отъѣзда моего въ Парижъ былъ здѣсь на пансіонѣ у французскаго кучера“. Ему-то, продолжаетъ Иванушка, я „долженъ за любовь мою къ французамъ и за холодность мою къ русскимъ. Молодой человѣкъ подобенъ воску. Ежелибъ malheureusement я попался къ русскому, который бы любилъ свою націю, я, можетъ быть, и не былъ бы таковъ“. Вся эта характеристика пройденной школы слишкомъ умна для Иванушки и выражаетъ, разумѣется, лишь взглядъ самого автора. Взглядъ этотъ онъ полнѣе выразилъ въ другихъ двухъ произведеніяхъ, непосредственно касающихся того же предмета: въ комедіи „Выборъ гувернера“ и въ „Разговорѣ у княгини Халдиной“. Въ первомъ произведеніи въ качествѣ учителя рекомендуется цырюльникъ, мастеръ рвать зубы и вырѣзать мозоли; во второмъ, выступаетъ шевалье Кокаду. Послѣдній явился въ Россію совершенно нищимъ. Какъ учитель, онъ былъ человѣкъ совершенно невѣжественный и къ тому же крайне безнравственный. О грамматикѣ своего отечественнаго языка онъ не имѣлъ и понятія и обучалъ ему дѣтей, заставляя выучивать наизусть вокабулы, и затѣмъ „болталъ“ съ дѣтьми. Какъ воспитатель, „онъ вселялъ въ сердца дѣтей ненависть къ отечеству, презрѣніе ко всему русскому и любовь

къ французскому". Такова школа, которую проходила наша молодежь прошлаго вѣка подъ руководствомъ учителей французовъ; путешествіе за границу довершало начатое дома. И вотъ слѣдствія такого образованія и воспитанія. Иванушка стыдится, что онъ русскій по рожденію; но утѣшаетъ себя мыслію, что душою онъ принадлежитъ французской коронѣ. Говоритъ онъ по-французски съ такимъ совершенствомъ, что во Франціи его рѣчь привѣтствовали громкимъ смѣхомъ. О грамматикѣ онъ и понятія не имѣетъ, что не помѣшало ему написать тысячу бельеду. По его мнѣнію, украшеніе головы человѣка составляютъ не знаніе и наука, а кружева и блонды. Но въ немъ мы видимъ ясный отголосокъ и моднаго французскаго вольнодумства. Онъ попираетъ всѣ авторитеты: и божескій и человѣческій. Когда ему говорятъ о нерасторжимости брака по русскимъ законамъ, то онъ отвѣчаетъ: „Развѣ въ Россіи Богъ въ такія дѣла мѣшается? По крайней мѣрѣ, государи мои, во Франціи Онъ оставилъ на людское произволеніе любить, измѣнять, жениться и разводиться". Онъ и въ дѣйствительности относится самымъ легкомысленнымъ образомъ къ семейнымъ обязанностямъ и, рѣшаясь жениться на Софьѣ, ничуть не думаетъ измѣнить своихъ отношеній къ совѣтницѣ. Не признаетъ онъ и родительскаго авторитета. Въ сознаніи превосходства своей образованности, онъ смѣется надъ отцомъ, когда этотъ не понимаетъ его французскихъ рѣчей. Излишне говорить, что онъ не чувствуетъ къ своимъ родителямъ ни привязанности ни благодарности. По его собственному выраженію, онъ „индиферанъ во всемъ томъ, что надлежитъ до отца и матери". Онъ идетъ далѣе: скорбитъ, что вотъ ему уже 25 лѣтъ, а онъ все еще имѣетъ отца и мать; говоритъ, что живетъ онъ не съ людьми, а съ животными. Таковы-то плоды французскаго воспитанія въ отношеніи къ Иванушкѣ! Излишне уже говорить, что изъ него никогда не выйдетъ полезнаго общественнаго дѣятеля, что онъ навсегда останется бременемъ родительской семьи и общества.

Порожденіемъ такой же воспитательной системы выступаетъ предъ нами и совѣтница. Вся ея образованность сводится къ тому, что она говоритъ съ грѣхомъ пополамъ по-французски и можетъ читать романы, безъ которыхъ, по ея собственному выраженію, она „рисковала бы остаться навѣки дурою". Она такъ ограничена, что никакъ не можетъ разобраться между умнымъ и глупымъ человѣкомъ. Разговоръ о томъ, извѣстно или неизвѣстно Богу, сколько у человѣка волосъ на головѣ, она считаетъ такимъ мудренымъ, что понимать его не можетъ. Грамматику она употребляетъ лишь на папильоты. Можно поэтому представить, на что будетъ способна эта женщина, лишенная всякихъ основъ нравственной жизни. О семейныхъ обязанностяхъ она и понятія не имѣетъ. Мужа своего она ненавидитъ и презираетъ, называетъ его уродомъ и приказной строкой, глупымъ. Своихъ сосѣдей она называетъ на своемъ нѣжномъ жаргонѣ скотами за то, что имъ доступно семейное счастье. Она очень желала бы имѣть своимъ мужемъ Иванушку, потому что онъ, конечно, „не на-

скучилъ бы ей лишними претензіями". Послѣ этого насъ не удивляетъ и то, какъ она исполняетъ свой долгъ жены и хозяйки: она никогда не входитъ въ хозяйство и потому не знаетъ, что „ѣстъ вся эта скотина", т.-е. дворовые люди. Поэтому она вся ушла въ кокетство и свой туалетъ. Ея мысли, по замѣчанію мужа, вращаются около „корнетовъ, манжетъ и прочихъ вздоровъ, не служащихъ ни къ временному ни къ вѣчному блаженству". Грустнѣе всего то, что и этотъ типъ — неумолимое слѣдствіе нездоровой общественности и семьи.

Такимъ же слѣдствіемъ выступаетъ передъ нами и совѣтникъ. Отъ природы это человѣкъ не глупый. Онъ умѣетъ цѣнить достоинства Добролюбова. Хорошо понимаетъ и качества нареченнаго зятя Иванушки, заранѣе знаетъ, что послѣдній уважать его не станетъ; но сословный предразсудокъ, что для семейнаго счастія дочери необходимы „изрядныя деревеньки" зятя, и желаніе почаще „по родству видѣться съ возлюбленною сватьею" заставляютъ его выдавать свою дочь замужъ противъ ея желанія. Обстановка жизни и невѣжество содѣйствовали выработкѣ отличительныхъ свойствъ его личности. Долгимъ трудомъ, ограниченіями и безразборчивыми средствами дались ему и положеніе совѣтника и его сбереженія. Оттого онъ скупъ, какъ кремень; оттого-то ему такъ по душѣ бригадирша. Оттого же у него много выносливости и сдержанности. Невѣжество тяготѣетъ надъ нимъ, какъ и всѣми героями „Бригадира". Оно сдавило его мысль въ узкихъ рамкахъ собранія указовъ, извратило его религіозное чувство сдѣлало ханжей, воспитало мысль, что Богъ за всенощною проститъ ему то, что днемъ наворовано. Такой взглядъ на дѣло развязывалъ ему руки къ злоупотребленію закономъ ради наживы.

Вообще взятый въ цѣломъ „Бригадиръ" Фонвизина далеко оставляетъ за собой все, что сдѣлано было его предшественниками въ области передѣлки и самостоятельнаго созданія русскихъ комедій. Отсюда необычайный успѣхъ „Бригадира" въ обществѣ и на сценѣ. Это, по мѣткому выраженію Панина, первая комедія въ нашихъ нравахъ. Новаго взгляда на дѣло мы не находимъ здѣсь; предметъ освѣщенъ съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ онъ освѣщался и ранѣе его; но ему первому удалось художественно воспроизвести то зловредное вліяніе среды на индивидуумъ, о которомъ говорилъ „Наказъ" и уставъ о закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ. *Малининъ.*

Порочныя и добродѣтельныя лица комедіи „Бригадиръ".

Въ „Бригадирѣ" главное дѣйствующее лицо не самъ бригадиръ, а его сынъ „Иванушка", баловень невѣжественной матери, получившій воспитаніе въ пансіонѣ, который содержалъ какой-то французъ, прежде бывшій кучеромъ. Иванушка доканчиваетъ свое образованіе, начатое такимъ манеромъ, въ Парижѣ и возвращается домой съ чувствомъ полнаго презрѣнія ко всему русскому и родному. Другое важное

комическое лицо пьесы это совѣтница, — женскій образчикъ той же модной образованности, которою щеголяетъ Иванушка. Оба они бредятъ Парижемъ и всѣмъ французскимъ, ненавидятъ все русское и внѣшнія формы французской жизни, внѣшній европеизмъ принимаютъ за истинную образованность.

Иванушка и Совѣтница — это прототипы цѣлаго поколѣнія русскихъ „щеголей" и „щеголихъ" безмысленно перенимавшихъ однѣ лишь внѣшнія стороны и привычки европейской жизни: французскій языкъ, покрой платья, моды и т. п. и вносившихъ въ прежнюю патріархальную русскую семью легкость нравовъ и супружескихъ отношеній. Все это уродливо передѣлывалось ими на русско-французскій ладъ и почиталось необходимою принадлежностію образованнаго общества. Такое заимствованіе нашими предками прошлаго столѣтія у европейцевъ однихъ лишь внѣшнихъ формъ и привычекъ ихъ жизни — легко объясняется. О водвореніи у насъ европейской образованности, со временъ реформы Петра, хлопотало, какъ мы видѣли, больше всего правительство, а не само общество, и потому-то образованность эта касалась русскаго общества только своею внѣшнею стороною. Вмѣсто того, чтобы почерпать у европейцевъ зрѣлыя понятія о гражданской и общественной жизни и человѣчныя идеи, русскіе такъ называемые образованные люди, по степени своей развитости, способны были перенимать у Европы прежде всего внѣшній лоскъ цивилизованной жизни и пороки европейской цивилизаціи. Сознавая нелѣпость подобнаго внѣшняго подраженія европеизму, Фонвизинъ, въ лицѣ Иванушки и Совѣтницы, рѣзкими чертами изобразилъ всѣ дурныя и смѣшныя его стороны. Во многихъ изъ рѣчей Иванушки и совѣтницы, относящихся до Парижа, до „несчастія быть русскимъ" и т. п. кн. Вяземскій видитъ преувеличеніе и натяжки. Въ комедіи Фонвизина встрѣчаются дѣйствительно многія преувеличенія и натяжки въ родѣ, напримѣръ того, что бригадиръ удивляется: „какъ можно думать, что Богу, который все знаетъ, неизвѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло!" (Бригад. Дѣйств. 1, явл. 1) и т. п. Но едва ли въ названныхъ рѣчахъ можно видѣть большое преувеличеніе. Развѣ неизвѣстно, до какой крайности доходило въ русскомъ образованномъ обществѣ прежняго времени подраженіе и пристрастіе ко всему иностранному, преимущественно французскому? Развѣ болтовня на французскомъ языкѣ не почитается еще и теперь признакомъ образованности и не служитъ ли французскій языкъ и по настоящее время преимущественно языкомъ высшихъ слоевъ русскаго общества? По смыслу комедіи Фонвизина, слѣпое и смѣшное пристрастіе ко всему иностранному, презрѣніе ко всему отечественному и непониманіе того, что въ немъ есть хорошаго, — все это плоды дурного воспитанія.

Прочія комическія лица „Бригадира", какъ-то: совѣтникъ, бригадирша и бригадиръ послужили автору для изображенія другихъ недостатковъ современнаго русскаго общества. Въ роли Совѣтника Фонвизинъ возстаетъ противъ лихоимства и ябедничества, господ-

ствовавшихъ въ его время въ русскомъ служебномъ мірѣ. Совѣтникъ даетъ такой совѣтъ своему будущему зятю: „Паче всего изволь читать уложеніе и указы. Кто ихъ, *будучи судьею, толковать умѣетъ*, тотъ, другъ мой зятюшка, нищимъ быть не можетъ“. Противъ этого кривосудія, противъ этихъ золъ современной русской жизни было издано нѣсколько грозныхъ указовъ въ первые же годы царствованія Екатерины II. Такимъ образомъ, нашъ сатирикъ и здѣсь, какъ въ вопросѣ о воспитаніи, согласуется въ своей сатирической дѣятельности съ преобразовательною дѣятельностію правительства. Его Совѣтникъ, служившій въ какой-то коллегіи и принадлежащій къ разряду старинныхъ приказныхъ, — отъявленный взяточникъ и къ тому еще глубокій лицемѣръ и святоша. Онъ изъ взятокъ составилъ себѣ состояніе, пріобрѣлъ деревеньку и поселился въ ней, выйдя *въ отставку послѣ изданія указа противъ лихоимцевъ*. Эта послѣдняя черта въ изображеніи Совѣтника заключаетъ въ себѣ, однако, или иллюзію самого автора, или реторическое преувеличеніе, показывающее только зависимость фонвизинской сатиры отъ дѣятельности правительства. Изъ словъ комедіи, что *прошло то время*, когда, *подружась съ судьею*, всякій могъ получить милостивую резолюцію, нельзя, конечно, заключить, что всѣ судьи и чиновники-взяточники, послѣ указа Екатерины о лихоимцахъ[1]), были удалены отъ службы, и что лихоимство судей прекратилось. Свидѣтельство исторіи того времени ни мало этого не подтверждаетъ. Впрочемъ, о вліяніи просвѣтительной дѣятельности правительства и сатиры второй половины прошлаго вѣка и вообще о ихъ значеніи для современной дѣйствительности мы еще будемъ говорить далѣе.

Самый удачный и болѣе цѣльный характеръ въ разбираемой нами комедіи Фонвизина — это характеръ бригадирши съ ея животною любовію къ своему дѣтищу, Иванушкѣ, съ ея скопидомствомъ и рутинною набожностію. Самъ авторъ сознается, что лицо бригадирши имъ списано съ натуры, и хотя онъ и называетъ ее „дурой набитой“, но черты характера, изображенныя имъ въ лицѣ бригадирши, не представляются ни мало признаками ея природной глупости. Она, напротивъ, далеко не глупа. Когда бригадиръ жалуется, напримѣръ, что она, ради домашней экономіи, „больше думаетъ о домашнемъ скотѣ, нежели о немъ“, бригадирша ему отвѣчаетъ: „да какъ же, мой батюшка? Вѣдь скотъ самъ о себѣ думать не можетъ, — такъ не надобно ли мнѣ о немъ подумать? Ты *кажется*, поумнѣе его, а хочешь, чтобы я за тобою присматривала“. Въ подобныхъ рѣчахъ бригадирши нѣтъ ничего глупаго. Въ ней выражаются скорѣе тѣ *типическія* черты, которыя впослѣдствіи, въ лицѣ Простаковой („Недоросль“) Фонвизинъ успѣлъ развить до полнаго *типа* русской провинціальной дворянки того времени, типа, образовавшагося подъ условіями нашей исторической жизни. Мнѣніе графа Панина, — интересовавшагося комедіями

[1]) Т.-е. послѣ знаменитаго манифеста Екатерины II о лихоимствѣ, изданнаго черезъ нѣсколько дней (18 іюля 1762 г.) послѣ ея воцаренія.

Фонвизина, — о характерѣ бригадирши подтверждаетъ наши слова. Онъ говорилъ, что бригадирша „всѣмъ родня; никто не можетъ сказать, чтобы не имѣлъ у себя подобной или бабушки, или тетушки, или какой-нибудь свойственницы“.

Лицо самого бригадира не представляетъ ничего особеннаго для смысла комедіи. Это простой и грубый, но не глупый старикъ, изъ отставныхъ военныхъ, для котораго военная служба, знаніе военныхъ артикуловъ и т. п. заключаютъ въ себѣ всю человѣческую мудрость. Въ изображеніи бригадира есть много карикатурнаго, какъ въ вышеприведенной выпискѣ и въ подобныхъ ей рѣчахъ; но есть и черты истинно-комическія и забавныя, каковы, напримѣръ въ сценѣ съ сыномъ слѣдующія мѣста: Бригадиръ. Да ты что за французъ? Мнѣ кажется, ты на Руси родился. Сынъ. Тѣло мое родилось въ Россіи, это правда; однако духъ мой принадлежитъ коронѣ французской. Бригадиръ. Однако ты все-таки Россіи больше обязанъ, нежели Франціи. Вѣдь въ тѣлѣ твоемъ гораздо больше связи, нежели въ умѣ. Сынъ. Вотъ батюшка, теперь вы уже и льстить мнѣ начинаете, когда строгость вамъ не удалась. Бригадиръ. Ну, не прямой ли ты болванъ? Я тебя назвалъ дуракомъ, а ты думаешь, что я льщу тебѣ: эдакой оселъ! Сынъ. Эдакой оселъ! (въ сторону) il ne me flatte pas... (Дѣйствіе III, явл. I), и друг.

Въ противоположность этимъ комическимъ и порочнымъ лицамъ выведены въ комедіи лица добродѣтельныя, — Добролюбова и Софьи, — дочери совѣтника, которую хотятъ выдать за Иванушку, и которая выходитъ потомъ за Добролюбова. Ихъ взаимная любовь собственно и составляетъ то, что называютъ „сюжетомъ“ комедіи, — но онъ плохо вяжется съ главною идеей, съ содержаніемъ и со всѣмъ ходомъ пьесы. Добролюбовъ и Софья — „резонеры“, лица, резонерствующія и безжизненныя; участіе ихъ въ драмѣ ограничивается высказываніемъ сухихъ разсужденій и нравственныхъ сентенцій; это лица говорящія, а не дѣйствующія, и потому они скорѣе вредятъ, нежели способствуютъ драматизму и художественному значенію пьесы. Но резонеры въ комедіяхъ Фонвизина имѣютъ то значеніе, что они служатъ для выраженія главной идеи пьесы, или для выраженія собственныхъ мыслей и взглядовъ автора, которые онъ старался развить и доказать въ своей комедіи. Въ лицѣ Иванушки и совѣтницы онъ изобразилъ, по его мнѣнію, послѣдствія дурного воспитанія, а Добролюбовъ и Софья представляютъ у него образцы воспитанія хорошаго, или примѣры „благонравія“, о которомъ заботилось и тогдашнее правительство въ своихъ преобразованіяхъ по части воспитанія. По замѣчанію князя Вяземскаго, такія лица „всѣхъ блѣднѣе и всѣхъ скучнѣе въ комедіи“ Фонвизина. *Караулевъ.*

Темныя стороны русской жизни XVIII вѣка въ комедіи „Бригадиръ“ по типичнымъ ея представителямъ.

Обѣ комедіи имѣютъ различное значеніе: въ „Бригадирѣ“ ярче всего выдвинуты отрицательные типы, въ „Недорослѣ“ представленъ цѣлый сводъ нравственныхъ правилъ для руководства въ личной и общественной жизни. Въ первой пьесѣ рисуются едва ли не всѣ главнѣйшія темныя стороны русской жизни прошлаго вѣка. На сценѣ представители разныхъ профессій: бригадиръ — человѣкъ военнаго воспитанія и взглядовъ, совѣтникъ — олицетворяетъ старый судъ и старую правду, бригадиръ и бригадирша воплощаютъ типичную семью стараго покроя, совѣтница, и Иванушка — новѣйшіе продукты извращеннаго европейскаго вліянія.

Бригадиръ ничего не хочетъ знать, кромѣ своего чина, табели о рангахъ, военнаго артикула и — что особенно характерно — военныхъ экзекуцій. Онъ вноситъ и въ семью обычай казармы. Ему ничего не стоитъ побить жену, наказать виновнаго палками. Онъ презираетъ литературу, вообще образованіе и ни малѣйшаго понятія не имѣетъ о человѣческомъ достоинствѣ независимо отъ чина и ранга.

Совѣтникъ — другого склада. Онъ воспитался на гражданскомъ поприщѣ, вышелъ въ отставку вслѣдствіе указа о лихоимцахъ, изданномъ Екатериной въ самомъ началѣ ея царствованія. Но онъ успѣлъ нажить „достаточекъ“ „въ силу указовъ“, толкуя и на праваго и на виноватого, потому что, говоритъ совѣтникъ, „всѣ грѣшны человѣцы. Я самъ бывалъ судьею; виноватый, бывало, платитъ за вину свою, а правый за свою правду; и такъ въ мое время всѣ довольны были: и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ“. По его мнѣнію, „взятки и запрещать невозможно. Какъ рѣшить дѣло даромъ за одно свое жалованье? Этого мы, какъ родились, и не слыхивали! Это противъ натуры человѣческой“. Вмѣстѣ съ этимъ совѣтникъ, по словамъ его жены, „ужасная ханжа“: „не пропускаетъ ни обѣдни ни заутрени“, разсказываетъ она Иванушкѣ, — „и думаетъ, радость моя, что будто Богъ столько комплезанъ, что онъ за всенощную проститъ ему то, что днемъ наворовано“.

Иванушка и совѣтница, принадлежатъ къ одной категоріи: онъ — петиметръ, она — „щеголиха“, по выраженію XVIII вѣка, т.-е. оба безъ ума отъ французской моды и отъ французскихъ нравовъ. Иванушка весьма просто понялъ эти нравы: полная распущенность во всемъ и относительно всѣхъ. Относительно своихъ родителей онъ выражается: „я индеферанъ во всемъ томъ, что надлежитъ за моего отца и матери“... „я живу съ животными“. Относительно брака Иванушка разсуждаетъ: „постоянная жена во мнѣ ужасъ производитъ“. Этотъ взглядъ онъ привезъ изъ Парижа. А во всемъ безъ исключенія онъ хочетъ слѣдовать Парижу, потому, что хотя тѣло его родилось въ Россіи, но онъ увѣренъ, что „духъ его принадлежитъ коронѣ французской:“ „или я скотъ“, говоритъ онъ „чтобы не послѣдовать

тому, что хотя одинъ разъ случилося въ Парижѣ". Интересенъ взглядъ Иванушки на образованіе. Педанты думаютъ, — говоритъ онъ, — что надо украшать голову снутри, а не снаружи. Какая пустота! Чортъ ли видитъ то, что скрыто, а наружное всякъ видитъ".

Въ этомъ соображеніи какъ нельзя яснѣе сказался смыслъ европейскихъ увлеченій русскихъ петиметровъ. Совѣтница совершенно подъ стать Иванушкѣ. Иванушка самъ это знаетъ. „Какъ судьбина милосердна", говоритъ онъ: „она старается соединить людей одного лица, одного вкуса, одного нрава; мы созданы другъ для друга". У совѣтницы божество — Парижъ. Ея рѣчь пеструтъ французскимъ жаргономъ. Жизнь въ Парижѣ замѣняетъ ей счастье и достоинство. Къ образованію она относится такъ же презрительно, какъ и Иванушка: грамматику, напримѣръ, она рветъ на папильотки. Взглядъ на семью тоже Иванушкинъ. Она смѣется надъ своими сосѣдками, вѣрными женами, называетъ добродѣтелью вѣка — отношеніе Иванушки къ отцу. „Для меня нѣтъ ничего комоднѣе свободы", говоритъ она. „Я знаю, что все равно, имѣть ли мужа, или быть связанною".

Ивановъ.

Зажиточная дворянская семья Екатерининскаго времени и та почва, на которой родились и росли недоросли.

Добрый дядя Стародумъ, въ усадьбѣ Простаковыхъ заставъ свою благонравную племянницу Софью за чтеніемъ Фенелонова трактата о воспитаніи дѣвицъ, сказалъ ей:

— Хорошо. Я не знаю твоей книжки; однако, читай ее, читай! Кто написалъ Телемака, тотъ перомъ своимъ нравовъ развращать не станетъ.

Можно ли примѣнить такое сужденіе къ самому *Недорослю?* Современному воспитателю или воспитательницѣ трудно услѣдить за той струей впечатлѣній, какъ вбираютъ въ себя ихъ воспитанники и воспитанницы, читая эту пьесу. Могутъ ли они съ довѣрчивостью дяди Стародума сказать этимъ впечатлительнымъ читателямъ, увидѣвъ у нихъ въ рукахъ *Недоросля:* „хорошо, читайте его, читайте; авторъ, который устами дяди Стародума высказываетъ такія прекрасныя житейскія правила, перомъ своимъ нравовъ развращать не можетъ". *Имѣй сердце, имѣй душу, и будешь человѣкъ во всякое время. Умъ, коль онъ только что умъ, самая бездѣлица; прямую цѣну уму даетъ благонравіе. Главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе.* Эти сентенціи повторяются уже болѣе ста лѣтъ со времени перваго представленія *Недоросля* и, хотя имѣютъ видъ нравоученій, заимствованныхъ изъ дѣтской прописи, однако до сихъ поръ не наскучили, не стали приторными наперекоръ мѣткому наблюденію того же Стародума, что „всечасное употребленіе нѣкоторыхъ словъ такъ насъ съ ними знакомитъ, что, выговаривая ихъ, человѣкъ ничего уже не мы-

слитъ, ничего не чувствуетъ". Но, кромѣ прекрасныхъ мыслей и чувствъ Стародума, Правдина, Софьи, поучающихъ прямо своимъ простымъ, всѣмъ открытымъ смысломъ, въ комедіи есть еще живыя лица со своими страстями, интригами и пороками, которые ставятъ ихъ въ сложныя, запутанныя положенія. Нравственный смыслъ этихъ драматическихъ лицъ и положеній не декламируется громко на сценѣ, даже не нашептывается изъ суфлерской будки, а остается за кулисами скрытымъ режиссеромъ, направляющимъ ходъ драмы, слова и поступки дѣйствующихъ лицъ. Можно ли ручаться, что глазъ воспріимчиваго молодого наблюдателя доберется до этого смысла разыгрываемыхъ передъ нимъ житейскихъ отношеній, и это усиліе произведетъ на него надлежащее воспитательное дѣйствіе, доставивъ здоровую пищу его эстетическому ощущенію и нравственному чувству? Не слѣдуетъ ли стать подлѣ такого читателя или зрителя *Недоросля* съ осторожнымъ комментаріемъ, стать внятнымъ, но не навязчивымъ суфлеромъ?

Недоросль включается въ составъ учебной хрестоматіи русской литературы и не снятъ еще съ театральнаго репертуара. Его обыкновенно даютъ въ зимнее каникулярное время и, когда онъ появляется на афишѣ, взрослые говорятъ: это спектакль для гимназистовъ и гимназистокъ. Но и сами взрослые охотно слѣдуютъ за своими подростками подъ благовиднымъ прикрытіемъ обязанности проводниковъ и не скучаютъ спектаклемъ, даже весело вторятъ шумному смѣху своихъ несовершеннолѣтнихъ сосѣдей и сосѣдокъ.

Можно безъ риска сказать, что *Недоросль* доселѣ не утратилъ значительной доли своей былой художественной власти ни надъ читателемъ ни надъ зрителемъ, несмотря ни на свою наивную драматическую постройку, на каждомъ шагу обнаруживающую нитки, которыми сшита пьеса, ни на обветшавшія сценическія условности Екатерининскаго театра, несмотря даже на разлитую въ пьесѣ душистую мораль оптимистовъ прошлаго вѣка. Эти недостатки покрываются особымъ вкусомъ, какой пріобрѣла комедія отъ времени и котораго не чувствовали въ ней современники Фонвизина. Эти послѣдніе узнавали въ ея дѣйствующихъ лицахъ своихъ добрыхъ или недобрыхъ знакомыхъ; сцена заставляла ихъ смѣяться, негодовать или огорчаться, представляя имъ въ художественномъ обобщеніи то, что въ конкретной грубости жизни они встрѣчали вокругъ себя и даже въ себѣ самихъ, что входило въ ихъ обстановку и строй ихъ жизни, даже въ ихъ собственное внутреннее существо, и чистосердечные зрители, вѣроятно, съ горестью повторяли про себя добродушное и умное восклицаніе Простакова — отца: „хороши мы!" Мы живемъ въ другой обстановкѣ и въ другомъ житейскомъ складѣ; тѣ же пороки въ насъ обнаруживаются иначе. Теперь вокругъ себя мы не видимъ ни Простаковыхъ ни Скотининыхъ, по крайней мѣрѣ — съ ихъ *тогдашними* обличіями и замашками; мы вправѣ не узнавать себя въ этихъ непріятныхъ фигурахъ. Комедія убѣждаетъ насъ воочію, что такія чудовища могли существовать и нѣкогда существовали дѣйствительно,

открываетъ намъ ихъ въ подлинномъ первобытномъ ихъ видѣ, и это открытіе заставляетъ насъ еще болѣе цѣнить художественную пьесу, которая ихъ увѣковѣчила. Въ нашихъ глазахъ пьеса утратила свѣжесть новизны и современности, зато пріобрѣла интересъ художественнаго памятника старины, показывающаго, какими понятіями и привычками удобрена та культурная почва, по которой мы ходимъ и злаками которой питаемся. Этого историческаго интереса не могли замѣчать въ комедіи современники ея автора: смотря ее, они не видѣли насъ, своихъ внуковъ; мы сквозь нее видимъ ихъ, своихъ дѣдовъ.

Что смѣшно въ Недорослѣ, и одно ли то же смѣшитъ въ немъ разные возрасты? Молодежь больше всего смѣется, разумѣется надъ Митрофаномъ, героемъ драмы, неистощимымъ предметомъ смѣха, нарицательнымъ именемъ смѣшной несовершеннолѣтней глупости и учащагося невѣжества. Но да будетъ позволено немного заступиться за Митрофана: онъ слишкомъ засмѣянъ. Правда, онъ смѣшонъ, но не всегда и даже очень рѣдко, именно только въ лучшія минуты своей жизни, которыя находятъ на него очень нечасто. Въ комедіи онъ дѣлаетъ два дѣла: *размышляетъ,* чтобы выпутаться изъ затрудненій, въ которыя ставитъ его зоологическая любовь матери, и *поступаетъ,* выражая въ поступкахъ свои обычныя чувства. Забавны только его размышленія, а поступки — нисколько. По мысли автора, онъ дуракъ и долженъ разсуждать по-дурацки. Тутъ ничего смѣшного нѣтъ; грѣшно смѣяться надъ дуракомъ и, кто это дѣлаетъ, тотъ самъ становится достойнымъ предметомъ своего смѣха. Однако, на дѣлѣ Митрофанъ размышляетъ по-своему находчиво и умно, только — недобросовѣстно, и потому иногда невпопадъ, размышляетъ не съ цѣлью узнать истину или найти прямой путь для своихъ поступковъ, а чтобы только вывернуться изъ одной непріятности, и потому тотчасъ попадаетъ въ другую, чѣмъ и наказываетъ самъ себя за софистическое коварство своей мысли. Это самонаказаніе и вызываетъ вполнѣ заслуженный смѣхъ. Онъ забавенъ, когда, объѣвшись наканунѣ и для избѣжанія непріятности учиться, онъ старается преувеличить размѣры и дурныя слѣдствія своего обжорства, даже подличаетъ передъ матерью, чтобы ее разжалобить; но, увертываясь отъ учителя, онъ подвергаетъ себя опасности попасть въ руки врача, который, разумѣется, посадитъ его на діэту, и — чтобы отклонить отъ себя эту новую напасть, сообразительно отвѣчаетъ на предложеніе испугавшейся его болѣзни матери послать за докторомъ: „Нѣтъ, нѣтъ, матушка, я уже лучше самъ выздоровлю“, и убѣгаетъ на голубятню. Онъ очень забавенъ со своей оригинальной теоріей грамматики, со своимъ очень бойко и сообразительно изобрѣтеннымъ ученіемъ о двери существительной и прилагательной, за каковое изобрѣтеніе умные взрослые люди, экзаменовавшіе, съ митрофановскимъ остроуміемъ, награждаютъ его званіемъ дурака. Но чувства и направляемые ими поступки Митрофана вовсе не смѣшны, а только гадки. Что смѣшного въ омерзительной жалости, какая проняла объѣвшагося 16-лѣтняго шалопая — въ его тяжеломъ

животномъ снѣ — при видѣ матери, уставшей колотить его отца? Ничего смѣшного нѣтъ и въ знаменитой сценѣ ученья Митрофана, въ этомъ безподобномъ, безотрадно печальномъ квартетѣ бѣдныхъ учителей, ничему научить не могущихъ, — мамаши, въ присутствіи учащагося сынка съ вязаніемъ въ рукахъ ругающейся надъ ученьемъ, и — разбираемаго охотой жениться сынка, въ присутствіи матери ругающагося надъ своими учителями?... Если современный педагогъ такъ не настроитъ своего класса, чтобы онъ не смѣялся при прочтеніи этой сцены, значитъ, такой педагогъ плохо владѣетъ своимъ классомъ, а чтобы онъ былъ въ состояніи самъ раздѣлять такой смѣхъ, объ этомъ страшно и подумать. Для взрослыхъ Митрофанъ вовсе не смѣшонъ; по крайней мѣрѣ, надъ нимъ очень опасно смѣяться, ибо митрофановская порода мститъ своей плодовитостью. Взрослые, прежде чѣмъ потѣшаться надъ глупостью или пошлостью Митрофана, пусть изъ глубины ложи представятъ себѣ свою настоящую или будущую дѣтскую или взглянутъ на сидящихъ тутъ же на переднихъ стульяхъ птенцовъ своихъ, и — налетѣвшая улыбка мгновенно слетитъ съ легкомысленно веселаго лица. Какъ Митрофанъ самъ себя наказываетъ за свои сообразительныя глупости заслуженными напастями, такъ и насмѣшливый современный зритель сценическаго Митрофана можетъ со временемъ наказать себя за преждевременный смѣхъ не театральными, а настоящими житейскими и очень горькими слезами. Повторяю, надобно осторожно смѣяться надъ Митрофаномъ, потому что Митрофаны мало смѣшны и притомъ очень мстительны, и мстятъ они неудержимой размножаемостью и неуловимой проницательностью своей породы, родственной насѣкомымъ или микробамъ.

Да я и не знаю, кто смѣшонъ въ *Недорослѣ*. Г. Простаковъ? Онъ только неумный, совершенно безпомощный бѣдняга, не безъ совѣстливой чуткости и прямоты юродиваго, но безъ капли воли и съ жалкимъ до слезъ избыткомъ трусости, заставляющей его подличать даже передъ своимъ сыномъ. Тарасъ Скотининъ также мало комиченъ: въ человѣкѣ, который самъ себя характеризовалъ извѣстнымъ домашнимъ животнымъ, которому сама родная сестрица нѣжно сказала въ глаза, что хорошая свинья ему нужнѣе жены, для котораго свиной хлѣвъ замѣняетъ и храмъ наукъ, и домашній очагъ, — что комичнаго въ этомъ благородномъ россійскомъ дворянинѣ, который, изъ просвѣтительнаго соревнованія съ любимыми животными, доцивилизовался до четверенекъ? Не комична ли сама хозяйка дома госпожа Простакова, урожденная Скотинина? Это лицо въ комедіи необыкновенно удачно задуманное психологически и превосходно выдержанное драматически въ продолженіе всѣхъ пяти актовъ ни разу она не смигнула съ той жестокой физіономіи, какую приказалъ ей держать безжалостный художникъ во все время нетороპливаго сеанса, пока рисовалъ съ нея портретъ. Зато она и вдвойнѣ не комична: она глупа и труслива, т.-е. жалка — по мужу, какъ Простакова, безбожна и безчеловѣчна, т.-е. отвратительна — по брату, какъ Скотинина. Она вовсе не рас-

полагаетъ къ смѣху; напротивъ, при одномъ видѣ этой возмутительной озорницы не только у ея забитаго мужа, но и у современнаго зрителя, огражденнаго отъ нея цѣлымъ столѣтіемъ, начинаетъ мутиться въ глазахъ и колеблется вѣра въ человѣка, въ ближняго.

Въ комедіи есть группа фигуръ, предводительствуемая дядей Стародумомъ. Онѣ выдѣляются изъ комическаго персонала пьесы: это — благородные и просвѣщенные резонеры, академики добродѣтели. Онѣ не столько дѣйствующія лица драмы, сколько ея моральная обстановка: онѣ поставлены около дѣйствующихъ лицъ, чтобы своимъ свѣтлымъ контрастомъ рѣзче оттѣнить ихъ темныя физіономіи. Онѣ выполняютъ въ драмѣ назначеніе, похожее на то, какое имѣютъ въ фотографическомъ кабинетѣ ширмочки, горшки съ цвѣтами и прочіе приборы, предназначенные регулировать свѣтъ и перспективу. Таковы онѣ должны быть по тогдашней драматической теоріи; можетъ быть, таковы онѣ были и по плану автора комедіи; но не совсѣмъ такими представляются онѣ современному зрителю, не забывающему, что онъ видитъ передъ собой русское общество прошлаго вѣка. Правда — Стародумъ, Милонъ, Правдинъ, Софья не столько живыя лица, сколько моралистическіе манекены; но вѣдь и ихъ дѣйствительные подлинники были не живѣе своихъ драматическихъ снимковъ. Они наскоро затверживали и, запинаясь, читали окружающимъ новыя чувства и правила, которыя кой-какъ прилаживали къ своему внутреннему существу, какъ прилаживали заграничные парики къ своимъ щетинистымъ головамъ; но эти чувства и правила также механически прилипали къ ихъ доморощеннымъ, природнымъ понятіемъ и привычкамъ, какъ тѣ парики къ ихъ головамъ. Они являлись ходячими, но еще безжизненными схемами новой хорошей морали, которую они надѣвали на себя, какъ маску. Нужны были время, усилія и опыты, чтобы пробудить органическую жизнь въ этихъ, пока мертвенныхъ, культурныхъ препаратахъ, чтобы эта моралистическая маска успѣла врости въ ихъ тусклыя лица и стать ихъ живой нравственной физіономіей. Гдѣ, напримѣръ, было взять Фонвизину живую благовоспитанную племянницу Софью, когда такія племянницы всего лѣтъ за 15 до появленія *Недоросля* только еще проектировались дядюшкой Бецкимъ въ разныхъ педагогическихъ докладахъ и начертаніяхъ, когда учрежденныя съ этой цѣлью воспитательныя общества для благородныхъ и мѣщанскихъ дѣвицъ по его заказу лѣпили еще первые пробные образчики новой благовоспитанности, а сами эти дѣвицы столь заботливо задуманныя педагогически, подобно нашей Софьѣ, только еще садились за чтеніе Фенелоновыхъ и другихъ трактатовъ о своемъ собственномъ воспитаніи? Художникъ могъ творить только изъ матеріала, подготовленнаго педагогомъ, и Софья вышла у него свѣжеизготовленной куколкой благонравія, отъ которой вѣетъ еще сыростью педагогической мастерской. Такимъ образомъ, Фонвизинъ остался художникомъ и въ видимыхъ недостаткахъ своей комедіи, не измѣнилъ художественной правдѣ и въ самыхъ своихъ карикатурахъ:

онъ не могъ сдѣлать живыя лица изъ ходячихъ мертвецовъ или туманныхъ привидѣній; но изображенныя имъ свѣтлыя лица, не становясь живыми, остаются дѣйствительными лицами, изъ жизни взятыми явленіями.

Да и такъ ли они безжизненны, какъ привыкли представлять ихъ? Какъ новички въ своей роли, они еще нетвердо ступаютъ, сбиваются, повторяя уроки, едва затверженные изъ Лябрюйера, Дюкло, Наказа и другихъ тогдашнихъ учебниковъ публичной и приватной морали; но, какъ новообращенные, они немного заносчивы и не въ мѣру усердны. Они еще сами не насмотрятся на свой новенькій нравственный уборъ, говорятъ такъ развязно, самоувѣренно и самодовольно, съ такимъ вкусомъ смакуютъ собственную академическую добродѣтель, что забываютъ, гдѣ они находятся, съ кѣмъ имѣютъ дѣло, и оттого иногда попадаютъ впросакъ, чѣмъ усиливаютъ комизмъ драмы. Стародумъ, толкующій госпожѣ Простаковой пользу географіи тѣмъ, что въ поѣздкѣ — съ географіей знаешь, куда ѣдешь, право, не менѣе и не болѣе живое лицо, чѣмъ его собесѣдница, которая съ обычной своей рѣшительностью и довольно начитанно возражаетъ ему тонкимъ соображеніемъ, заимствованнымъ изъ одной повѣсти Вольтера: „Да извозчики-то на что жъ? это ихъ дѣло". Умные, образованные люди такъ самодовольно потѣшаются надъ этимъ обществомъ грубыхъ или жалкихъ дикарей, у которыхъ они въ гостяхъ, даже надъ такими пѣтыми дураками, какими они считаютъ Митрофана и Тараса Скотинина, — что послѣдній обнаружилъ необычайную ему зоркость, когда спросилъ, указывая на одного изъ этихъ благородныхъ гостей, Софьина жениха: „Кто жъ изъ насъ смѣшонъ? ха, ха, ха!" Самъ почтенный дядя Стародумъ такъ игриво настроенъ, что при видѣ подравшихся въ кровь братца и сестрицы, къ которой въ домъ онъ только что пріѣхалъ, не могъ удержаться отъ смѣха и даже засвидѣтельствовалъ самой хозяйкѣ, что онъ отъ роду ничего смѣшнѣе не видывалъ, за что и былъ заслуженно оборванъ ея замѣчаніемъ, что это, сударь, вовсе и не смѣшно. Во всю сцену пятаго акта тотъ же честнымъ трудомъ разбогатѣвшій дядя Стародумъ и чиновникъ намѣстничества Правдинъ важно бесѣдуютъ о томъ, какъ беззаконно угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ, какое удовольствіе для государей владѣть свободными душами, какъ льстецы отвлекаютъ государей отъ стези истины и уловляютъ ихъ души въ свои сѣти, какъ государь можетъ сдѣлать людей добрыми: стоитъ только показать всѣмъ, что безъ благонравія никто не можетъ выйти въ люди и получить мѣсто на службѣ, и „тогда всякій найдетъ свою выгоду быть благонравнымъ, и всякій хорошъ будетъ". Эти добрые люди, разсуждавшіе на сценѣ передъ русской публикой о такихъ серіозныхъ предметахъ и изобрѣтавшіе такія легкія средства сдѣлать всѣхъ людей добрыми, сидѣли въ одной изъ наполненныхъ крѣпостными людьми усадебъ многочисленныхъ госпожъ Простаковыхъ, урожденныхъ Скотининыхъ, съ одной изъ которыхъ насилу могли справиться оба они, да и то съ употребленіемъ

оружія офицера, проходившаго мимо со своей командой. Внимая этимъ собесѣдникамъ, точно слушаешь веселую сказку, уносившую ихъ изъ окружавшей ихъ дѣйствительности „за тридевять земель, за тридесятое царство“, куда заносило Митрофана обучавшая его „исторіямъ“ скотница Хавронья. Значитъ, лица комедіи, призванныя служить формулами и образцами добронравія, не лишены комической живости.

Все это — фальшивыя ноты не комедіи, а самой жизни, въ ней разыгранной. Эта комедія — безподобное зеркало. Фонвизину въ ней какъ-то удалось стать прямо передъ русской дѣйствительностью, взглянуть на нее просто, непосредственно, въ упоръ, глазами, не вооруженными никакимъ стекломъ, взглядомъ, не преломленнымъ никакими точками зрѣнія, и воспроизвести ее съ безотчетностью художественнаго пониманія. Срисовывая, что наблюдалъ, онъ, какъ испытанный художникъ, не отказывался и отъ творчества; но на этотъ разъ и тамъ, гдѣ онъ надѣялся творить, онъ только копировалъ. Это произошло оттого, что на этотъ разъ поэтическій взглядъ автора сквозь то, что *казалось,* проникъ до того, что дѣйствительно *происходило;* простая, печальная правда жизни, прикрытая бьющими въ глаза миражами, подавила шаловливую фантазію, обыкновенно принимаемую за творчество, и вызвала къ дѣйствію высшую творческую силу зрѣнія, которая за видимыми для всѣхъ призрачными явленіями умѣетъ разглядѣть никѣмъ не замѣчаемую дѣйствительность. Стекло, которое достигаетъ до невидимыхъ простымъ глазомъ звѣздъ, сильнѣе того, которое отражаетъ занимающіе досужихъ зрителей блуждающіе огоньки.

Фонъ-Визинъ взялъ героевъ *Недоросля* прямо изъ житейскаго омута и взялъ, въ чемъ засталъ, безъ всякихъ культурныхъ покрытій, да такъ и поставилъ ихъ на сцену со всей неурядицей ихъ отношеній, со всѣмъ содомомъ ихъ неприбранныхъ инстинктовъ и интересовъ. Эти герои, выхваченные изъ общественнаго толока для забавы театральной публики, оказались вовсе не забавны, а просто нетерпимы ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ: авторъ взялъ ихъ на время для показа изъ-подъ полицейскаго надзора, куда и поспѣшилъ возвратить ихъ въ концѣ пьесы при содѣйствіи чиновника Правдина, который и принялъ ихъ въ казенную опеку съ ихъ деревнями. Эти незабавные люди, задумывая преступныя вещи, туда же мудрятъ и хитрятъ, но, какъ люди глупые и растерянные, къ тому же до самозабвенія злые, они сами вязнутъ и топятъ другъ друга въ грязи собственныхъ козней. На этомъ и построенъ комизмъ *Недоросля.* Глупость, коварство, злость, преступленіе вовсе не смѣшны сами по себѣ; смѣшно только глупое коварство, попавшееся въ собственныя сѣти, смѣшна злобная глупость, обманувшая сама себя и никому не причинившая задуманнаго зла. *Недоросль* — комедія не лицъ, а положеній. Ея лица комичны, но не смѣшны, комичны, какъ роли, и вовсе не смѣшны, какъ люди. Они могутъ забавлять, когда ви[illegible] ихъ на сценѣ, но тревожатъ и огорчаютъ, когда встрѣча[illegible] внѣ

театра, дома или въ обществѣ. Фонвизинъ заставилъ печально-дурныхъ и глупыхъ людей играть забавно-веселыя и часто умныя роли. Въ этомъ тонкомъ различеніи *людей* и *ролей* художественное мастерство его Недоросля; въ немъ же источникъ того сильнаго впечатлѣнія, какое производитъ эта пьеса. Сила впечатлѣнія въ томъ, что оно составляется изъ двухъ противоположныхъ элементовъ: смѣхъ въ театрѣ смѣняется тяжелымъ раздумьемъ по выходѣ изъ него. Пока разыгрываются роли, зритель смѣется надъ положеніями себя перехитрившей и самое себя наказывающей злой глупости. Но вотъ кончилась игра, ушли актеры, и занавѣсъ опустился — кончился и смѣхъ. Прошли забавныя положенія злыхъ людей, но люди остались, и, изъ душнаго марева электрическаго свѣта вырвавшись на пронизывающую свѣжесть уличной мглы, зритель съ ущемленнымъ сердцемъ припоминаетъ, что эти люди остались, и онъ ихъ встрѣтитъ вновь прежде, чѣмъ они попадутся въ новыя заслуженныя ими положенія, и онъ, зритель, запутается съ ними въ ихъ темныя дѣла, и они сумѣютъ наказать его за это раньше, чѣмъ успѣютъ сами наказать себя за свою же перехитрившую себя злую глупость.

Въ *Недорослѣ* показана зрителю зажиточная дворянская семья Екатерининскаго времени въ невообразимо хаотическомъ состояніи. Всѣ понятія здѣсь опрокинуты вверхъ дномъ и исковерканы, всѣ чувства выворочены наизнанку; не осталось ни одного разумнаго и добросовѣстнаго отношенія; во всемъ гнетъ и произволъ, ложь и обманъ, и круговое, поголовное непониманіе. Кто посильнѣе, гнететъ; кто послабѣе, лжетъ и обманываетъ, и ни тѣ ни другіе не понимаютъ, для чего они гнетутъ, лгутъ и обманываютъ, и никто не хочетъ даже подумать, почему они этого не понимаютъ. Жена-хозяйка, вопреки закону и природѣ, гнететъ мужа, не будучи умнѣе его, и ворочаетъ всѣмъ, т.-е. все переворачиваетъ вверхъ дномъ, будучи гораздо его нахальнѣе. Она одна въ домѣ лицо, всѣ прочіе — безличныя мѣстоименія, и когда ихъ спрашиваютъ, кто они, робко отвѣчаютъ: „я — женинъ мужъ, а я — сестринъ братъ, а я — матушкинъ сынъ". Она ни въ грошъ не ставитъ мнѣніе мужа и, жалуясь на Господа, ругается, что мужъ на все смотритъ ея глазами. Она заказываетъ кафтанъ своему крѣпостному, который шить не умѣетъ, и бѣснуется, негодуя, почему онъ не шьетъ, какъ настоящій портной. Съ утра до вечера не даетъ покою ни своему языку ни рукамъ, то ругается, то дерется: „тѣмъ и домъ держится", по ея словамъ. А держится онъ вотъ какъ. Она любитъ сына любовью собаки къ своимъ щенятамъ, какъ сама съ гордостью характеризуетъ свою любовь, поощряетъ въ сынѣ неуваженіе къ отцу, а сынъ, 16-лѣтній дѣтина, платитъ матери за такую любовь грубостью скотины. Она позволяетъ сыну объѣдаться до желудочной тоски и увѣрена, что воспитываетъ его, какъ повелѣваетъ родительскій долгъ. Свято храня завѣтъ своего великаго батюшки воеводы Скотинина, умершаго съ голоду на сундукѣ съ деньгами и при напоминаніи объ ученіи дѣтей кричавшаго: „не

будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ", вѣрная фамильнымъ традиціямъ дочь ненавидитъ науку до ярости, но безтолково учитъ сынка для службы и свѣта, твердя ему: „вѣкъ живи, вѣкъ учись", и въ то же время оправдываетъ его учебное отвращеніе неопрятнымъ намекомъ на полагаемую ею конечную цѣль образованія: „Не вѣкъ тебѣ, моему другу, учиться; ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и самъ взведешь дѣточекъ". Самый дорогой изъ учителей Митрофана, нѣмецъ кучеръ Вральманъ, подрядившійся учить всѣмъ наукамъ, не учитъ ровно ничему и учить не можетъ, потому что самъ ничего не знаетъ, даже мѣшаетъ учить другимъ, оправдывая передъ матерью свою педагогику тѣмъ, что головушка у ея сынка гораздо слабѣе его брюха, а и оно не выдерживаетъ излишней набивки; и за это доступное материнско-простаковскому уму соображеніе Вральманъ — единственный человѣкъ въ домѣ, съ которымъ хозяйка обращается прилично, даже съ посильнымъ для нея респектомъ. Обобравъ все у своихъ крестьянъ, госпожа Простакова скорбно недоумѣваетъ, какъ это она уже ничего съ нихъ содрать не можетъ — такая бѣда! Она хвастается, что пріютила у себя сироту-родственницу со средствами и исподтишка обираетъ ее. Благодѣтельница хочетъ пристроить эту сиротку Софью за своего братца безъ ея спроса, и тотъ не прочь отъ этого не потому, что ему нравится „дѣвчонка", а потому, что въ ея деревенькахъ водятся отличныя свиньи, до которыхъ у него „смертная охота". Она не хочетъ вѣрить, чтобы воскресъ страшный ей дядя Софьи, котораго она признала умершимъ только потому, что ужъ нѣсколько лѣтъ поминала его въ церкви за упокой, и рветъ и мечетъ, готова глаза выцарапать всякому, кто говоритъ ей, что онъ и не умиралъ. Но самодуръ-баба — страшная трусиха и подличаетъ передъ всякой силой, съ которой не надѣется справиться, — передъ богатымъ дядей Стародумомъ, желая устроить нечаянно разбогатѣвшую братнину невѣсту за своего сынка, но когда ей отказываютъ, она рѣшается обманомъ насильно обвѣнчать ее съ сыномъ, т.-е. вовлечь въ свое безбожное беззаконіе самую церковь. Разсудокъ, совѣсть, честь, стыдъ, приличіе, страхъ Божій и человѣческій — всѣ основы и скрѣпы общественнаго порядка горятъ въ этомъ простаковско-скотининскомъ аду, гдѣ чортъ — сама хозяйка дома, какъ называетъ ее Стародумъ, и когда она, наконецъ, попалась, когда вся ея нечестивая паутина разорвана была метлой закона, она, бросившись на колѣни передъ его блюстителемъ, отпѣваетъ свою безобразную трагедію, хотя и не гамлетовскимъ, но тартюфовскимъ эпилогомъ въ своей урожденной редакціи: „Ахъ, я собачья дочь! что я надѣлала!" Но это была минутная растерянность, если не было притворство: какъ только ее простили, она спохватилась, стала опять сама собой, и первою мыслію ея было перепороть насмерть всю дворню за свою неудачу, и, когда ей замѣтили, что тиранствовать никто не воленъ, она увѣковѣчила себя знаменитымъ возраженіемъ:

— Не воленъ! Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ намъ указъ о вольности дворянства?

Въ этомъ все дѣло. „Мастерица толковать указы!“ повторимъ и мы вслѣдъ за Стародумомъ. Все дѣло въ послѣднихъ словахъ госпожи Простаковой; въ нихъ весь смыслъ драмы и драма въ нихъ же. Все остальное — ея сценическая или литературная обстановка, не болѣе: все, что предшествуетъ этимъ словамъ, ихъ драматическій прологъ; все, что слѣдуетъ за ними, — ихъ драматическій эпилогъ. Да, госпожа Простакова мастерица толковать указы. Она хотѣла сказать, что законъ оправдываетъ ея беззаконіе. Она сказала безсмыслицу, и въ этой безсмыслицѣ весь смыслъ *Недоросля;* безъ нея это была бы комедія безсмыслицъ. Надобно только въ словахъ госпожи Простаковой уничтожить знаки удивленія, вопроса, переложить ея нѣсколько патетическую рѣчь, вызванную тревожнымъ состояніемъ толковательницы, на простой логическій языкъ, и тогда ясно обозначится ея неблагополучная логика. Указъ о вольности дворянства данъ на то, чтобы дворянинъ воленъ былъ сѣчь своихъ слугъ, когда захочетъ. Госпожа Простакова, какъ непосредственная, наивная дама, понимала юридическія положенія только въ конкретныхъ, практическихъ приложеніяхъ, каковымъ въ ея словахъ является право произвольнаго сѣченія крѣпостныхъ слугъ. Возводя эту подробность къ ея принципу, найдемъ, что указъ о вольности дворянства данъ былъ на права дворянъ и ничего, кромѣ правъ, т.-е. никакихъ обязанностей, на дворянъ не возлагалъ, по толкованію госпожи Простаковой. Права безъ обязанностей юридическая нелѣпость, какъ слѣдствіе безъ причины нелѣпость логическая; сословіе съ одними правами безъ обязанностей политическая невозможность, а невозможность существовать не можетъ. Госпожа Простакова возмнила русское дворянство такою невозможностью, т.-е. взяла да и произнесла смертный приговоръ сословію, которое тогда вовсе не собиралось умирать и здравствуетъ доселѣ. Въ этомъ и состояла ея безсмыслица. Но дѣло въ томъ, что когда этотъ знаменитый указъ Петра III былъ изданъ, очень многіе изъ русскихъ дворянъ подняли руки на свое сословіе, поняли его такъ же, какъ поняла госпожа Простакова, происходившая изъ „великаго и стариннаго“ рода Скотининыхъ, какъ называетъ его самъ ея братъ, самъ Тарасъ Скотининъ, по его же увѣренію, „въ родѣ своемъ не послѣдній“. Я не могу понять, для чего Фонвизинъ допустилъ Стародума и Правдина въ бесѣдѣ со Скотининымъ трунить надъ стариной рода Скотининыхъ и искушать генеалогическую гордость простака Скотинина намекомъ, что пращуръ его, пожалуй, даже старше Адама, „созданъ хоть въ шестой же день, да нем[illegible]опрежде Адама“, что Софья потому и не пара Скотинину, что он[illegible]ка: вѣдь сама комедія свидѣтельствуетъ, что Скотининъ имѣлъ деревню, крестьянъ, былъ сынъ воеводы, значитъ, былъ тоже дворянинъ, даже причислялся по табели о рангахъ къ „лучшему старшему дворянству во всякихъ достоинствахъ и авантажахъ“, а потому пращуръ его не могъ быть созданъ въ одно время съ четвероногими. Какъ это русскіе дворяне прошлаго вѣка спустили Фонвизину, который самъ былъ дворянинъ, такой неловкій намекъ? Можно сколько угодно шутить надъ юриспру-

денціей госпожи Простаковой, надъ умомъ г. Скотинина, но не надъ ихъ предками: шутка надъ скотининской генеалогіей, притомъ съ участіемъ библейскихъ сказаній, со стороны Стародума и Правдина, т.-е. Фонвизина, была опаснымъ, обоюдуострымъ оружіемъ; она напоминаетъ комизмъ Кутейкина, весь построенный на пародированіи библейскихъ терминовъ и текстовъ, — непріятный и ненадежный комическій пріемъ, едва ли кого забавить способный. Это надобно хорошенько растолковать молодежи, читающей *Недоросля*, и истолковать въ томъ смыслѣ, что здѣсь Фонвизинъ не шутилъ ни надъ предками ни надъ текстами, а только по-своему обличалъ людей, злоупотребляющихъ тѣми и другими. Эту шутку можетъ извинить, если не увлеченіе собственнымъ остроуміемъ, то негодованіе на то, что Скотинины слишкомъ мало оправдывали свое дворянское происхожденіе и подходили подъ жестокую оцѣнку того же Стародума, сказавшаго: „Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ, подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю". Негодованіе комика вполнѣ понятно: онъ не могъ не понимать всей жизни и опасности взгляда, какой усвояли многіе дворяне его времени на указъ о вольности дворянства, понимая его, какъ онъ истолковывался въ школѣ простаковскаго правовѣдѣнія. Это толкованіе было ложно и опасно, грозило замутить юридическій смыслъ и погубить политическое положеніе руководящаго сословія русскаго общества. Дворянская вольность по указу 1762 г. многими понята была, какъ увольненіе сословія отъ всѣхъ спеціальныхъ сословныхъ обязанностей съ сохраненіемъ всѣхъ сословныхъ правъ. Это была роковая ошибка, вопіющее недоразумѣніе. Совокупность государственныхъ обязанностей, лежавшихъ на дворянствѣ, какъ сословіи, составляла то, что называлось его *службой* государству. Знаменитый манифестъ 18 февраля 1762 г. гласилъ, что дворяне, находящіеся на военной или гражданской службѣ, могутъ оную продолжать или выходить въ отставку по своему желанію, впрочемъ, съ нѣкоторыми ограниченіями. Ни о какихъ новыхъ правахъ надъ крѣпостными, ни о какомъ сѣченіи слугъ законъ не говорилъ ни слова; напротивъ, прямо и настойчиво оговорены были нѣкоторыя обязанности, остававшіяся на сословіи, между прочимъ, установленное Петромъ Великимъ обязательное обученіе: „чтобы никто не дерзалъ безъ ученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать подъ тяжкимъ нашимъ гнѣвомъ". Въ заключеніе указа вѣжливо выражена *надежда,* что дворянство не будетъ отклоняться отъ службы, но съ ревностью въ оную вступать, не меньше и дѣтей своихъ съ прилежностью обучать благопристойнымъ наукамъ, а, впрочемъ, тутъ же довольно сердито прибавлено, что тѣхъ дворянъ, которые не будутъ исполнять обѣихъ этихъ обязанностей, какъ людей нерадивыхъ о добрѣ общемъ, *повелѣвается* всѣмъ вѣрноподданнымъ „презирать и уничтожать" и въ публичныхъ собраніяхъ не терпѣть. Какъ можно было еще сказать яснѣе этого, и гдѣ тутъ *вольность*, полное увольненіе отъ службы? Законъ отмѣнялъ, да и то съ ограниченіями, только обязательную срочность службы (не менѣе 25 лѣтъ),

установленную указомъ 1736 г. Дворяне простаковскаго разумѣнія были введены въ заблужденіе тѣмъ, что законъ не предписывалъ прямо служить, что было ненужно, а только грозилъ карой за уклоненіе отъ службы, что бывало неизлишне. Но вѣдь угроза закона наказаніемъ за поступокъ есть косвенное запрещеніе поступка. Это юридическая логика, требующая, чтобы угрожающее наказаніе вытекало изъ запрещаемаго поступка, какъ слѣдствіе вытекаетъ изъ своей причины. Указъ 18 февраля отмѣтилъ только слѣдствіе, а простаковскіе законовѣды подумали, что отмѣнена причина. Они впали въ ошибку, какую сдѣлали бы мы, если бы, прочитавъ предписаніе, что воры не должны быть терпимы въ обществѣ, подумали, что воровство дозволяется, но прислугѣ запрещается принимать воровъ въ домъ, когда они позвонятъ. Эти законовѣды слишкомъ буквально понимали не только слова, но и недомолвки закона, а законъ, желая говорить вѣжливо, торжественно объявляя, что онъ жалуетъ „всему россійскому благородному дворянству вольность и свободу“, говорилъ пріятнаго больше, и старался возможно больше смягчить то, что было непріятно напоминать. Законъ говорилъ: будьте такъ добры, служите и учите своихъ дѣтей, а впрочемъ, кто не станетъ дѣлать ни того ни другого, тотъ будетъ изгнанъ изъ общества. Многіе въ русскомъ обществѣ прошлаго вѣка не поняли этой деликатной аппеляціи закона къ общественной совѣсти, потому что получили недостаточно мягкое гражданское воспитаніе. Они привыкли къ простому, немного солдатскому языку петровскаго законодательства, которое любило говорить палками, плетями, висѣлицей да пулей, обѣщало преступнику ноздри распороть и на каторгу сослать, или даже весьма живота лишить и отсѣченіемъ головы казнить, или нещадно аркебузировать (разстрѣлять). Эти люди понимали долгъ, когда онъ врѣзывался кровавыми подтеками на живой кожѣ, а не писался человѣческой рѣчью въ людской совѣсти. Такой реализмъ юридическаго мышленія и помѣшалъ мыслителямъ вникнуть въ смыслъ закона, который за нерадѣніе о добрѣ общемъ грозилъ, что нерадивые „нижѐ ко двору нашему пріѣздъ или въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ“: ни палокъ ни плетей, а только закрытіе придворныхъ и публичныхъ дверей! Вышло крупное юридическое недоразумѣніе. Тогдашняя сатира вскрыла его источникъ: это слишкомъ распущенный аппетитъ произвола. Она изобразила уѣзднаго дворянина, который такъ пишетъ сыну объ указѣ 18 февраля: „Сказываютъ, что дворянамъ дана вольность; да чортъ ли это слыхалъ, прости Господи, какая вольность; дали вольность, а ничего неможно своею волею сдѣлать, нельзя у сосѣда и земли отнять“. Мысль этого законовѣда шла еще дальше простаковской, требовала не только увольнительнаго свидѣтельства отъ сословнаго долга, но и патента на сословную привилегію беззаконія.

Итакъ, значительная часть дворянства въ прошломъ столѣтіи не понимала исторически сложившагося положенія своего сословія, и недоросль, фонвизинскій *недоросль Митрофанъ* былъ жертвой этого не-

пониманія. Комедія Фонвизина неразрывно связала оба эти слова, такъ что *Митрофанъ* сталъ именемъ нарицательнымъ, а *недоросль* собственнымъ: недоросль — синонимъ Митрофана, Митрофанъ — синонимъ глупаго неуча и маменькина баловня. Недоросль Фонвизина — карикатура, но не столько сценическая, сколько бытовая: воспитаніе изуродовало его больше, чѣмъ пересмѣяла комедія. Историческимъ прототипомъ этой карикатуры было званіе, въ которомъ столь же мало смѣшного, какъ мало этого въ званіи гимназиста. На языкѣ древней Руси *недоросль* — подростокъ до 15 лѣтъ, дворянскій недоросль — подростокъ, „поспѣвавшій“ въ государеву ратную службу и становившійся *новикомъ,* „срослымъ человѣкомъ“, какъ скоро поспѣвалъ въ службу, т.-е. достигалъ 15 лѣтъ. Званіе дворянскаго недоросля — это цѣлое государственное учрежденіе, цѣлая страница изъ исторіи русскаго права. Законодательство и правительство заботливо устрояли положеніе недорослей, что̀ и понятно: это былъ подроставшій ратный запасъ. Въ главномъ военномъ управленіи, въ разрядномъ московскомъ приказѣ, вели ихъ списки съ обозначеніемъ лѣтъ каждаго, чтобы знать ежегодный призывный контингентъ; былъ установленъ порядокъ ихъ смотровъ и разборовъ, по которымъ поспѣвшихъ писали въ службу, въ какую кто годился, порядокъ надѣла ихъ старыми отцовскими или новыми помѣстьями и т. п. При такомъ порядкѣ недорослю, по достиженіи призывнаго возраста, было трудно, да и невыгодно долго залеживаться дома: помѣстное и денежное жалованье назначали, къ первымъ „новичнымъ“ окладамъ дѣлали придачи — только за дѣйствительную службу или доказанную служебную годность, „кто чего стоилъ“, а, „избывая отъ службы“, можно было не только не получить новаго помѣстья, но и потерять отцовское. Бывали и въ XVII в. недоросли, „которые въ службу поспѣли, а службы не служили“ и на смотры не являлись, „огурялись“, какъ тогда говорили про такихъ неслуховъ. Съ царствованія Петра Великаго это служебное „огурство“ дворянскихъ недорослей усиливается все болѣе по разнымъ причинамъ: служба въ новой регулярной арміи стала несравненно тяжелѣй прежней; притомъ законъ 20 января 1714 г. требовалъ отъ дворянскихъ дѣтей обязательнаго обученія для подготовки къ службѣ; съ другой стороны, помѣстное владѣніе стало наслѣдственнымъ, и надѣленія новиковъ помѣстными окладами прекратились. Такимъ образомъ, тягости обязательной службы увеличивались въ одно время съ ослабленіемъ матеріальныхъ побужденій къ ней. „Лыняніе“ отъ школы и службы стало хроническимъ недугомъ дворянства, который не поддавался строгимъ указамъ Петра I и его преемницъ о явкѣ недорослей на смотры съ угрозами кнутомъ, штрафами, „шельмованіемъ“, безповоротной отпиской имѣній въ казну за ослушаніе. Посошковъ увѣряетъ, что въ его время „многое множество“ дворянъ вѣки свои проживали, старѣли, въ деревняхъ живучи, а на службѣ и одною ногою не бывали. Дворяне пользовались доходами съ земель и крѣпостныхъ крестьянъ, пожалованныхъ сословію для службы, и,

по мѣрѣ укрѣпленія тѣхъ и другихъ за сословіемъ, все усерднѣе уклонялись отъ службы. Въ этихъ уклоненіяхъ выражалось то же недобросовѣстное отношеніе къ сословному долгу, какое такъ грубо звучало въ словахъ, слышанныхъ тѣмъ же Посошковымъ отъ многихъ дворянъ: „Дай Богъ великому государю служить, а сабли бъ изъ ноженъ не вынимать“. Такое отношеніе къ сословнымъ обязанностямъ передъ государствомъ и обществомъ воспитывало въ дворянской средѣ „лежебоковъ“, о которыхъ Посошковъ ядовито замѣтилъ: „дома сосѣдямъ своимъ страшенъ, яко левъ, а на службѣ хуже козы“. Этотъ самый взглядъ на государственныя и гражданскія обязанности сословія и превратилъ дворянскаго недоросля, поспѣвавшаго на службу, въ грубаго и глупаго неуча и лѣнтяя, всячески избывавшаго отъ школы и службы.

Такой превращенный недоросль и есть фонвизинскій Митрофанъ, очень устойчивый и живучій типъ въ русскомъ обществѣ, пережившій самое законодательство о недоросляхъ, умѣвшій „взвесть“ не только дѣточекъ, по предсказанію его матери госпожи Простаковой, но и внучекъ, „временъ новѣйшихъ Митрофановъ“, какъ выразился Пушкинъ. Митрофану Фонвизина скоро 16 лѣтъ; но онъ еще состоитъ въ недоросляхъ: по закону 1736 г. срокъ ученія, (т.-е. званіе) недоросля былъ продолженъ до 20 лѣтъ. Митрофанъ, по состоянію своихъ родителей, учится дома, а не въ школѣ: тотъ же законъ дозволялъ воспитываться дома недорослямъ со средствами. Митрофанъ учится уже года четыре и изъ рукъ вонъ плохо: по часослову едва бредетъ съ указкой въ рукѣ и то лишь подъ диктовку учителя, дьячка Кутейкина, по ариѳметикѣ „ничего не перенялъ“ у отставного сержанта Цыфиркина, а „по французски и всѣмъ наукамъ“ его совсѣмъ не учитъ и самъ учитель, дорого нанятой для обученія этимъ „всѣмъ наукамъ“ бывшій кучеръ, нѣмецъ Вральманъ. Но мать очень довольна и этимъ послѣднимъ учителемъ, который „ребенка не неволитъ“, и успѣхами своего „ребенка“, который, по ея словамъ, столько уже смыслитъ, что и самъ взведетъ дѣточекъ. У нея природное, фамильное скотининское отвращеніе отъ ученья: „безъ наукъ люди живутъ и жили“, внушительно заявляетъ она Стародуму, помня завѣтъ своего отца, сказавшаго: „не будь тотъ Скотининъ, что чему-нибудь учиться захочетъ“. Но и она знаетъ, что „нынѣ вѣкъ другой“, и, труся его, съ суетливой досадой готовитъ сына „въ людей“: неученый поѣзжай-ка въ Петербургъ — скажутъ, дуракъ. Она балуетъ сына, „пока онъ еще въ недоросляхъ“; но она боится службы, въ которую ему, „избави Боже“, лѣтъ черезъ десятокъ придется вступить. Требованія свѣта и службы навязывали этимъ людямъ ненавистную имъ науку и они тѣмъ искреннѣе ее ненавидѣли. Въ этомъ и состояло одно изъ трагикомическихъ затрудненій, какія создавали себѣ эти люди непониманіемъ своего сословнаго положенія, надѣлавшимъ имъ столько Митрофановъ, а въ положеніи сословія происходилъ переломъ, требовавшій полнаго къ себѣ вниманія.

Въ комедіи Фонвизина, сознательно или безсознательно для ея автора и первыхъ зрителей, нашли себѣ художественное выраженіе и эти затрудненія, и создавшее ихъ непониманіе перелома въ положеніи русскаго дворянства, который имѣлъ рѣшительное вліяніе на дальнѣйшую судьбу этого сословія, а черезъ него и на все русское общество. Давно подготовляемый, этотъ переломъ наступилъ именно съ минуты изданія закона 18 февраля 1762 г. Много вѣковъ дворянство несло на себѣ тяжесть военной службы, защищая отечество отъ внѣшнихъ враговъ, образуя главную вооруженную силу страны. За это государство отдало въ его руки огромное количество земли, сдѣлало его землевладѣльческимъ классомъ, а въ XVII в. предоставило въ его распоряженіе на крѣпостномъ правѣ и крестьянское населеніе его земель. Это была большая жертва сословію: въ годъ перваго представленія *Недоросля* (1782) за дворянствомъ числилось болѣе половины (53%) всего крестьянскаго населенія въ старыхъ великороссійскихъ областяхъ государства, — болѣе половины того населенія, трудомъ котораго преимущественно питалось государственное и народное хозяйство Россіи. При Петрѣ I къ обязательной службѣ дворянства прибавилось, по закону 20 января 1714 г., еще обязательное обученіе, какъ подготовка къ такой службѣ. Такъ, дворянинъ становился государственнымъ, служилымъ человѣкомъ съ той минуты, какъ только доросталъ до возможности взять учебную указку въ руки. По мысли Петра, дворянство должно быть стать проводникомъ въ русское общество новаго образованія, научнаго знанія, которое заимствовалось съ Запада. Между тѣмъ воинская повинность была распространена и на другія сословія; поголовная военная служба дворянства послѣ Петра стала менѣе прежняго нужна государству; въ устроенной Петромъ регулярной арміи дворянство сохраняло значеніе обученнаго офицерскаго запаса. Тогда мирное образовательное назначеніе, предположенное для дворянства преобразователемъ, все настойчивѣе стало выступать впередъ. Готово было, ожидая дѣятелей, и благодатное, мирное поле, работая на которомъ, дворянство могло сослужить отечеству новую службу, нисколько не меньше той, какую оно служило на ратномъ полѣ. Крѣпостные крестьяне бѣдствовали и разорялись, предоставленные въ отсутствіе помѣщиковъ произволу сборщиковъ податей, старостъ, управляющихъ, приказчиковъ, которыхъ само правительство уподобляло волкамъ. Помѣщикъ считался тогда естественнымъ покровителемъ и хозяйственнымъ опекуномъ своихъ крестьянъ, и его присутствіе разсматривалось, какъ благодѣяніе для нихъ. Потому и для государства дворянинъ въ деревнѣ сталъ не менѣе, если не болѣе нуженъ, чѣмъ въ казармѣ. Вотъ почему со смерти Петра постепенно облегчались лежавшія на дворянствѣ тягости по службѣ, но взамѣнъ того осложнялись его обязанности по землевладѣнію. Въ 1736 г. безсрочная военная служба дворянина ограничена 25-лѣтнимъ срокомъ, а въ 1762 г. дано служащимъ дворянамъ право отставки по ихъ усмотрѣнію. Зато на помѣщиковъ возложена отвѣт-

ственность за податную исправность ихъ крестьянъ, а потомъ обязанность кормить ихъ въ неурожайные годы и ссужать сѣменами для посѣвовъ. Но и въ деревнѣ государству нуженъ былъ образованный, разумный и человѣколюбивый помѣщикъ. Потому правительство не допускало ни малѣйшаго ослабленія учебной повинности дворянства, угрозой отдавать неучей въ матросы безъ выслуги, загоняло недорослей въ казенныя школы, устанавливало періодическіе экзамены для воспитывавшихся дома, какъ и въ школѣ, представляло значительныя преимущества по службѣ обученнымъ новикамъ. Самую обязанность дворянина служить стали разсматривать не только какъ средство комплектованія арміи и флота офицерскимъ дворянскимъ запасомъ, но и какъ образовательное средство для дворянина, которому военная служба сообщала вмѣстѣ съ военной и извѣстную гражданскую выправку, знаніе свѣта, людкость, обтесывала Простаковыхъ и человѣкообразила Скотининыхъ, вколачивала въ тѣхъ и другихъ радѣніе „о пользѣ общей", „знаніе политическихъ дѣлъ", какъ выражался манифестъ 18 февраля 1762 г., и побуждала родителей заботиться о домашней подготовкѣ дѣтей къ казенной школѣ и службѣ, чтобъ они не явились въ столицу круглыми невѣждами съ опасностію стать посмѣшищемъ для товарищей. Такое значеніе службы живо чувствовала даже госпожа Простакова. Изъ-за чего она надрывается, хлопоча о выучкѣ своего сынка? Она соглашается съ мнѣніемъ Вральмана объ опасности набивать слабую головушку непосильно для нея ученой пищей. „Да что ты станешь дѣлать? „горюетъ она: „ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ — скажутъ, дуракъ. Умницъ-то нынѣ завелось много; ихъ-то я боюсь". И фонвизинскій бригадиръ уговариваетъ свою жену записать ихъ Иванушку въ полкъ: „Пусть онъ, служа въ полку, ума набирается". Надобно было побѣдить упорное отвращеніе отъ науки въ дворянскихъ дѣтяхъ, на которыхъ указъ императрицы Анны 1736 г. жаловался, что они предпочитаютъ вступать въ холопскую дворовую службу, чѣмъ служить государству, отъ наукъ убѣгаютъ и тѣмъ сами себя губятъ. Въ виду опасноности одичанія неслужащаго дворянства правительство долго боялось не только отмѣнить, но и сократить обязательную службу сословія. На предложеніе комиссіи Миниха установить 25-лѣтній срокъ дворянской службы съ правомъ сокращать его на извѣстныхъ условіяхъ, Сенатъ въ 1731 г. возражалъ тѣмъ соображеніемъ, что богатые дворяне, пользуясь этими условіями, никогда волею своею въ службу не пойдутъ, а будутъ дома жить „во всякой праздности и лѣности и безъ всякихъ добрыхъ наукъ и обхожденія". Надобно было отучить русскихъ вральмановскихъ учениковъ отъ нелѣпаго мнѣнія ихъ учителя, выраженнаго имъ такъ простодушно: „Какъ будто бы россійскій дворянинъ ужъ и не можетъ въ свѣтѣ авансировать безъ россійской грамоты!" И вотъ въ 1762 г. правительство рѣшило, что упорство сломлено, и въ манифестѣ 18-го февраля торжественно возвѣстило, что принудительной службой дворянства „истреблена грубость въ неради-

выхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ, благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность". Но законодатель зналъ предѣлы этой „безпредѣльной вѣрности и отмѣнной ревности" и потому заключилъ даруемую сословію „вольность и свободу" въ извѣстныя условія, которыя сводились къ требованію, чтобы сословіе по доброй совѣсти продолжало дѣлать то, что оно дотолѣ дѣлало изъ-подъ палки. Значитъ, *принудительную срочность 25-лѣтней службы законъ замѣнилъ ея нравственной обязательностію,* изъ повинности, предписываемой закономъ, превратилъ ее въ требованіе государственной благопристойности или гражданскаго долга, неисполненіе котораго наказуется соотвѣтственной карой — изгнаніемъ изъ порядочнаго общества; такъ учебная повинность была подтверждена строго-настрого.

Дальнѣйшая судьба сословія была предначертана законодательствомъ очень доброжелательно и довольно обдуманно. Дворянство выводили изъ столичныхъ казармъ и канцелярій въ провинцію для дѣятельности на новомъ поприщѣ. Закономъ 18-го февраля ему облегчали служебную повинность настолько, чтобы она не мѣшала этой дѣятельности, какъ повинность, и удерживали ее настолько, чтобы она помогала этой дѣятельности, какъ образовательное средство. На этомъ провинціальномъ поприщѣ дворянству предстояла двоякая работа — въ деревнѣ и въ городѣ. Въ деревнѣ ему предстояло позаботиться о заброшенномъ классѣ, большей половиной котораго оно владѣло на крѣпостномъ правѣ и которое составляло почти 9/10 всего населенія государства, которое вынесло на себѣ всѣ военныя и финансовыя тягости страшной реформы, по наряду ставило рекрутовъ для полтавскихъ и кунерсдорфскихъ полей, по запросу отдавало послѣднія деньги бироновскимъ податнымъ сборщикамъ и даже безъ запроса и наряда поставило такого рекрута науки, какъ Ломоносовъ. Дворянству предстояло своимъ знаніемъ и примѣромъ пріучить этотъ классъ къ трезвости, къ правильному труду, производительному употребленію своихъ силъ, къ бережливому пользованію дарами природы, умѣлому веденію хозяйства, къ сознанію своего гражданскаго долга, къ пониманію своихъ правъ и обязанностей. Этимъ благородное сословіе оправдало бы, — нѣтъ, искупило бы историческій грѣхъ обладанія крѣпостными душами. Такой грѣхъ обыкновенно создавался завоеваніемъ, а русское дворянство не завоевывало своихъ крестьянъ и тѣмъ нужнѣе было ему доказать, что его власть не была нарушеніемъ исторической справедливости. Другое дѣло предстояло дворянству въ городѣ. Когда *Недоросль* впервые появился на сценѣ, въ полномъ ходу была реформа губернскихъ учрежденій, предоставлявшая дворянству преобладающее значеніе въ мѣстномъ управленіи и судѣ. Какъ сословіе дисциплинированное и пріученное къ общественной дѣятельности самымъ свойствомъ своей обязательной службы, оно могло бы стать руководителемъ другихъ классовъ мѣстнаго общества,

пріучая ихъ къ самодѣятельности и самообладанію, къ дружной совмѣстной работѣ, отъ которой они отвыкли, обособленные спеціальными сословными правами и обязанностями, — словомъ, могло бы образовать подготовленные кадры мѣстнаго самоуправленія, какъ прежде оно давало арміи подготовленный офицерскій запасъ.

Для той и другой дѣятельности, городской, какъ и деревенской, требовалась серіозная и осторожная подготовка, которой предстояло бороться съ большими затрудненіями. Прежде всего необходимо было запастись средствами, доставляемыми образованіемъ, наукой. Дворянству предстояло на себѣ самомъ показать другимъ классамъ общества, какія средства даетъ для общежитія образованіе, когда становится такой же потребностью въ духовномъ обиходѣ, какую составляетъ питаніе въ обиходѣ физическомъ, а не служитъ только скаковымъ препятствіемъ, черезъ которое перепрыгиваютъ для полученія большихъ чиновъ и доходныхъ мѣстъ, или средствомъ пріобрѣтенія великосвѣтскаго лоска, какъ косметическое подспорье парикмахерскаго прибора.

Можно было опасаться, сумѣетъ ли русское дворянство выбрать изъ бывшаго въ европейскомъ оборотѣ запаса знаній, идей, воззрѣній то, что было ему нужно для домашняго дѣла, а не то, чѣмъ можно было пріятно наполнить досужее бездѣлье. Опасеніе поддерживали вѣсти, шедшія изъ-за границы, о посланныхъ туда въ науку русскихъ молодыхъ людяхъ, которые охотнѣе посѣщали европейскія австеріи и „редуты“ (игорные дома), чѣмъ академіи и другія школы, и „срамотными поступками“ изумляли европейскую полицію. Грозила и другая опасность: въ новыя губернскія учрежденія дворянство могло принести свой старый привычный взглядъ на гражданскую службу, какъ на „кормленіе отъ дѣлъ“. Дворяне прошлаго вѣка относились къ этой службѣ съ пренебреженіемъ, однако не брезговали ею ради ея „наживочныхъ“ удобствъ и даже пользовались ею, какъ средствомъ уклоняться отъ военной службы. Посошковъ въ свое время горько сѣтовалъ на дворянъ „молодиковъ“, которые „живутъ у дѣлъ вмѣсто военнаго дѣла“, да учатся, „какъ бы имъ наживать и службы отлынять“.

Правительство начало заботиться объ учебной подготовкѣ дворянства къ гражданской службѣ раньше, чѣмъ снята была съ сословія срочная воинская повинность. По многопредметной программѣ открытаго въ 1731 г. шляхетнаго кадетскаго корпуса кадеты должны были обучаться, между прочимъ, реторикѣ, географіи, исторіи, геральдикѣ, юриспруденціи, морали. Образованные русскіе люди того времени, напримѣръ, Татищевъ (въ *Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ* и въ *Духовной)*, настойчиво твердили, что всему русскому шляхетству послѣ исповѣданія вѣры прежде всего необходимо знаніе законовъ гражданскихъ и состояніе собственнаго отечества, русской географіи и исторіи. Разумѣется, при Екатеринѣ II „гражданское ученіе“, которое воспитывало бы не столько ученыхъ, сколько гражданъ, стало еще выше въ предначертаніяхъ правительства. По плану Бецкаго изъ преобразованнаго шляхетнаго корпуса дворянскій недоросль долженъ былъ вы-

ходить воиномъ, гражданиномъ, знающимъ и военное и гражданское дѣло, способнымъ вести дѣла и въ лагерѣ и въ сенатѣ, короче, мужемъ одинаково пригоднымъ belli domique.

Это было бы великое дѣло, если бы планъ удался, и изъ среды Иванушекъ и Митрофанушекъ пошли бы такіе разносторонне-пригодные мужи. Случилось такъ, что въ ту же осень, когда впервые сыгранъ былъ *Недоросль*, въ Петербургѣ совершились два важныя событія: составлена комиссія объ учрежденіи народныхъ школъ въ Россіи и открытъ памятникъ Петру Великому. Знаменательное совпаденіе! Если бы дворянство шло путемъ, какой указанъ былъ ему Петромъ I, ода того вѣка могла бы, пользуясь случаемъ, изобразить, какъ преобразователь, вышедши изъ своей петропавловской гробницы и „увидѣвъ себя на вольномъ воздухѣ“ — выраженіе Екатерины II въ письмѣ къ Гримму по поводу открытія памятника — отверзаетъ свои давно сомкнутыя уста, чтобы сказать: *Нынѣ отпущаеши*. Но вышла не ода, а комедія, чтобы предостеречь сословіе отъ опасности не попасть на указанный ему путь. *Недоросль* даетъ такое предостереженіе въ рѣзкихъ, внушительныхъ формахъ, понятныхъ и публикѣ, непривычной къ комическимъ тонкостямъ; его понялъ даже братъ попавшейся госпожи Простаковой, самъ Тарасъ Скотининъ, сказавъ: „Да этакъ и всякій Скотининъ можетъ попасть подъ опеку“. Въ усадьбѣ г-жи Простаковой преобразовательно, для примѣра — разыграна дальнѣйшая судьба той части дворянства, которая мыслила и понимала свое положеніе по-простаковски. Сословію предстояло приготовиться къ отвѣтственной и патріотической роли руководителя мѣстнаго управленія и общества, а г-жа Простакова говоритъ: „да что за радость и выучиться? кто посмышленѣе, того свои же братья тотчасъ выберутъ еще въ какую-нибудь должность“. Сословіе призывалось къ попечительной и человѣколюбивой дѣятельности въ крѣпостной деревнѣ, а г-жа Простакова, видя, что чиновникъ намѣстника отнялъ у нея власть буйствовать въ домѣ, въ комической тоскѣ восклицаетъ: „Куда я гожусь, когда въ моемъ домѣ моимъ же рукамъ и воли нѣтъ?“ За то господамъ Простаковымъ и опека. Ништо имъ!

Въ *Недорослѣ* дурные люди стараго закала поставлены прямо противъ новыхъ идей, воплощенныхъ въ блѣдныя добродѣтельныя фигуры Стародума, Правдина и другихъ, которые пришли сказать тѣмъ людямъ, что времена измѣнились, что надобно воспитываться, мыслить и поступать не такъ, какъ они это привыкли дѣлать, что дворянину безчестно ничего не дѣлать, „когда есть ему столько дѣла, есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить“. Но старые люди не хотѣли понять новыхъ требованій времени и своего положенія, и законъ готовъ наложить на нихъ свою тяжелую руку. На сценѣ представлено было то, что грозило въ дѣйствительности: комедія хотѣла дать строгій урокъ непонятливымъ людямъ, чтобы не стать для нихъ зловѣщимъ пророчествомъ. *Ключевскій.*

)медія Фонвизина „Недоросль“, ея содержаніе и построеніе.

Первое лицо, выходящее на сцену въ „Недорослѣ“ — Проставa, смѣсь грубой любви къ сыну, нахальства и дерзости помѣщицы, чно жившей въ деревнѣ, грозы своего мужа, человѣка кроткаго глупаго. Для нея нѣтъ властей и законовъ; одинъ братъ ея, Скоɜинъ, пользуется у нея авторитетомъ, да и то потому, что онъ ɪтъ и здоровый дѣтина, который можетъ поколотить свою дражайшую :трицу. Простакова заѣлась и зажилась въ деревнѣ, свыклась безпрекословнымъ повиновеніемъ подчиненныхъ, и оттого ея деспоɜмъ съ окружающими доходитъ до крайности; она хочетъ, чтобы а называли бѣлое чернымъ, а черное бѣлымъ, если этого требуетъ ь госпожа. Простакова уже не исключительно скряга или грубокная мать, или бранчивая помѣщица, — нѣтъ, въ ней соединилось, илось и выросло много недостатковъ; она походитъ уже на лицо вое, а не на статую. Изъ какой норы вышелъ такой звѣрокъ, (но по слѣдующимъ словамъ ея:

„Я по отцѣ Скотининыхъ. Покойникъ батюшка женился на покойцѣ матушкѣ. Она была по прозванію Приплодныхъ. Насъ дѣтей ю у нихъ восемнадцать человѣкъ; да, кромѣ меня съ братцемъ, і, по власти Господней, примерли: *иныхъ изъ бани мертвыхъ вытали; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; е о святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами стояли, батюшка*“.

Понятно, какая госпожа должна была выйти изъ такого семейства!

Дѣйствіе открывается тѣмъ, что Простакова осматриваетъ кафɪъ, сшитый Тришкою для сына ея Митрофанушки. Кафтанъ сшитъ юшо, но Простаковой онъ кажется не хорошъ, потому что за труды кно выбранить Тришку. „Не говорила ль я тебѣ, воровская харя, ібы ты кафтанъ пустилъ шире? Дитя, первое, растетъ; другое, я и безъ узкаго кафтана деликатнаго сложенія. Скажи, болванъ, ɪъ ты оправдаешься?“ Видимо, что Тришка уже давно выведенъ › терпѣнія, и хотя часто бывалъ битъ, однако свыкся съ своимъ оженіемъ и укрѣпился въ грубости: „Да вѣдь я, сударыня, учился оучкой. Я тогда же вамъ докладывалъ: *„ну, да извольте отдавать ɪтному“*.

Въ словахъ: „ну, да извольте отдавать портному“, такъ и вињ, что онъ махнулъ рукой и думаетъ: а мнѣ что за дѣло? урокъ, :ъ урокъ; вѣдь все равно, если бъ онъ и не былъ урокъ: я ɪъ бы битъ. Простакова возражаетъ: „Такъ развѣ *необходимо* обно быть портнымъ, чтобы умѣть сшить кафтанъ хорошенько? кое скотское разсужденіе!“

Для Простаковой эта фраза не натяжка; она знаетъ, что не портной можетъ сшить кафтана; но такъ какъ это говоритъ Тришка, то его

разсужденіе—скотское. Приходитъ Простаковъ; о немъ Простакова не говоритъ иначе, какъ съ презрѣніемъ:

„Уродъ мой такъ ужъ рохлею родился. На него находитъ такой, по здѣшнему сказать, столбнякъ. Иногда, выпуча глаза, стоитъ битый часъ, какъ вкопаный. Ужъ чего-то я съ нимъ не дѣлала; чего только онъ у меня не вытерпѣлъ! Ничѣмъ не проймешь. Ежели столбнякъ и пройдетъ, то занесетъ, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка. Онъ смиренъ, какъ теленокъ; оттого-то у насъ въ домѣ все и избаловано. Вѣдь у него нѣтъ того смыслу, чтобы въ домѣ была строгость, чтобы наказать путемъ виновнаго. Все сама управляюсь, батюшка, съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена: то бранюсь, то дерусь...“

Въ домѣ Простаковой живетъ Софья-сиротка; отецъ и мать ея умерли; Простаковы помѣстили ее въ своемъ домѣ и управляютъ ея имѣніемъ. На Софьѣ хочетъ жениться Скотининъ — не потому, чтобы она нравилась ему, нѣтъ, а потому что въ *деревняхъ Софьи водятся свиньи*. Скотининъ говоритъ: „люблю свиней, сестрица; а у насъ въ околоткѣ такія крупныя свиньи, что нѣтъ изъ нихъ ни одной, которая, ставъ на заднія ноги, не была бы больше каждаго изъ насъ цѣлою головою“. Этотъ неумѣстную реплиху Скотининъ повторяетъ безпрестанно на разныя манеры; видимо, что Фонвизинъ хотѣлъ сдѣлать изъ него отличительную черту характера Скотинина, — но Скотининъ имѣетъ свой характеръ, болѣе отличительный...

Простакова не прочь женить Скотинина на Софьѣ, какъ вдругъ приносятъ письмо къ Софьѣ отъ дяди, который живетъ въ Сибири, и который теперь ѣдетъ въ деревню; онъ нажилъ десять тысячъ дохода и наслѣдницею ихъ дѣлаетъ Софью. Простакова перемѣняетъ намѣреніе женить Скотинина на Софьѣ и хочетъ устроить свадьбу Митрофана и Софьи.

Между тѣмъ въ деревню приходитъ отрядъ солдатъ, которымъ командуетъ молодой человѣкъ Милонъ. Онъ влюбленъ въ Софью, а Софья въ него: лица эти такія же, какъ и Добролюбовъ и Софья въ „Бригадирѣ“ — честныя, благородныя, образованныя, однимъ словомъ, такія, которыя, для контраста съ дураками, всегда были въ прежнихъ комедіяхъ; они говорятъ умно общими мѣстами и походятъ другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Поэтому мы о нихъ и не будемъ распространяться. Во время нѣжнаго разговора Софьи и Милона подходитъ къ нимъ Скотининъ и говоритъ: „Привезла меня сюда сестра жениться; теперь же сама подъѣхала съ отводомъ, „что де тебѣ, братецъ, въ женѣ; была бы де у тебя, братецъ, хорошая свинья“. — „Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу. Меня не проведешь...“ И далѣе въ этомъ же родѣ. Ему говорятъ, что у него есть соперникъ — Митрофанушка. Скотининъ озлобился, зоветъ къ себѣ Митрофанушку и говоритъ ему:

„Митрофанъ, ты теперь отъ смерти на волоску. Скажи всю правду. Если бъ я грѣха не побоялся я бы тѣ, не говоря еще ни слова,

за ноги да объ уголъ; да не хочу губить души, не найдя виноватаго. Смотри жъ, не отпирайся, *чтобъ я въ сердцахъ не вышибъ изъ тебя духу. Тутъ ужъ руки не подставишь.* Мой грѣхъ; виноватъ Богу и государю. Смотри жъ и не клепи на себя, чтобъ напрасныхъ побой не принять".

Вотъ это настоящій Скотининъ, несмотря на то, что онъ не говоритъ о свиньяхъ. Тѣнь этого Скотинина носилась въ воображеніи Фонвизина, когда онъ чертилъ характеръ Бригадира; но тамъ этотъ образъ былъ смутенъ, не рѣзокъ: здѣсь онъ отчетливъ, ясенъ. Только этотъ Скотининъ могъ выражаться такъ, когда къ нему лѣзла сестра драться за Митрофана: „Отвяжись, сестра! дойдетъ дѣло до ломки, погну, такъ затрещишь..." Скотининъ любилъ слушать исторіи, которыя ему разсказывалъ выборный, и приговаривалъ: „мастеръ, собачій сынъ! откуда что берется"? „Этотъ Скотининъ хотѣлъ побить Митрофана, но его не допустили. Послѣ того приходятъ учителя, Кутейкинъ и Цыфиркинъ, которые были бы хороши, если бы не были утрированы. Напр., Кутейкинъ говоритъ, что онъ изъ ученыхъ:

„Семинаріи здѣшнія епархіи. Ходилъ до реторики, да Богу изволившу, назадъ воротился. Подавалъ въ консисторію челобитье, въ которомъ просилъ: Такой-то де семинаристъ, изъ церковныхъ дѣтей, *убоася бездны премудрости, проситъ отъ нея объ увольненіи.* На что и милостивая резолюція вскорѣ воспослѣдовала, съ отмѣткою: „Такого-то де семинариста отъ всякаго ученія уволить: *писано бо есть — не мечите бисера предъ свиньями да не попрутъ его ногами.*

Это разсказываетъ самъ Кутейкинъ! Цыфиркинъ зараженъ страстью острить такъ же, какъ и другіе герои Фонвизина; напр., онъ при Простаковой, которая кормитъ его на кухнѣ и при случаѣ можетъ побить говоритъ: „Вотъ у ихъ благородія надъ *ломаными* третій годъ бьемся, да что-то плохо *клеятся. Ну и то правда, человѣкъ на человѣка не приходитъ*".

Кутейкинъ и Цыфиркинъ хотѣли учить Митрофана; но онъ жалуется, что его чуть не убилъ дядя. Дѣло перемѣняется, учителей отправляютъ накормить, а сама Простакова взъѣдается на Еремѣевну; слѣдуетъ превосходная сцена между ними обѣими:

Еремѣевна. Все дядюшка напугалъ: чуть было въ волоски ему не вцѣпился. А ни за што ни про што...

Простакова *(въ злобѣ)* Ну...

Ерем. Присталъ къ нему: хочешь ли жениться?...

Прост. Ну...

Ерем. Дитя не потаилъ; ужъ давно-де, батюшка, охота беретъ. Какъ онъ остервенится, моя матушка! какъ вскинется!...

Прост. *(дрожа).* Ну... а ты, бестія, остолбенѣла? а ты не вцѣпилась *братцу* въ харю? а ты не раздернула ему рыла по уши?...

Ерем. Приняло было! Охъ, приняла, да...

Прост. Да что?... не твое дитя, бестія! По тебѣ ребенка хоть убей до смерти.

Ерем. Ахъ, Создатель! спаси и помилуй! Да кабы *братецъ* въ ту жъ минуту отойти не изволилъ, то бъ я съ нимъ поломалась, во что бы Богъ ни поставилъ: притупились бы эти (показываетъ на ногти), я бы и клыковъ беречь не стала.

Прост. Всѣ вы, бестіи, усердны на однѣхъ словахъ, а на дѣлѣ“...

Это трижды повторенное *ну* во время разсказа Еремѣевны, это язвительное употребленіе слова „братецъ“, которому хотятъ впиться въ харю, эта привязанность Еремѣевны къ дѣтищу, которое ей дано на сохраненіе, — все это дѣлаетъ эту сцену чрезвычайно драматичною.

Въ третьемъ дѣйствіи является угрюмый дядюшка Стародумъ и разсуждаетъ съ Правдинымъ о воспитаніи, о политикѣ, о своей жизни и о многомъ другомъ; онъ пріѣхалъ освободить Софью отъ Простаковой. Начинаютъ представляться Стародуму. Простакова хочетъ задобрить его въ пользу своего сына; Скотининъ повторяетъ только про себя: „Тотъ-то! онъ-то! дядюшка-то!“ По уходѣ Стародума Митрофана заставляютъ учиться, чтобы дядюшка могъ слышать, что вотъ дитя воспитываютъ; приходитъ нѣмецъ-учитель, Вральманъ, такая же карикатура, какъ Кутейкинъ и Цыфиркинъ, и уговариваетъ Простакову перестать учить сына.

Въ четвертомъ дѣйствіи Стародумъ объясняетъ Софьѣ значеніе истинной любви, значеніе нравственности, значеніе супружеской жизни; является Милонъ, и Стародумъ благословляетъ союзъ Софьи. — Но пьеса этимъ не кончается и не должна кончиться, потому что въ ней главное лицо не Софья и Милонъ, не Недоросль, а Простакова, которая хочетъ женить своего сына на богатой дѣвицѣ. Она лѣзла драться съ Скотининымъ, когда онъ былъ соперникомъ: теперь ей предстоитъ новая борьба съ Стародумомъ, который выдаетъ Софью за Милона, а не за Митрофана; слѣдовательно, роль Простаковой не окончена — она только разгорается. Фонвизинъ это очень хорошо понималъ, и потому заставилъ Простакову дѣйствовать. Она, узнавъ о намѣреніи Стародума выдать Софью за Милона, составляетъ планъ увезти Софью и насильно обвѣнчать ее. Вотъ послѣдняя сцена. Но этотъ замыселъ не удается: Софью спасаютъ, а слуги, которые схватили Софью, разбѣгаются. Простакова въ ярости; она кричитъ: „Какая я госпожа въ домѣ? Чужой погрозилъ, — приказъ мой ни во что“. Но ей говорятъ, что ее отдадутъ еще подъ судъ; она бросается на колѣни и умоляетъ Стародума: „Батюшка, прости ты меня, грѣшную. Вѣдь я человѣкъ, не ангелъ“. Стародумъ ее прощаетъ. Простакова оживаетъ; страхъ прошелъ: она опять является прежней Простаковой и тутъ же при Стародумѣ говоритъ: „Простилъ! Ну теперь-то дамъ я зорю канальямъ, своимъ людямъ; теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ; теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ! Нѣтъ, мошенники! Нѣтъ, воры! Вѣкъ не прощу этой насмѣшки“.

Правдинъ. А за что вы хотите наказывать людей вашихъ?

Простакова. Ахъ, батюшка! это что за вопросъ? Развѣ я не властна и въ своихъ людяхъ?

Правд. А вы считаете себя въ правѣ драться тогда, когда вамъ вздумается!... Нѣтъ, сударыня, тиранствовать никто не воленъ.

Прост. Не воленъ! Дворянинъ, когда хочетъ, и слуги высѣчь не воленъ! Да на что жъ данъ намъ указъ-отъ о вольности дворянства?

Но на этомъ мѣстѣ Правдинъ объявляетъ ей другой указъ о томъ, что домъ ея беретъ правительство въ опеку за безчеловѣчные поступки. На это Простакова плачется: „Батюшка, не погуби ты меня! Что тебѣ прибыли? Не возможно ль тебѣ какъ-нибудь указъ поотмѣнить? Всѣ ли указы исполняются!... Дай мнѣ сроку хоть на три дня... *(въ сторону)* я дала бы себя знать...“ Но, видя, что люди эти неумолимы, она бросается обнимать сына и говоритъ: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!“ Но Митрофанъ очень хорошо отвѣчаетъ ей: „Да отвяжись, матушка! какъ навязалась...“ — Этимъ кончается „Недоросль“.

Первое, что васъ пріятно поражаетъ въ этой комедіи, по сравненію съ „Бригадиромъ“, — единство дѣйствія. Тутъ есть не только жизнь, но и единство; главное лицо, на которомъ держится пьеса, — Простакова. По отдѣлкѣ этого лица Фонвизинъ почти выходитъ изъ своей постоянной роли сатирика; въ ней мы не замѣчаемъ преувеличеній, неумѣстныхъ остротъ, исключительной односторонности, которыми заражены прочія лица даже въ „Недорослѣ“. Простакова, нѣжная мать, страстно любитъ своего сына, но любовью неразумною, животною; она готова со всѣми передраться за Митрофанушку, но не понимаетъ, что эта любовь губитъ сына. Въ глазахъ ея Митрофанъ будетъ ребенкомъ, когда ему будетъ даже тридцать лѣтъ: эта лучшая характеристика такой любви. Она сварлива, никому не подчиняется, но любовь къ сыну можетъ ее подвинуть на униженіе, подличанье передъ Стародумомъ; въ ея глазахъ имѣютъ значеніе однѣ физическія силы и богатство; все остальное — тлѣнъ. Умъ и сердце ея безпрестанно заняты копленіемъ денегъ для Митрофанушки, всякаго рода стяжаніями въ пользу его; она даже его учитъ, потому что говорятъ, будто ученье начинаетъ приносить пользу молодымъ людямъ; но въ дѣйствительпую пользу ученія она нисколько не вѣритъ, и потому соблюдаетъ одинъ внѣшній обрядъ ученія. Она говоритъ Вральману: „Ребенокъ, не выучась, поѣзжай-ка въ тотъ же Петербургъ, — скажутъ: дуракъ. Умницъ-то нынче завелось много; ихъ-то я боюсь“. Она не только ихъ боится, но они ей противны; она вѣритъ Вральману больше, нежели Кутейкину и Цыфиркину, потому что вѣдь у нѣмцевъ же русскіе учатся. „Мы“ (говоритъ Простакова) „въ Москвѣ приняли *иноземца* на шесть лѣтъ и, чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили“. „*Подрядился* учить, чему мы хотимъ“. Кто не ученъ, того, значитъ, учили, по словамъ Простаковой, *какъ красную дѣвушку*. Мужъ въ ея глазахъ не имѣетъ никакой цѣны, потому что не дерется съ дворней. Эта-то Простакова затаила мысль женить Митрофана на Софьѣ и для этого начинаетъ угождать Софьѣ, Стародуму, дурачить брата, Скотинина, котораго уважала за ростъ и до-

чаются они въ мірѣ дѣйствительности, трагическія развязки нерѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевляющая оное, достойна уваженія и признательности! Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло, что̀, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе. Между тѣмъ и комическая сторона „Недоросля“ не менѣе удачна. Въ сей драмѣ замѣтенъ одинъ недостатокъ: недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія. Изъ сорока явленій, въ числѣ коихъ нѣсколько довольно длинныхъ, едва ли найдется во всей драмѣ треть, и то короткихъ, входящихъ въ составъ самаго дѣйствія и развивающихся изъ него, какъ изъ драматическаго клубка.

Первое дѣйствіе почти съ начала до конца ведено драматически. Въ трехъ первыхъ явленіяхъ мастерски выставленъ характеръ Простаковой. Первое явленіе заключается въ нѣсколькихъ словахъ, сказанныхъ ею, но они такъ выразительны, что его можно прочесть прекраснымъ изложеніемъ не дѣйствія драмы, потому что не оно главное, но главнаго лица, которому все прочее служитъ одною обстановкою. Разговоръ ея съ портнымъ Тришкою, или, лучше сказать, пожалованнымъ въ портные, исполненъ комической силы. Веселость автора совершенно приноровлена къ лицамъ: сцена совершенно русская, снятая съ природы. Перепалка возраженій между госпожею и *портнымъ поневолѣ* оживлена драматическимъ крешендо и кончается неодолимымъ возраженіемъ его: *„Да первый-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего!“* Поболѣе такихъ явленій, — и Фонвизинъ былъ бы одинъ изъ остроумнѣйшихъ комиковъ. Вообще всѣ сцены, въ которыхъ является *Простакова*, исполнены жизни и вѣрности, потому что характеръ ея выдержанъ до конца съ неослабѣвающимъ искусствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною. Смѣсь наглости и низости, трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ. Въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ еще болѣе искусства и глубокаго сердцевѣдѣнія. Когда Стародумъ прощаетъ Простакову, и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: „Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то дамъ я зорю канальямъ, своимъ людямъ“, тутъ слышенъ голосъ природы. Скупость ея прорывается весьма забавно въ сценѣ, когда Правдинъ, назначенный отъ правительства опекуномъ надъ деревнею ея, разсчитывается съ учителями Митрофанушки. Тутъ уже не хвастаетъ она, какъ прежде, познаніями своего сына, и невольно говоритъ Кутейкину: „Да какъ пошло на правду, чему ты выучилъ Митрофанушку“? Но послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельныя плоды злонравія ея и воспитанія, даннаго сыну.

Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка“! а онъ отвѣчаетъ ей: „Да отвяжись, матушка, какъ навязалась“! Признаюсь, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина такъ прискорбна, почерпнута изъ такой глубины сердца человѣческаго, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонвизинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ. Сказываютъ, что французскій комикъ Пикаръ имѣлъ привычку излагать, въ видѣ романа и приготовительнаго труда, исторію главныхъ лицъ комедій своихъ. Этимъ способомъ судилъ онъ и другихъ комиковъ. Правило остроумное и полезное! Изъ того, что видимъ на сценѣ, мы коротко знаемъ Простакову и могли бы начертать полную біографію ея. Не всѣ комическіе портреты такъ поучительны и откровенны. У многихъ нашихъ комиковъ узнаешь о представленныхъ ими лицахъ только то, что сказано про нихъ на афишахъ. Скотининъ карикатура; онъ въ родѣ театральныхъ тирановъ классической трагедіи и говоритъ о любви своей къ свиньямъ, какъ Дмитрій Самозванецъ Сумарокова о любви къ злодѣйствамъ. Но сцена его съ Митрофанушкою и Еремѣевной очень забавна. Вообще характеръ мамы, хотя вскользь обозначенный, удивительно вѣренъ: въ немъ много русской холопской оригинальности. Пересказываютъ со словъ самого автора, что, приступая къ упомянутому явленію, пошелъ онъ гулять, чтобы въ прогулкѣ обдумать его. У Мясницкихъ воротъ набрелъ онъ на драку двухъ бабъ; остановился и началъ сторожить природу. Возвратясь домой съ добычею наблюденій, начерталъ онъ явленіе свое и вмѣстилъ въ него слово „зацѣпы“, подслушанное имъ на полѣ битвы. Роль Стародума можно раздѣлить на двѣ части: въ первой онъ рѣшитель дѣйствія и развязки, если не содѣйствіемъ, то волею своею; въ другой онъ лицо вставное, нравоученіе, подобіе хора въ древней трагедіи. Тутъ авторъ выразилъ нѣсколько истинъ, изложилъ нѣсколько мнѣній своихъ. Въ доказательство, что эта часть не идетъ къ дѣлу, напомнимъ, что въ представленіи много выкидывается изъ роли *Стародума*. Была бы пьеса написана хорошими стихами, то, вѣроятно, терпѣніе партера не утомилось бы отступленіями; но невыгода *Стародума* предъ древнимъ хоромъ въ томъ, что сей выражается поэзіею лирическою, а тотъ дидактической прозой, которая скучна подъ конецъ. Въ прозѣ должно быть бережливѣе, несмотря на Дидерота, которому казалось, что на театрѣ можно разсуждать о важнѣйшихъ нравственныхъ запросахъ, не вредя быстрому и стремительному ходу драматическаго дѣйствія. Но дѣло въ томъ, что Дидеротъ проповѣдывалъ въ свою пользу: онъ, какъ и Фонвизинъ, былъ нѣсколько декламаторъ и любилъ поучать. Можно еще прибавить, что многое изъ нравоученій Стародума хотя и весьма справедливо и назидательно, но довольно обыкновенно. Анатомія словъ, любимое средство автора, выказывается и здѣсь. Сцену

Стародума съ Милономъ можно назвать испытаніемъ въ курсѣ практической нравственности и сценою синонимовъ, въ которой, какъ въ словарѣ, разсѣкается значеніе словъ *неустрашимость* и *храбрость*. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обществѣ встрѣчаются говоруны или поучители, подобные Стародуму; но правда и то, что они скучны и что отъ нихъ бѣгаешь. На сценѣ они еще скучнѣе, потому что въ театръ ѣздишь для удовольствія, а слушая ихъ, подвергаешься скукѣ добровольной. Между тѣмъ, первое явленіе пятаго дѣйствія приноситъ честь и писателю и государю, въ царствованіе коего оно написано. Можетъ быть, замѣтимъ еще, что Стародумъ, разбогатѣвшій въ Сибири и нечаянно возвращающійся, чтобы обогатить племянницу свою, сбивается нѣсколько на непремѣнныхъ дядей французской комедіи, которые, для развязки комической интриги, падали изъ Америки золотымъ дождемъ на голову какого-нибудь бѣднаго родственника.

Роли Милона и Софьи блѣдны. Хотя взаимная склонность ихъ одна изъ главныхъ завязокъ всего дѣйствія, но счастливой развязкѣ ея радуешься развѣ изъ безпристрастной любви къ ближнему. Правдинъ — чиновникъ; онъ разрѣзываетъ мечомъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно бы быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника. Въ нашихъ комедіяхъ начальство часто занимаетъ мѣсто рока (fatum) въ древнихъ трагедіяхъ, но въ этомъ случаѣ должно допустить рѣшительное посредничество власти, ибо имъ однимъ можетъ быть довершено наказаніе Простаковой, которое было бы неполно, если бы имѣніе осталось въ рукахъ ея. Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ — забавныя карикатуры; и послѣдній и слишкомъ карикатуренъ, хотя, къ сожалѣнію, и не совсѣмъ несбыточное дѣло, что встарину нѣмецъ-кучеръ попалъ въ учителя въ домъ Простаковыхъ.

Мнѣ случалось слышать, что Фонвизина упрекали въ исключительной цѣли, съ которою будто начерталъ онъ лицо Недоросля, осмѣивая въ немъ неслужащихъ дворянъ. Кажется, это предположеніе вовсе неосновательно. Во-первыхъ, Фонвизинъ не сталъ бы мѣтить въ небывалое зло. Одни новые комики наши стали сочинять нравы и выдумывать лица. Дворянство наше винить можно не въ томъ, что оно иногда худо готовится къ службѣ, не запасаясь необходимыми познаніями, чтобы быть ей полезнымъ. *Недоросль* не тѣмъ смѣшонъ и жалокъ, что шестнадцати лѣтъ онъ еще не служитъ; жалокъ былъ бы онъ служа, не достигнувъ возраста разсудка; но смѣешься надъ нимъ оттого, что онъ неучъ. Правда, что правило Стародума, по которому въ одномъ только случаѣ позволяется дворянину выходить въ отставку, *когда онъ внутренно удостовѣренъ, что служба его прямой пользы отечеству не приноситъ,* слишкомъ исключительно. Дворянинъ предъ самымъ отечествомъ можетъ имѣть и безъ службы священныя обязанности. Дворянинъ, который усердно занимался бы благоустройствомъ и возможнымъ нравственнымъ образованіемъ подвластныхъ себѣ, воспитаніемъ дѣтей, какою-нибудь отраслью просвѣщенія или промышленности, былъ бы не менѣе участникомъ въ общемъ дѣлѣ государствен-

ной пользы и споспѣшникомъ видовъ благонамѣреннаго правительства, хотя и не былъ бы включенъ въ списки адресъ-календаря. Къ тому же, правило Стародума несбыточно въ исполненіи: въ государствѣ нѣтъ довольно служебныхъ мѣстъ для поголовнаго ополченія дворянства. Должно признаться, что и Правдинъ имѣетъ довольно странное понятіе о службѣ, говоря Митрофанушкѣ въ концѣ комедіи: „Съ тобою, дружокъ, знаю, что дѣлать: пошелъ-ка служить“! Ему сказать бы: „Пошелъ-ка въ училище“! а то хорошій подарокъ готовитъ онъ службѣ въ лицѣ безграмотнаго повѣсы.

Успѣхъ комедіи „Недоросль“ былъ рѣшительный. Нравственное дѣйствіе ея несомнѣнно. Нѣкоторыя изъ именъ дѣйствующихъ лицъ сдѣлались нарицательными и употребляются донынѣ въ народномъ обращеніи. Въ сей комедіи такъ много дѣйствительности, что провинціальныя преданія именуютъ еще и нынѣ нѣсколько лицъ, будто служившихъ подлинниками автору. Мнѣ самому случалось встрѣтиться въ провинціяхъ съ двумя или тремя живыми экземплярами Митрофанушки, т.-е. будто служившими образцомъ Фонвизину. Вѣроятно, преданіе ложное, но и въ самыхъ ложныхъ преданіяхъ есть нѣкоторый отголосокъ истины. Въ „Бригадирѣ“ есть тоже намеки на живыя лица, и между прочими на какого-то президента коллегіи, который любилъ великорослыхъ, и по росту опредѣлялъ подчиненныхъ своихъ на мѣста. Если правда, что князь Потемкинъ, послѣ перваго представленія „Недоросля“, сказалъ автору: „Умри, Денисъ, или больше ничего уже не пиши!“ то жаль, что эти слова оказались пророческими, и что Фонвизинъ не писалъ уже болѣе для театра. Онъ далеко не дошелъ до геркулесовыхъ столповъ драматическаго искусства; можно сказать, что онъ и не создалъ русской комедіи, какова она быть должна; но и то, что онъ совершилъ, особенно же при общихъ неудачахъ, есть уже важное событіе...

Странно, что направленіе, данное авторомъ нашимъ, имѣло мало послѣдователей въ литературномъ отношеніи: ибо нельзя назвать послѣдованіемъ ему то, что, сходно съ замѣчаніемъ одного остроумнаго критика, комедія наша расположилась въ лакейской, какъ дома, или принесла лакейскіе нравы и языкъ въ гостиныя, потому что Фонвизинъ и въ дворянскомъ семействѣ нашелъ Простаковыхъ. Наши комики переняли у него нѣкоторые пріемы, положенія, мѣстность, думая, что въ нихъ-то и заключается вся комическая сила; но она у него потому сила, что не изыскана, а коренная, природная. Напротивъ же у его послѣдователей то же самое есть безсиліе, потому что оно заимствованное и неестественное.

П. Вяземскій.

Характеристика дѣйствующихъ лицъ въ „Недорослѣ“ въ связи съ бытовой обстановкой.

Еще выше „Бригадира“ въ художественномъ отношеніи стоитъ его „Недоросль“. Это и не удивительно: цѣлыя 15 лѣтъ раздѣляютъ одно произведеніе отъ другого.

За это время и развитіе Фонвизина и его знакомство съ жизнію и литературою не могло не сдѣлать важнаго шага впередъ. Достаточно указать, что въ промежутокъ этого времени онъ успѣлъ совершить заграничное путешествіе, побывать въ Парижѣ и познакомиться здѣсь лично съ многими представителями тогдашней французской образованности. Какъ ни строго онъ осудилъ тогдашній политическій и общественный строй западно-европейской жизни, какъ ни отрицательно отнесся онъ къ западо-европейской наукѣ, несомнѣнно, однако, что путешествіе это широко раздвинуло рамки его общественныхъ воззрѣній, существенно повліяло и на его литературную дѣятельность. Поэтому мы встрѣчаемъ здѣсь такую полноту наблюденія избранной имъ бытовой обстановки, такую опредѣленность воззрѣній на текущую современность, какихъ и слѣда нѣтъ въ „Бригадирѣ“.

Задача комедіи—осмѣять недостатки современнаго воспитанія. Какъ и въ „Бригадирѣ“, вопросъ о воспитаніи разрѣшается въ связи съ живой бытовой обстановкой; только пониманіе давленія этой обстановки на слѣдствія воспитанія глубже и выполненіе несравненно лучше. Въ „Бригадирѣ“ отецъ и мать, давая французское образованіе своему сыну, дѣятельно не вліяютъ на ходъ его, а потому и слѣдствія его вышли для нихъ неожиданныя. Мать ничего не понимаетъ ни во взглядахъ ни въ дѣйствіяхъ сына; отецъ же отъ начала до конца протестуетъ противъ одного и другого. Въ свою очередь, для насъ совершенно непонятно, какому вліянію обязана Софья своимъ умомъ и своимъ характеромъ, потому что свойства ума и дѣйствій ея отца—совѣтника не могли необходимо вести къ такимъ послѣдствіямъ. Иное мы видимъ въ „Недорослѣ“: мать постоянно вмѣшивается въ образованіе и воспитаніе сына, а потому совершенно довольна своимъ дѣтищемъ. Вотъ эта-то тѣсная связь, которую такъ тонко умѣлъ подмѣтить и провести Фонвизинъ, связь отдѣльной личности съ бытовой средой и дѣлаетъ комедію „Недоросль“ не только любопытной, но очень важной при изученіи общественной жизни второй половины прошлаго столѣтія.

Бытовая обстановка, въ которой наблюдается нами процессъ воспитанія, есть крѣпостная помѣщичья семья. При такой постановкѣ дѣла Фонвизинъ неизбѣжно долженъ былъ высказаться по вопросу о крѣпостномъ правѣ и отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ.

Взглядъ самой императрицы Екатерины на этотъ предметъ можно достаточно хорошо прослѣдить по ея „Наказу“. Гуманное начало, изъ котораго она при этомъ выходитъ, состоитъ въ указанномъ ею

равенствѣ всѣхъ предъ закономъ. Равенство это, по ея опредѣленію „состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ“ (§ 34). „Сіе равенство требуетъ“, говоритъ Екатерина въ слѣдующемъ параграфѣ, „хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать въ собственную пользу чины и званія, поручаемыя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства“ (§ 35). Эта идея равенства всѣхъ предъ закономъ была особенно важна въ пору крѣпостного права, когда помѣщикъ въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостному человѣку могъ считать себя какъ бы изъятымъ изъ дѣйствія общихъ законовъ. Не будь у нѣкоторыхъ изъ нихъ этого сознанія, никогда бы не могли развиться тѣ крайности крѣпостного права, которыя существовали въ дѣйствительности. Изъ области уголовной практики того времени достаточно указать судебное дѣло жены ротмистра Салтыковой, извѣстной больше подъ именемъ Салтычихи. Ее обвиняли въ убійствѣ 75 человѣкъ своихъ крѣпостныхъ людей, такъ что объ ней составилась молва, что она людоѣдка. Двадцать одинъ разъ начиналось о ней дѣло и оканчивалось ничѣмъ до тѣхъ поръ, пока двумъ крестьянамъ не удалось подать челобитной самой императрицѣ. Раскаленныя щипцы, утюги, горячая вода, побои, кнутъ и т. п. орудія служили наказаніемъ тѣхъ, которые провинились въ дурномъ мытьѣ пола и платья. Полиція и чиновники были задарены, такъ что Салтыкова открыто выражала свое полное спокойствіе отъ послѣдствій доносовъ. Салтыкова представляетъ собою, конечно, крайнее проявленіе помѣщичьяго деспотизма; хорошо однако извѣстно, что гуманное обращеніе съ крѣпостными составляло вообще рѣдкость. Сама императрица замѣчаетъ въ „Наказѣ“: Петръ Великій узаконилъ въ 1722 году, чтобъ безумные и подданныхъ своихъ мучащіе были подъ смотрѣніемъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненіе, а послѣдняя для чего безъ дѣйствія осталася, неизвѣстно“ (§ 256). Отсюда становится понятнымъ, какъ многозначительно было проведеніе путемъ законодательнымъ идеи равенства всѣхъ предъ закономъ. Рядомъ съ ней въ сущности очень мало могло имѣть мѣсто крѣпостное право. Екатерина понимала это, а потому вооружалась если не противъ самаго факта крѣпостного права, то противъ его послѣдствій. Она хорошо видѣла и важность крѣпостного вопроса и тяжелое положеніе самихъ крѣпостныхъ; но видѣла и трудность освобожденія въ виду интересовъ, съ нимъ связанныхъ. Что она не прочь была отъ освобожденія крестьянъ, видно изъ 260 § „Наказа“, въ которомъ читаетъ: „Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ“. Такимъ образомъ, Екатерина стояла за постепенное освобожденіе крестьянъ. Въ своихъ запискахъ, писанныхъ ею еще въ бытность великою княжною, она предначертываетъ и форму постепеннаго освобожденія крѣпостныхъ — объявлять ихъ свободными при переходѣ помѣщичьихъ имуществъ въ другія руки. За постепенность освобожденія крестьянъ стояли тогда и лучшіе представители

западно-европейской образованности. Еще яснѣе понимала Екатерина важность крѣпостного вопроса для спокойствія государства. Она настаиваетъ на немедленномъ изслѣдованіи причинъ, которыя такъ часто приводятъ къ непослушанію рабовъ своимъ господамъ (§ 263 „Нак.“). Хорошо понимала она и послѣдующую связь пугачевщины съ крѣпостничествомъ, и уже послѣ усмиренія возстанія писала князю Вяземскому: „пророчествовать можно, что если за жизнь одного помѣщика въ отвѣтъ и наказаніе будутъ истреблять цѣлыя деревни, то бунтъ всѣхъ крѣпостныхъ деревень воспослѣдуетъ и что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ таково критическое, что окромя тишиной и человѣколюбивыми учрежденіями ничѣмъ избѣгнуть не можно“. На выработку человѣколюбивыхъ учрежденій относительно крѣпостныхъ Екатерина старалась направить еще вниманіе депутатовъ комиссіи уложенія, полагая, что самое лучшее законодательство есть то, которое отвѣчаетъ „расположенію народа“ (§ 262). Съ своей стороны, она обращала вниманіе депутатовъ на вредъ для экономическаго положенія государства отъ современной формы крѣпостного права, на то, что обычай помѣщиковъ облагать крестьянъ большими подушными оброками убиваетъ земледѣліе и уменьшаетъ народонаселеніе. (§ 269); потому что вслѣдствіе такихъ оброковъ крестьянинъ вынужденъ прибѣгать къ заработкамъ на сторонѣ, такъ что иной крестьянинъ не бываетъ дома по 15 лѣтъ (§ 271).

Поэтому, говоритъ Екатерина, „весьма бы нужно было предписать помѣщикамъ закономъ, чтобы они съ большимъ разсмотрѣніемъ располагали свои поборы, и тѣ бы поборы брали, которые менѣе мужика отлучаютъ отъ его дома и семейства: тѣмъ бы распространилось больше земледѣліе, и число бы народа въ государствѣ умножилось“ (§ 240). Даже, Екатерина указываетъ, что закрѣпощенный человѣкъ не стремится вытти изъ бѣдности, потому что видитъ безполезность усилій; а кто и скопитъ что-нибудь, — боится пускать въ оборотъ, чтобы богатство не навлекло на него преслѣдованія (§ 276). Наконецъ, Екатерина указываетъ на громадный вредъ для государства и земледѣлія отъ отсутствія у крестьянъ поземельной собственности; потому что каждый болѣе заботится о собственномъ „и никакого не прилагаетъ старанія о томъ, въ чемъ опасаться можетъ, что другой у него отыметъ“ (§ 296). Таковъ взглядъ Екатерины на крѣпостное право. Въ дѣйствительности ей не пришлось осуществить замысловъ лучшей поры ея царствованія, но уже самое обнародованіе ея взглядовъ не могло не принести пользы. Въ числѣ вельможъ ея царствованія мы встрѣчаемъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя хорошо понимаютъ тяжелое положеніе крѣпостныхъ людей и необходимость притти къ нимъ на помощь. Такъ Н. И. Панинъ предлагалъ сочинить „примѣрное положеніе крестьянскимъ работамъ и податямъ для помѣщиковъ“, находилъ справедливымъ ограничить работы 4 днями, а подати — двумя рублями; но въ то же время находилъ необходимымъ не дѣлать этого постановленія гласнымъ.

Фонвизинъ и въ крѣпостномъ вопросѣ не возвысился надъ своимъ временемъ и не проявилъ самобытности мышленія. Онъ не понималъ, что корень зла лежитъ въ самой сущности крѣпостного права, между тѣмъ какъ онъ готовъ видѣть его „въ безчеловѣчіи“ Простаковой, до котораго довело ее „крайнее слабомысліе“ мужа. Такъ, по крайней мѣрѣ, представляетъ дѣло Правдинъ, который съ тѣмъ вмѣстѣ прибавляетъ, что „злонравіе въ благоучрежденномъ государствѣ терпимо быть не можетъ“. Правда, Стародумъ въ одномъ случаѣ заявляетъ, что „угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно“, но подъ гнетомъ онъ разумѣетъ именно злоупотребленіе властью помѣщика. Это видно изъ того, что приведенныя слова сказаны имъ въ отвѣтъ на заявленіе Правдина о полученіи имъ (Правдинымъ) приказа „взять подъ опеку домъ и деревни“, при первомъ бѣшенствѣ (Простаковой), „отъ котораго могли бы пострадать подвластные ей люди“. При такомъ взглядѣ нашего автора на крѣпостной вопросъ, не трудно понять, почему онъ разсматриваетъ его въ связи съ вопросомъ о воспитаніи. Въ данномъ случаѣ наблюдается та же точка зрѣнія, которая высказана и въ „Наказѣ“ императрицы Екатерины: „хотите ли предупредить преступленія? Сдѣлайте, чтобы просвѣщеніе распространилось между людьми“ (§ 245). Стародумъ, въ свою очередь, говоритъ, что воспитаніе „должно быть залогомъ благосостоянія государства“. Въ этомъ взглядѣ Фонвизина нужно искать объясненія и того, почему Простакова является у него воплощеніемъ не только злонравія, но и невѣжества.

Но, указывая въ образованіи средство противъ злоупотребленія властію и къ воспитанію истинныхъ гражданъ, Фонвизинъ разумѣетъ не вообще образованіе, а извѣстную его постановку. Идеаломъ благовоспитаннаго молодого человѣка выступаетъ у него Милонъ, въ которомъ Стародумъ почитаетъ добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ. Вотъ это-то счастливое соединеніе развитія ума и познаній съ доброю нравственностію и составляетъ, по взгляду Фонвизина, единственную цѣль воспитанія. „Я желалъ бы“, говоритъ Стародумъ, „чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ знаній человѣческихъ — благонравіе. Вѣрь мнѣ“, говоритъ онъ Правдину, „что науки въ развращенномъ человѣкѣ есть только лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напримѣръ, чтобы при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его всякій день разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ великіе люди способствовали благу своего отечества; въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употреблявшій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну призрѣнія и поношенія“. Эта характеристика является какъ бы программою цѣлой комедіи и заранѣе опредѣляетъ ея развязку въ судьбѣ злонравной Простаковой, злоупотребившей своей властью и силой. Поэтому Фонвизинъ вообще очень мало придавалъ значенія умственному развитію, взятому самому по себѣ: „Умъ“, говоритъ Софьѣ тотъ же Стародумъ, „коль онъ только что

умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ. Прямую цѣну уму даетъ только благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище". Сущность же и высоту благонравія Фонвизинъ видитъ въ честности, которая является у него не только высотою, но и совмѣщеніемъ всѣхъ добродѣтелей. Подъ честностью онъ разумѣетъ такую степень нравственнаго развитія, когда дѣятельность въ духѣ добродѣтели становится не слѣдствіемъ требованія закона или страха предъ нимъ, а неотразимою потребностью нашей души. „Честный человѣкъ", говоритъ Фонвизинъ въ „Опытѣ россійскаго сословника", „не закону повинуется, не разсужденію слѣдуетъ, не примѣрамъ подражаетъ: въ душѣ его есть нѣчто величавое; влекущее его мыслить и дѣйствовать благородно. Онъ кажется самъ себѣ законодателемъ. Въ немъ нѣтъ робости, подавляющей въ слабыхъ душахъ самую добродѣтель. Онъ никогда не бываетъ орудіемъ порока". Этотъ взглядъ на честность слышимъ мы и отъ Стародума: „Честному человѣку", говоритъ онъ Софьѣ, „никакъ простить нельзя, ежели недостаетъ въ немъ какого-нибудь качества сердца: ему необходимо всѣ имѣть надобно. Достоинство сердца нераздѣлимо. Честный человѣкъ долженъ быть совершенно честный человѣкъ". Поэтому эпитетъ „честнаго человѣка" прилагается Фонвизинымъ къ людямъ въ знакъ высшаго ихъ одобренія. Онъ называетъ Екатерину честнымъ человѣкомъ: „имѣя монархиню честнаго человѣка", говоритъ онъ въ 14 вопросѣ къ „сочинителю былей и небылицъ"; Стародумъ называетъ себя другомъ честныхъ людей; Софья имѣетъ „сердце честнаго человѣка", а потому соединяетъ въ себѣ „обоихъ половъ совершенство"; Милонъ пріятенъ Стародуму уже тѣмъ, что онъ племянникъ графа Честана. Въ біографіи графа Н. И. Панина, составленной Фонвизинымъ, говорится, что „титло честнаго человѣка дано было ему гласомъ цѣлой націи".

Таковъ взглядъ нашего писателя на воспитаніе и его задачи. Поставленное надлежащимъ образомъ, оно должно преобразовать строй общественной и семейной жизни. Невѣжество или неумѣлая постановка образованія являются, наоборотъ, источниками личныхъ и общественныхъ пороковъ. Эту послѣднюю мысль и должна, по замыслу Фонвизина, освѣтить характеристика помѣщичьей семьи Простаковыхъ и система воспитанія Митрофанушки.

Главною и центральною личностью въ „Недорослѣ" выступаетъ предъ нами сама Простакова, которая поэтому даетъ направленіе какъ всему дому, такъ и всему драматическому дѣйствію. Личность ея развилась и опредѣлилась не только въ силу своей внутренней энергіи, но и благодаря той семейной и общественной обстановкѣ, въ которой Простакова выросла и воспиталась. Нашему автору, видимо, хорошо была извѣстна теорія наслѣдственности, а потому, говоря о Простаковой, онъ не забылъ сказать нѣсколько словъ и объ ея родителяхъ. Они, очевидно, принадлежали къ тому типу русскихъ людей допетровскаго покроя, которые держались взгляда, если кому суждено быть

здоровымъ да хорошимъ, то онъ таковымъ и будетъ; а потому дѣти предоставлены ими самимъ себѣ и оставлены безъ всякаго надзора. „Насъ дѣтей было у нихъ восемнадцать человѣкъ“, разсказываетъ Простакова Стародуму, „да кромѣ меня съ братцемъ всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ изъ бани мертвыхъ вытащили, трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались, а достальныя сами не стояли“. Можно поэтому понимать, могли ли такіе родители позаботиться о надлежащемъ образованіи и воспитаніи своихъ дѣтей. Говоря о своемъ воспитаніи, Простакова разсказываетъ тому же Стародуму: „Насъ ничему не учили. Бывало добрые люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобъ хоть братца отдать въ школу, — кстати ли? Покойникъ-свѣтъ и руками и ногами, царство ему небесное! Бывало изволитъ закричать: прокляну ребенка, который что-нибудь переиметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ“. И дѣйствительно, Простакова заявляетъ про себя, что она, слава Богу, такъ воспитана, что можетъ получать письма, но читаютъ ихъ другіе. Въ родительской же семьѣ выучилась Простакова скопидомству и неразборчивымъ средствамъ пріобрѣтать состояніе. Отецъ ея былъ воеводою и сумѣлъ достаточекъ нажить и сохранить“. По разсказу Простаковой, „челобитчиковъ принималъ всегда, бывало, сидя на желѣзномъ сундукѣ. Послѣ всякаго сундукъ отворитъ и что-нибудь положитъ. То-то экономъ былъ. Жизни не жалѣлъ, чтобъ изъ сундука ничего не вынуть. Передъ другимъ не похвалюсь, отъ васъ не потаю: покойникъ-свѣтъ, лежа на сундукѣ съ деньгами, умеръ, такъ сказать, съ голоду“. Любопытно въ этомъ разсказѣ дочери настроеніе, съ которымъ она припоминаетъ обстановку своего дѣтства. Послѣ этого нисколько не удивительно, что движимое имѣніе Софьи въ теченіе какого-нибудь полгода оказалось „выдвинутымъ“. Таково было дѣтство Простаковой. Очевидно, изъ родительской семьи она не вынесла ни умственнаго образованія ни здоровыхъ нравственныхъ понятій, въ которыхъ она нуждалась болѣе, чѣмъ кто-либо другой. Эта была женщина темперамента холерическаго, дѣятельная, властная. На бѣду ей попался флегматичный, невѣжественный, ограниченный и слабый мужъ, рѣшительно неспособный оказать сопротивленія ея порывамъ къ самовластію и самодурству.

Такимъ образомъ, единственный человѣкъ, который своимъ вліяніемъ и авторитетомъ могъ сгладить недостатки родительской семьи, оказался ниже своей задачи. Борьба между мужемъ и женой была, конечно, непродолжительна, торжество жены было полное. Она окончательно обезличила мужа, такъ, что даже стороннимъ людямъ Простаковъ рекомендуетъ себя женинымъ мужемъ. Онъ утратилъ всякую самобытность сужденія, смотритъ на все глазами своей жены, безучастно относится къ хозяйству, ходитъ, по выраженію жены, развѣся уши; въ присутствіи своей жены онъ доходитъ до столбняка, такъ что ноги у него подкашиваются, когда энергичная супруга прин-

мается за его муштровку. Изъ сновидѣнія Митрофана и собственнаго замѣчанія Простакова можно догадываться, что дѣло иногда доходило до побоевъ. Послѣ этого не удивительно, что положеніе его въ домѣ было истинно жалкое. Никто его не боялся, никто его не слушался; въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ онъ исполнялъ роль палача, по приказу жены. Сына своего онъ любилъ, но робко, не смѣя открыто и приласкать его. При такихъ условіяхъ Простакова уважать его не могла, а, слѣдовательно, и любить. „Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Богъ“, говоритъ она брату. При стороннихъ людяхъ она называетъ его уродомъ и рохлей; въ нужномъ случаѣ приказываетъ даже сыну своему не попросить отца, а притащить. Такимъ образомъ Простакова сдѣлалась полновластной распорядительницей дома.

Крѣпостная обстановка быта довела ея безудержь и произволъ до крайнихъ границъ, еще болѣе деморализовала ее. Въ ней развивается грубый эгоизмъ, который толкаетъ ее порабощать и захватывать все до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ неожиданнаго и неодолимаго противодѣйствія. Несмотря на свое невѣжество, или, лучше сказать, въ силу его, она хорошо понимаетъ преимущества своего дворянскаго происхожденія, но только въ смыслѣ права дикой расправы съ крѣпостными людьми: „Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ“ говоритъ она Правдину. „Да на что жъ данъ намъ указъ о вольности дворянства?“ При такомъ взглядѣ на привилегированное свое положеніе она смотритъ на крѣпостныхъ людей, какъ на особую, низшую породу людей, достойную лишь презрѣнія и самой судьбой предназначенную для удовлетворенія ея прихотей. Самый обычный ея терминъ въ примѣненіи къ крѣпостнымъ людямъ — скотъ. Скотомъ она зоветъ Тришку; „собачьей дочерью“ и „скверной харей“ зоветъ она и преданную ей Еремѣевну. Крѣпостная дѣвушка, по ея взгляду, и болѣть не должна: „Лежитъ!“ говоритъ она про Палашку. „Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная! „Бредитъ бестія! Какъ будто благородная!“ Послѣ этого не трудно составить себѣ понятіе о томъ режимѣ, которымъ держится ея хозяйство: „Все сама управляюсь“; батюшка, говоритъ она Правдину. „Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладаю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!“ Интереснѣе всего здѣсь живость, съ которой передаются проявленія жестокости, какъ будто иначе и быть не могло. Вотъ въ этомъ-то и заключалось зло крѣпостного права, — что оно то поощряло, то порождало проявленіе жестокости. Давно извѣстно, что истязаніе жертвы порождаетъ безудержь, неотразимую потребность новыхъ, болѣе ужасныхъ истязаній.

Когда не удалась попытка увезти Софью, Простакова кричитъ: Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ велю прибить до смерти!“ Даже Простаковъ, эта рохля, по выраженію жены, кричитъ въ томъ же угрожающемъ тонѣ: „Хороши мы!“ Когда Стародумъ и Софья прощаютъ Простакову за насиліе, послѣдняя жаждетъ только расправы съ безотвѣтными людьми: „Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то

я дамъ зѣрю канальямъ своимъ людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ! теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ!" Но если Простакова не останавливается предъ истязаніями, то могла ли она щадить собственность крестьянъ: „Хоть бы васъ поучилъ" („сбирать оброкъ), говоритъ она брату Скотинину, а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!" Такова-то была госпожа Простакова, какъ помѣщица.

Но не легко съ ней жилось не однимъ крѣпостнымъ людямъ и мужу, но и всѣмъ, кто приходилъ съ ней въ соприкосновеніе и въ отношеніи къ кому она чувствовала свою силу. Такъ Софья довольно натерпѣлась отъ нея до полученія письма отъ дяди. По собственному замѣчанію Простаковой, она ей воли не давала. Она не выноситъ даже ея радости и перемѣнила обращеніе съ ней лишь тогда, когда узнала, что Стародумъ дѣлаетъ ее наслѣдницею своего значительнаго состоянія.

Единственное исключеніе составлялъ сынъ Простаковой, Митрофанушка, котораго она любила со всею силою своей страстной натуры, любила слѣпо, безотчетно, какъ можетъ любить только невѣжественный человѣкъ, а потому приносила своему сыну больше вреда, чѣмъ пользы. Воспитанная въ невѣжественной семьѣ, чуждая общественнаго интереса и движенія идей новаго времени относительно воспитанія и гражданскихъ обязанностей, совершенная жертва традиціи, Простакова и приблизительно не могла представить возможной судьбы своего сына, къ которой его нужно было приготовить. Какъ и всѣ тогдашніе дворяне, она была неравнодушна къ чинамъ, но ей хотѣлось бы, чтобы чины эти достались Митрофанушкѣ даромъ, лежа на боку. Чувство долга у нея не было развито, а потому она не могла испытывать никакого смущенія при мысли о пожалованіи чинами безъ заслугъ. При такихъ условіяхъ она оказалась въ странномъ, чуть не трагическомъ положеніи въ отношеніи къ сыну. По своей горячей любви къ нему она желала ему всего хорошаго, готова была все для него сдѣлать, и не знала, что и какъ сдѣлать. По характеру своихъ понятій, она умѣла его только вскармливать и исполняла это съ ревностію, достойною лучшей участи. Она дрожитъ за каждый шагъ сына, за малѣйшее проявленіе его недомоганія. Видѣла она, какъ всѣ принялись учить своихъ дѣтей; чувствовала, что времена измѣнились, что стало уже невозможнымъ безграмотному человѣку не только сдѣлаться воеводою, какъ это было съ ея отцомъ, но и занять какую бы ни было должность; но поставить дѣло образованія сына надлежащимъ образомъ она не умѣла. Всего лучше было бы отправить сына въ шляхетный корпусъ, но для этого пришлось бы съ нимъ разстаться, а это для нея было рѣшительно невозможно. И вотъ она не жалѣетъ денегъ: приглашаетъ трехъ учителей, изъ которыхъ одному, именно Вральману, платитъ 300 руб. и въ знакъ особой милости сажаетъ его за одинъ съ собой столъ.

Сей почтенный мужъ долженъ былъ учить Митрофанушку французскому языку и всякимъ наукамъ, въ которыхъ онъ былъ столь же силенъ, какъ и сама Простакова, но она судить объ этомъ не могла, а открыла въ немъ одну лишь великую добродѣтель, — что онъ не нудилъ ея ненагляднаго сына: „Вѣдь, мой батюшка", говоритъ она своему брату Скотинину, „пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пора и его понѣжить, а такъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится". Итакъ, съ точки зрѣнія Простаковой, служба отечеству — есть своего рода кара Божія, которая посылается человѣку за какіе-то грѣхи, но уже въ зрѣломъ возрастѣ, а просвѣщеніе — та же кара, но только посылается намъ въ дни юности. И вотъ она борется съ этой карой всѣми средствами, какія были въ ея распоряженіи, очень довольная тѣмъ, что нашла себѣ союзника въ Вральманѣ. Лично сама она науку своего сына не ставитъ ни во что; находитъ науки его то глупыми (математику), то не дворянскими (географію) и очень довольна, что Митрофанушка не любитъ быстро шагать. Поэтому она не столько заставляетъ сына учиться, сколько упрашиваетъ, вслѣдствіе чего сынъ вѣчно сидитъ на задахъ. Правда, по родительскому самолюбію она порой не прочь блеснуть предъ другими и своими заботами объ образованіи сына и его успѣхами, но скоро утѣшается въ сознаніи неуспѣха сына, хорошо понимая, что и учителямъ-то платится единственно для очищенія совѣсти: „послѣднихъ крохъ не жалѣемъ", напѣваетъ она Стародуму, лишь бы сына всему выучить". Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ... А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ — учи, чему самъ умѣешь. Мы весь родительскій долгъ исполнили". Вотъ въ этомъ-то исполненіи родительскаго долга, навязаннаго временемъ, вся суть дѣла. Послѣ этого не трудно понять, какъ должно было пойти ученіе Митрофанушки и какой изъ него готовился гражданскій дѣятель.

Митрофанушка и выступаетъ передъ нами грустнымъ порожденіемъ частію окружающей его бытовой обстановки, частію того своеобразнаго пониманія родительскаго долга, о которомъ говоритъ Простакова. Въ уровень родительской педагогикѣ онъ занятъ только подовыми и голубятней, такъ что, по словамъ Софьи, въ шестнадцать лѣтъ онъ „достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ". Семейная обстановка и особенно примѣръ матери сдѣлали то, что онъ не чувствуетъ ни уваженія ни привязанности къ своему отцу. Его сновидѣніе воспроизводитъ сцены грубаго самоуправста матери, при чёмъ симпатіи сына всецѣло на сторонѣ послѣдней. Но и привязанность его къ матери не можетъ быть прочна,

потому что не имѣетъ истинной нравственной основы. Эта любовь эгоиста, который проявляетъ чувство признательности до тѣхъ лишь поръ, пока исполняются его прихоти. Въ сущности и матери своей онъ не уважаетъ и даже не боится ея. Когда мать упрашиваетъ его пройти зады, то Митрофанъ отвѣчаетъ: „Да, зады! какъ не такъ!" Въ другой разъ онъ говоритъ ей: „Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь, только чтобъ это было послѣдній разъ". Такимъ образомъ, мать и сынъ живутъ въ какихъ-то особенныхъ отношеніяхъ договора. Это зависитъ оттого, что Митрофанушка хорошо видитъ слѣпую привязанность къ себѣ матери, а потому распоряжается ею, какъ хочетъ: то прикинется больнымъ, чтобы отпустили его полѣчиться на голубятню, то угрожаетъ матери утопиться, и тогда мать начинаетъ ублажать сына, не спуская его съ своихъ глазъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ маменькина сынка подготовлялся эгоистъ и самодуръ, какова была и сама маменька: „часъ моей воли пришелъ", говоритъ онъ матери: „не хочу учиться, хочу жениться". Разумѣется, не было недостатка во внушеніяхъ, что онъ Митрофанъ Терентьичъ, баринъ, и что все, что ни есть у родителей, достанется ему. Поэтому, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, онъ отлично умѣетъ командовать крѣпостными людьми: „ну еще слово молви, старая хрычевка", говоритъ онъ Еремѣевнѣ, „ужъ я те отдѣлаю!" Но его помѣщичій деспотизмъ проявляется во всей силѣ, когда не удалось увезти Софью: „За людей приниматься!", кричитъ онъ вмѣстѣ съ матерью. Но онъ грубо и повелительно обращается не съ одними крѣпостными людьми: „ну, давай доску, гарнизонная крыса!" говоритъ онъ Пафнутьевичу. И такое обращеніе видимо не было исключительное: „Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите", отвѣчаетъ Пафнутьичъ. А маменька при этомъ сидитъ и поощряетъ сына: „Ахъ, Господи Боже мой, ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича". Послѣ этого могъ ли быть у него какой-либо успѣхъ въ наукѣ? Пренебрегая учителями, чуждый любознательности и какого бы то ни было сознанія долга и обязанностей, Митрофанушка смотритъ на науку подобно матери, какъ на неизбѣжное зло, отъ котораго всячески старается защититься: „Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной!" говоритъ онъ при видѣ учителей. Человѣка, который открылъ бы ему глаза и сообщилъ надлежащее понятіе о просвѣщеніи, около него не было, напротивъ — все злополучно соединилось для того, чтобы воспитать въ немъ отвращеніе къ наукѣ. Маменька, доколѣ единственный авторитетъ въ его глазахъ, твердитъ ему на урокѣ, чтобы онъ не учился такой дурацкой наукѣ, какъ математика; она же открыто и въ присутствіи сына проповѣдуетъ, „что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка". Составъ учителей, въ свою очередь, таковъ, что не могъ внушить ему уваженія ни къ наукѣ ни къ ея представителямъ. Глубоко невѣжественный и недобросовѣстный Вральманъ, добросовѣстный, но малосвѣдущій Цыфиркинъ, малодобросовѣстный и невѣжественный Кутейкинъ: вотъ печальные жрецы науки, призванные побѣдить тра-

мается за его муштровку. Изъ сновидѣнія Митрофана и собственнаго замѣчанія Простакова можно догадываться, что дѣло иногда доходило до побоевъ. Послѣ этого не удивительно, что положеніе его въ домѣ было истинно жалкое. Никто его не боялся, никто его не слушался; въ отношеніи къ крѣпостнымъ людямъ онъ исполнялъ роль палача, по приказу жены. Сына своего онъ любилъ, но робко, не смѣя открыто и приласкать его. При такихъ условіяхъ Простакова уважать его не могла, а, слѣдовательно, и любить. „Вотъ какимъ муженькомъ наградилъ меня Богъ", говоритъ она брату. При стороннихъ людяхъ она называетъ его уродомъ и рохлей; въ нужномъ случаѣ приказываетъ даже сыну своему не попросить отца, а притащить. Такимъ образомъ Простакова сдѣлалась полновластной распорядительницей дома.

Крѣпостная обстановка быта довела ея безудержъ и произволъ до крайнихъ границъ, еще болѣе деморализовала ее. Въ ней развивается грубый эгоизмъ, который толкаетъ ее порабощать и захватывать все до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ неожиданнаго и неодолимаго противодѣйствія. Несмотря на свое невѣжество, или, лучше сказать, въ силу его, она хорошо понимаетъ преимущества своего дворянскаго происхожденія, но только въ смыслѣ права дикой расправы съ крѣпостными людьми: „Дворянинъ, когда захочетъ, и слуги высѣчь не воленъ" говоритъ она Правдину. „Да на что жъ данъ намъ указъ о вольности дворянства?" При такомъ взглядѣ на привилегированное свое положеніе она смотритъ на крѣпостныхъ людей, какъ на особую, низшую породу людей, достойную лишь презрѣнія и самой судьбой предназначенную для удовлетворенія ея прихотей. Самый обычный ея терминъ въ примѣненіи къ крѣпостнымъ людямъ — скотъ. Скотомъ она зоветъ Тришку; „собачьей дочерью" и „скверной харей" зоветъ она и преданную ей Еремѣевну. Крѣпостная дѣвушка, по ея взгляду, и болѣть не должна: „Лежитъ!" говоритъ она про Палашку. „Ахъ, она бестія! Лежитъ! Какъ будто она благородная! „Бредитъ бестія! Какъ будто благородная!" Послѣ этого не трудно составить себѣ понятіе о томъ режимѣ, которымъ держится ея хозяйство: „Все сама управляюсь"; батюшка, говоритъ она Правдину. „Съ утра до вечера, какъ за языкъ повѣшена, рукъ не покладаю: то бранюсь, то дерусь; тѣмъ и домъ держится, мой батюшка!" Интереснѣе всего здѣсь живость, съ которой передаются проявленія жестокости, какъ будто иначе и быть не могло. Вотъ въ этомъ-то и заключалось зло крѣпостного права, — что оно то поощряло, то порождало проявленіе жестокости. Давно извѣстно, что истязаніе жертвы порождаетъ безудержъ, неотразимую потребность новыхъ, болѣе ужасныхъ истязаній.

Когда не удалась попытка увезти Софью, Простакова кричитъ: Плуты! воры! мошенники! Всѣхъ велю прибить до смерти!" Даже Простаковъ, эта рохля, по выраженію жены, кричитъ въ томъ же угрожающемъ тонѣ: „Хороши мы!" Когда Стародумъ и Софья прощаютъ Простакову за насиліе, послѣдняя жаждетъ только расправы съ безотвѣтными людьми: „Простилъ! Ахъ, батюшка!... Ну, теперь-то

я дамъ збрю канальямъ своимъ людямъ! теперь-то я всѣхъ переберу поодиночкѣ! теперь-то допытаюсь, кто изъ рукъ ее выпустилъ!“ Но если Простакова не останавливается предъ истязаніями, то могла ли она щадить собственность крестьянъ: „Хоть бы васъ поучилъ“ („сбирать оброкъ), говоритъ она брату Скотинину, а мы никакъ не умѣемъ. Съ тѣхъ поръ, какъ все, что у крестьянъ ни было, мы отобрали, ничего уже содрать не можемъ. Такая бѣда!“ Такова-то была госпожа Простакова, какъ помѣщица.

Но не легко съ ней жилось не однимъ крѣпостнымъ людямъ и мужу, но и всѣмъ, кто приходилъ съ ней въ соприкосновеніе и въ отношеніи къ кому она чувствовала свою силу. Такъ Софья довольно натерпѣлась отъ нея до полученія письма отъ дяди. По собственному замѣчанію Простаковой, она ей воли не давала. Она не выноситъ даже ея радости и перемѣнила обращеніе съ ней лишь тогда, когда узнала, что Стародумъ дѣлаетъ ее наслѣдницею своего значительнаго состоянія.

Единственное исключеніе составлялъ сынъ Простаковой, Митрофанушка, котораго она любила со всею силою своей страстной натуры, любила слѣпо, безотчетно, какъ можетъ любить только невѣжественный человѣкъ, а потому приносила своему сыну больше вреда, чѣмъ пользы. Воспитанная въ невѣжественной семьѣ, чуждая общественнаго интереса и движенія идей новаго времени относительно воспитанія и гражданскихъ обязанностей, совершенная жертва традиціи, Простакова и приблизительно не могла представить возможной судьбы своего сына, къ которой его нужно было приготовить. Какъ и всѣ тогдашніе дворяне, она была неравнодушна къ чинамъ, но ей хотѣлось бы, чтобы чины эти достались Митрофанушкѣ даромъ, лежа на боку. Чувство долга у нея не было развито, а потому она не могла испытывать никакого смущенія при мысли о пожалованіи чинами безъ заслугъ. При такихъ условіяхъ она оказалась въ странномъ, чуть не трагическомъ положеніи въ отношеніи къ сыну. По своей горячей любви къ нему она желала ему всего хорошаго, готова была все для него сдѣлать, и не знала, что и какъ сдѣлать. По характеру своихъ понятій, она умѣла его только вскармливать и исполняла это съ ревностію, достойною лучшей участи. Она дрожитъ за каждый шагъ сына, за малѣйшее проявленіе его недомоганія. Видѣла она, какъ всѣ принялись учить своихъ дѣтей; чувствовала, что времена измѣнились, что стало уже невозможнымъ безграмотному человѣку не только сдѣлаться воеводою, какъ это было съ ея отцомъ, но и занять какую бы ни было должность; но поставить дѣло образованія сына надлежащимъ образомъ она не умѣла. Всего лучше было бы отправить сына въ шляхетный корпусъ, но для этого пришлось бы съ нимъ разстаться, а это для нея было рѣшительно невозможно. И вотъ она не жалѣетъ денегъ: приглашаетъ трехъ учителей, изъ которыхъ одному, именно Вральману, платитъ 300 руб. и въ знакъ особой милости сажаетъ его за одинъ съ собой столъ.

Сей почтенный мужъ долженъ былъ учить Митрофанушку французскому языку и всякимъ наукамъ, въ которыхъ онъ былъ столь же силенъ, какъ и сама Простакова, но она судить объ этомъ не могла, а открыла въ немъ одну лишь великую добродѣтель, — что онъ не нудилъ ея ненагляднаго сына: „Вѣдь, мой батюшка“, говоритъ она своему брату Скотинину, „пока Митрофанушка еще въ недоросляхъ, пора и его понѣжить, а такъ, лѣтъ черезъ десятокъ, какъ войдетъ, избави Боже, въ службу, всего натерпится“. Итакъ, съ точки зрѣнія Простаковой, служба отечеству — есть своего рода кара Божія, которая посылается человѣку за какіе-то грѣхи, но уже въ зрѣломъ возрастѣ, а просвѣщеніе — та же кара, но только посылается намъ въ дни юности. И вотъ она борется съ этой карой всѣми средствами, какія были въ ея распоряженіи, очень довольная тѣмъ, что нашла себѣ союзника въ Вральманѣ. Лично сама она науку своего сына не ставитъ ни во что; находитъ науки его то глупыми (математику), то не дворянскими (географію) и очень довольна, что Митрофанушка не любитъ быстро шагать. Поэтому она не столько заставляетъ сына учиться, сколько упрашиваетъ, вслѣдствіе чего сынъ вѣчно сидитъ на задахъ. Правда, по родительскому самолюбію она порой не прочь блеснуть предъ другими и своими заботами объ образованіи сына и его успѣхами, но скоро утѣшается въ сознаніи неуспѣха сына, хорошо понимая, что и учителямъ-то платится единственно для очищенія совѣсти: „послѣднихъ крохъ не жалѣемъ“, напѣваетъ она Стародуму, лишь бы сына всему выучить“. Мой Митрофанушка изъ-за книги не встаетъ по суткамъ. Материно мое сердце. Иное жаль, жаль, да подумаешь: за то будетъ дѣтина хоть куда. Вѣдь вотъ ужъ ему, батюшка, шестнадцать лѣтъ исполнится около зимняго Николы. Женихъ хоть кому, а все-таки учители ходятъ, часа не теряютъ... А въ Москвѣ приняли иноземца на шесть лѣтъ, и чтобъ другіе не сманили, контрактъ въ полиціи заявили. Подрядился учить, чему мы хотимъ, а по насъ — учи, чему самъ умѣешь. Мы весь родительскій долгъ исполнили“. Вотъ въ этомъ-то исполненіи родительскаго долга, навязаннаго временемъ, вся суть дѣла. Послѣ этого не трудно понять, какъ должно было пойти ученіе Митрофанушки и какой изъ него готовился гражданскій дѣятель.

Митрофанушка и выступаетъ передъ нами грустнымъ порожденіемъ частію окружающей его бытовой обстановки, частію того своеобразнаго пониманія родительскаго долга, о которомъ говоритъ Простакова. Въ уровень родительской педагогикѣ онъ занятъ только подовыми и голубятней, такъ что, по словамъ Софьи, въ шестнадцать лѣтъ онъ „достигъ уже до послѣдней степени своего совершенства, и далѣ не пойдетъ“. Семейная обстановка и особенно примѣръ матери сдѣлали то, что онъ не чувствуетъ ни уваженія ни привязанности къ своему отцу. Его сновидѣніе воспроизводитъ сцены грубаго самоуправста матери, при чёмъ симпатіи сына всецѣло на сторонѣ послѣдней. Но и привязанность его къ матери не можетъ быть прочна,

потому что не имѣетъ истинной нравственной основы. Эта любовь эгоиста, который проявляетъ чувство признательности до тѣхъ лишь поръ, пока исполняются его прихоти. Въ сущности и матери своей онъ не уважаетъ и даже не боится ея. Когда мать упрашиваетъ его пройти зады, то Митрофанъ отвѣчаетъ: „Да, зады! какъ не такъ!" Въ другой разъ онъ говоритъ ей: „Слушай, матушка, я тебя потѣшу, поучусь, только чтобъ это было послѣдній разъ". Такимъ образомъ, мать и сынъ живутъ въ какихъ-то особенныхъ отношеніяхъ договора. Это зависитъ оттого, что Митрофанушка хорошо видитъ слѣпую привязанность къ себѣ матери, а потому распоряжается ею, какъ хочетъ: то прикинется больнымъ, чтобы отпустили его полѣчиться на голубятню, то угрожаетъ матери утопиться, и тогда мать начинаетъ ублажать сына, не спуская его съ своихъ глазъ. Такимъ образомъ, въ лицѣ маменькина сынка подготовлялся эгоистъ и самодуръ, какова была и сама маменька: „часъ моей воли пришелъ", говоритъ онъ матери: „не хочу учиться, хочу жениться". Разумѣется, не было недостатка во внушеніяхъ, что онъ Митрофанъ Терентьичъ, баринъ, и что все, что ни есть у родителей, достанется ему. Поэтому, несмотря на свои шестнадцать лѣтъ, онъ отлично умѣетъ командовать крѣпостными людьми: „ну еще слово молви, старая хрычевка", говоритъ онъ Еремѣевнѣ, „ужъ я те отдѣлаю!" Но его помѣщичій деспотизмъ проявляется во всей силѣ, когда не удалось увезти Софью: „За людей приниматься!", кричитъ онъ вмѣстѣ съ матерью. Но онъ грубо и повелительно обращается не съ одними крѣпостными людьми: „ну, давай доску, гарнизонная крыса!" говоритъ онъ Пафнутьевичу. И такое обращеніе видимо не было исключительное: „Ваше благородіе завсегда безъ дѣла лаяться изволите", отвѣчаетъ Пафнутьичъ. А маменька при этомъ сидитъ и поощряетъ сына: „Ахъ, Господи Боже мой, ужъ ребенокъ не смѣй и избранить Пафнутьича". Послѣ этого могъ ли быть у него какой-либо успѣхъ въ наукѣ? Пренебрегая учителями, чуждый любознательности и какого бы то ни было сознанія долга и обязанностей, Митрофанушка смотритъ на науку подобно матери, какъ на неизбѣжное зло, отъ котораго всячески старается защититься: „Пострѣлъ ихъ побери и съ Еремѣевной!" говоритъ онъ при видѣ учителей. Человѣка, который открылъ бы ему глаза и сообщилъ надлежащее понятіе о просвѣщеніи, около него не было, напротивъ — все злополучно соединилось для того, чтобы воспитать въ немъ отвращеніе къ наукѣ. Маменька, доколѣ единственный авторитетъ въ его глазахъ, твердитъ ему на урокѣ, чтобы онъ не учился такой дурацкой наукѣ, какъ математика; она же открыто и въ присутствіи сына проповѣдуетъ, „что, конечно, то вздоръ, чего не знаетъ Митрофанушка". Составъ учителей, въ свою очередь, таковъ, что не могъ внушить ему уваженія ни къ наукѣ ни къ ея представителямъ. Глубоко невѣжественный и недобросовѣстный Вральманъ, добросовѣстный, но малосвѣдущій Цыфиркинъ, малодобросовѣстный и невѣжественный Кутейкинъ: вотъ печальные жрецы науки, призванные побѣдить тра-

диціонное невѣжество семьи и природную лѣнь Митрофанушки. Разумѣется, они оказались ниже своей задачи. Если къ этому прибавить систематическое пренебреженіе со стороны Простаковой къ Цыфиркину и Кутейкину, которые хотя чему-либо могли научить Митрофана, то мы поймемъ, что было бы необычайнымъ чудомъ, если бы, при подобныхъ условіяхъ, онъ хотя чему-нибудь научился. Послѣ всего этого остается только сказать словами Стародума: „ну, что для отечества можетъ выйти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды-родители платятъ еще и деньги невѣждамъ-учителямъ?“

Такова-то грустная бытовая картина, которую нарисовалъ своею опытною рукою нашъ художникъ. Достоинство ея — въ поразительной вѣрности, которую невозможно было не признать, а признавая, невозможно было не задуматься. Вотъ почему „Недоросль“, какъ и „Бригадиръ“, не мало содѣйствовали самосознанію русскаго общества прошлаго и начала нынѣшняго вѣка... Ничего не значитъ, что авторъ выводитъ на сцену провинціальный бытъ, а не людей столицы, которые, главнымъ образомъ, были зрителями произведеній нашего автора: картина была слишкомъ знакома и разительна, чтобы не произвести сильнаго впечатлѣнія. Впечатлѣніе это отлично характеризуется извѣстнымъ восклицаніемъ знаменитаго Потемкина, школьнаго товарища нашего писателя по университету: „ну, Денисъ, или умри, или не пиши!“ ясно, что, по сознанію Потемкина, „Недоросль“ есть лучшее произведеніе русской литературы того времени. И дѣйствительно, мы напрасно стали бы искать въ русской драматической литературѣ прошлаго столѣтія произведеніе, достойное встать съ нимъ рядомъ. Достаточно только обратить вниманіе на полноту и художественность типовъ Простаковой и Митрофанушки, чтобы понять, какимъ комическимъ талантомъ обладалъ Фонвизинъ. Нашему писателю удалось сдѣлать то, что выпадаетъ на долю только очень большихъ литературныхъ дарованій — съ исчерпывающею полнотою воспроизвести типъ Недоросля, такъ что имя Митрофанушки становится послѣ этого нарицательнымъ. *Малининъ.*

Порочныя и добродѣтельныя лица комедіи „Недоросль“.

Въ „Недорослѣ“ Фонвизинъ представилъ живую и рѣзкую картину того дикаго невѣжества и той грубости нравовъ, которыми отличалось большинство провинціальнаго дворянства его времени. Князь Вяземскій, въ замѣчательной книгѣ своей: „Фонвизинъ“ представилъ вѣрную и прекрасную оцѣнку комедіи „Недоросль“, которою мы и воспользуемся для нашего очерка. „Въ комедіи „Недоросль“, — говоритъ онъ — авторъ имѣлъ уже цѣль важнѣйшую: гибельные плоды невѣжества, худое воспитаніе, злоупотребленіе домашней власти — выставлены имъ рукою смѣлою и раскрашены красками самыми ненавистными. Въ „Бригадирѣ“ авторъ дурачитъ порочныхъ и глупцовъ,

язвить ихъ стрѣлами насмѣшки; въ „Недорослѣ" онъ уже не шутитъ, не смѣется, а негодуетъ на порокъ и клеймитъ его безъ пощады; если же и смѣшитъ зрителей картиною выведенныхъ злоупотребленій и дурачествъ, то и тогда внушаемый имъ смѣхъ не развлекаетъ отъ впечатлѣній болѣе глубокихъ и прискорбныхъ. И въ „Бригадирѣ" можно видѣть, что погрѣшности воспитанія русскаго живо поражали автора; но дурное воспитаніе, данное бригадирскому сынку, это полупросвѣщеніе, если и есть какое просвѣщеніе въ поверхностномъ знаніи французскаго языка, въ поѣздкѣ въ чужіе края, безъ нравственнаго приготовительнаго образованія, должны были выдѣлять изъ него смѣшного глупца, чѣмъ онъ и есть. Невѣжество же въ коемъ росъ „Митрофанушка" („Недоросль") и примѣры домашніе должны были готовить въ немъ *изверга*, какова мать его Простакова. Именно, говорю, изверга и утверждаю, что въ содержаніи комедіи „Недоросль" и въ лицѣ Простаковой скрываются всѣ пружины, всѣ лютыя страсти, нужныя для соображеній трагическихъ... Что можно назвать сущностію драмы „Недоросля"? Домашнее, семейное тиранство Простаковой, содержащей у себя, такъ сказать, въ плѣну Софью, которую приноситъ она въ жертву корыстолюбію своему, выдавая насильно замужъ сперва за брата, а потомъ за сына. Какъ характеризована она самимъ авторомъ? *Презлою фуріею, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома*. Всѣ прочія лица второстепенны: иныя изъ нихъ совершенно постороннія, другія только примыкаютъ къ дѣйствію. Авторъ, въ начертаніи картины, далъ лицамъ смѣшное направленіе, но смѣшное, хотя у него и на первомъ планѣ, не мѣшаетъ разглядѣть гнусное, ненавистное въ перспективѣ. Въ семействахъ Простаковыхъ, когда, по несчастію, встрѣчаются они въ дѣйствительности, трагическія развязки не рѣдки. Архивы уголовныхъ дѣлъ нашихъ могутъ представить тому многочисленныя доказательства. Вотъ нравственная сторона творенія сего, и патріотическая мысль, одушевлявшая оное, достойна уваженія и признательности. Можно сказать, что подобное исполненіе не только хорошее сочиненіе, но и доброе дѣло: что, впрочемъ, можно примѣнить и ко всякому изящному творенію, ибо нѣтъ сомнѣнія, что оно всегда имѣетъ нравственное дѣйствіе".

Такова цѣль и идея „Недоросля", по словамъ князя Вяземскаго. Въ выполненіи этой идеи, въ постановкѣ картинъ, въ обрисовкѣ большей части характеровъ своихъ комическихъ лицъ, въ самомъ языкѣ ихъ и складѣ рѣчи Фонвизинъ показалъ значительное дарованіе, большое знаніе человѣческаго сердца и наблюдательность. Простакова, этотъ образецъ грубой, жестокой и невѣжественной помѣщицы, презирающей всякую образованность, ненавидящей всякую науку, если наука эта не даетъ прямого умѣнья „достаточекъ нажить и сохранить"; этотъ идеалъ невѣжественной матери, отличающейся одною животною любовію къ своимъ дѣтямъ, и Митрофанушка, ея сынокъ, котораго она воспитываетъ при помощи дьячка, отставного сержанта и бывшаго кучера изъ нѣмцевъ, — эти типы грубаго невѣжества и варварской

жестокости, всегда сопутствующей невѣжеству,—суть точные снимки съ современной дѣйствительности и списаны съ натуры до того вѣрно, изображены до того рельефно, съ такою силою, что долго служили „нарицательными названіями“ всего дикаго и невѣжественнаго, проявлявшагося въ жизни провинціальнаго дворянства прежняго времени и „употребляются и донынѣ — по замѣчанію кн. Вяземскаго — въ народномъ обращеніи“. Второстепенныя комическія лица: братъ Простаковой — Тарасъ Скотининъ, во всемъ похожій на сестру, воспитанный точно такъ же, какъ она, который отъ роду ничего не читывалъ, и учителя Митрофана: Кутейкинъ, Цыфиркинъ и Вральманъ — хотя и карикатурны во многомъ (особенно Вральманъ), но тѣмъ не менѣе не противорѣчатъ современной дѣйствительности и заключаютъ въ себѣ многія характеристическія черты, взятыя именно изъ среды русскаго общества прошлаго столѣтія. А характеръ мамы Еремѣевны, съ ея непонятною, собачьею привязанностію къ барскому сынку, изъ-за котораго ее бьютъ и бранятъ постоянно, — удивительно вѣренъ: „въ немъ много русской холопской оригинальности“, по словамъ кн. Вяземскаго. Также хорошъ и нортной Тришка, котораго кн. Вяземскій называетъ „портной по неволѣ“. Разговоръ его съ Простаковой принадлежитъ къ мастерскимъ сценамъ комедіи, исполненнымъ истиннаго комизма, Но рѣшительно лучшій, цѣльный характеръ во всей комедіи, выдержанный отъ начала до конца „съ неослабѣвающимъ искусствомъ, съ неизмѣняющеюся истиною“ — это характеръ Простаковой. „Смѣсь наглости и низости (опять говоритъ кн. Вяземскій) трусости и злобы, гнуснаго безчеловѣчія ко всѣмъ и нѣжности, равно гнусной, къ сыну, при всемъ томъ невѣжество, изъ коего, какъ изъ мутнаго источника, истекаютъ всѣ сіи свойства, согласованы въ характерѣ ея живописцемъ смѣтливымъ и наблюдательнымъ“. Особенно въ послѣднихъ явленіяхъ авторъ показалъ много искусства и глубокаго человѣческаго сердца: когда Стародумъ прощаетъ Простакову и она, вставъ съ колѣней, восклицаетъ: „Простилъ! ахъ, батюшка, простилъ! Ну, теперь-то *дамъ я зорю канальямъ своимъ людямъ*“. Послѣдняя черта довершаетъ полноту картины, сосредоточивая всѣ гибельные плоды *злонравія* ея и воспитанія, даннаго сыну. Лишенная всего, ибо лишилась власти дѣлать зло, она, бросаясь обнимать сына, говоритъ ему: „Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!“ а онъ отвѣчаетъ ей: „Да отвяжись, матушка, какъ навязалась!“ „Признаюсь“ говоритъ кн. Вяземскій, въ этой чертѣ такъ много истины, эта истина почерпнута изъ такой глубины человѣческаго сердца, что по невольному движенію точно жалѣешь о виновной, какъ при казни преступника, забывая о преступленіи, сострадательно вздрагиваешь за несчастнаго. Въ начертаніи характера Простаковой Фонвизинъ былъ глубокимъ изслѣдователемъ и живописцемъ“.

Все это совершенно справедливо и вѣрно сказано о характерѣ Простаковой, — если судить о немъ по нынѣшнимъ нашимъ понятіямъ, по современному взгляду на вещи, если смотрѣть на Простакову, какъ

на явленіе случайное, исключительное, какъ смотрѣлъ на нее самъ Фонвизинъ и какъ смотритъ кн. Вяземскій. Но если мы взглянемъ на характеръ Простаковой съ исторической точки зрѣнія, — какъ на него и слѣдуетъ глядѣть, — то мы увидимъ въ ней не исключительное явленіе, а лицо типическое, соединяющее въ себѣ всѣ характерныя, типическія черты своего сословія, своей страны, своего времени. Мы видимъ въ ней олицетвореніе понятій, нравовъ и жизни большинства той среды, къ которой она принадлежала и въ глазахъ которой она не была ни „презлою фуріею“ ни „извергомъ“, какъ ее называютъ самъ Фонвизинъ и кн. Вяземскій; въ мнѣніи большинства тогдашняго русскаго общества Простаковы слыли скорѣе нѣжными и любящими матерями, заботливыми хозяйками и практическими, умными женщинами. Въ этомъ и заключается художественное достоинство созданнаго Фонвизинымъ типа, — достоинство, котораго характеръ Простаковой не имѣлъ бы вовсе, если бы онъ представлялся явленіемъ исключительнымъ, случайнымъ въ изображенной авторомъ средѣ.

Другой разрядъ лицъ, выведенныхъ въ „Недорослѣ“ и составляющихъ противоположность лицамъ комическимъ и порочнымъ, это тѣ же резонеры и образцы добродѣтели, по взгляду на нихъ автора, о которыхъ мы говорили при разборѣ „Бригадира“. Тогда какъ первый разрядъ лицъ изображаетъ у него примѣры „злонравія“, происходящаго отъ дурного воспитанія или отъ невѣжества, — другой разрядъ, какъ-то: Стародумъ, Правдинъ, Милонъ и Софья суть образцы „добронравія“, или „благонравія“, т.-е. люди, съ истиннымъ, хорошимъ воспитаніемъ. Но всѣ эти Стародумы и Правдины, лица, говорящія длинныя и скучныя на сценѣ поученія и нравственныя сентенціи; всѣ эти Софьи и Милоны, лица добродѣтельныя, выведенныя въ противоположность лицамъ недобродѣтельнымъ, — очень безжизненны, блѣдны и сильно вредятъ дѣйствію и живости пьесы. Хотя слѣдуетъ замѣтить, что такія лица, какъ Стародумъ и Правдинъ имѣли вообще значеніе для своего времени, по важности тѣхъ идей, которыя они высказываютъ и которыя выражали идеи самого автора и совпадали съ намѣреніями и дѣятельностію современнаго правительства. Роли Стародума самъ Фонвизинъ придавалъ особенную важность. Онъ говоритъ (въ статьѣ: „Письмо къ Стародуму отъ сочинителя Недоросля“), что за успѣхъ своей комедіи въ публикѣ онъ собственно одолженъ Стародуму, его разговоромъ съ Правдинымъ, Милономъ и Софьей. На самомъ же дѣлѣ это лицо въ комедіи, какъ резонерствующее, ни мало не служитъ къ оживленію дѣйствія и движенія драмы; но въ его разсужденіяхъ и сентенціяхъ ясно выражаются положительные идеалы самого автора, его идеальныя стремленія, его мораль и его взгляды на всѣ важнѣйшіе жизненные вопросы. Фонвизинъ, словами Стародума, заявляетъ о тѣхъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ, какими, по его мнѣнію, должны отличаться — совершенный человѣкъ, истинный гражданинъ, добрый и мудрый государь и объясняетъ, въ чемъ должны заключаться обязанности истинной матери,

жены, хозяйки своего дома, воспитательницы своихъ дѣтей и т. д. Стародумъ является, такимъ образомъ, обличителемъ невѣжества и всѣхъ, проистекающихъ отъ него, послѣдствій — чему онъ видитъ яркіе примѣры въ семействѣ Простаковыхъ.

Но странно то, какъ Фонвизинъ не замѣчаетъ при этомъ противорѣчія, сдѣлавъ изъ главнаго обличительнаго лица своей комедіи — *стародума*, т.-е. человѣка, съ стариннымъ образомъ мыслей, съ старымъ взглядомъ на вещи. Вѣдь Простаковы и Скотинины, по изображенію самого Фонвизина, собственно и служатъ представителями понятій о жизни *стараго времени*. Простакова говоритъ, что ея „покойникъ батюшка воеводою былъ пятнадцать лѣтъ, а съ тѣмъ и скончаться изволилъ, что не умѣлъ грамотѣ“; таковъ былъ и дядя Скотининыхъ — Вавилъ Фалилеевичъ: „о грамотѣ никто отъ него не слыхивалъ, ни онъ ни отъ кого слышать ни хотѣлъ“; отецъ Простаковой и Скотинина свирѣпо вооружался противъ школъ, заведенныхъ послѣ реформы: „прокляну ребенка“, онъ вопилъ, „который что-нибудь перейметъ у *басурмановъ*, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ“. Оттого его собственныя дѣти остались безграмотны и ставили это себѣ въ какую-то честь: „Безъ наукъ люду живутъ и жили... Батюшка мой, да что за радость и выучиться?“ разсуждаетъ Простакова, опираясь на примѣры стараго времени и на современное положеніе дѣлъ въ окружавшемъ ее обществѣ. Вотъ тѣ условія и та среда, въ которыхъ росли и воспитывались Простаковы. Слѣдственно, Стародумъ не правъ и не послѣдователенъ, порицая невѣжество и — какъ плоды невѣжества — грубость нравовъ, жестокость и домашнюю тиранію въ семьѣ Простаковыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ обращаясь къ прежнему времени за идеалами хорошаго воспитанія, т.-е. за примѣрами „бланравія“ и „добронравія“ — о чемъ онъ постоянно твердитъ. Идеаловъ достойнаго, истиннаго „человѣка“ и „дворянина“ онъ ищетъ въ ту эпоху, когда онъ воспитывался самъ, т.-е. во время Петра. Главное украшеніе и благородство совершеннаго человѣка и достойнаго дворянина, по словамъ Стародума, заключается въ честности, въ пониманіи и выполненіи своей „должности“ (т.-е. своего нравственнаго долга). Но истинное пониманіе долга, истинное сознаніе своего человѣческаго достоинства и любовь къ ближнему являются не иначе, какъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ, и такихъ идеаловъ, о которыхъ говоритъ Стародумъ, въ старое время, когда царило невѣжество предковъ Простаковыхъ, было, безъ сомнѣнія, еще меньше, нежели во времена Фонвизина. Простакова, несмотря на все свое презрѣніе къ грамотѣ, къ наукѣ, все же нашла нужнымъ выучить чему-нибудь своего Митрофана, — и это затѣмъ, чтобы вывести его въ „люди“, какъ она говоритъ; а при ея отцѣ и дѣдахъ выходили въ люди и безъ грамоты. Легкомысленное усвоеніе образованными русскими людьми того времени нравовъ, привычекъ, а вмѣстѣ съ ними и пороковъ западно-европейской жизни, заставило Фонвизина броситься въ другую крайность и искать идеаловъ въ старинѣ. Это воз-

ѣніе онъ высказываетъ и въ разсужденіяхъ Стародума и въ своихъ заграничныхъ письмахъ, гдѣ нерѣдко старается доказать, что „у насъ все лучше“, нежели въ странахъ западной Европы, которыя онъ посѣтилъ. Впослѣдствіи, въ своихъ „Вопросахъ Собесѣднику“ Фонвизинъ поставилъ, между прочимъ, слѣдующій вопросъ: „Какъ истребить два сопротивные предразсудка: первый — будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй — будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?“ И второму изъ этихъ предразсудковъ онъ самъ сильно подчиняется въ заграничныхъ письмахъ. Замѣтимъ вообще, что его „стародумовскіе“ идеалы и мораль слишкомъ односторонни и несостоятельны, какъ въ умозрительномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи.

Какъ Стародумъ, такъ и другое резонерствующее лицо въ Недорослѣ — Правдинъ, въ своихъ разсужденіяхъ и дѣйствіяхъ основываются на началахъ, провозглашенныхъ въ „Наказѣ“ и въ другихъ узаконеніяхъ Екатерины. Правдинъ беретъ въ опеку имѣнія Простаковыхъ за жестокое обращеніе ихъ съ людьми, дѣйствуя въ этомъ случаѣ, какъ правительственный чиновникъ и исполнитель „человѣколюбивыхъ видовъ высшей власти“, выраженныхъ въ „Наказѣ“ и въ „Учрежденіи для управленія губерній“; гдѣ предписано „отвращать *злоупотребленія* рабства“ и пресѣкать тиранство и жестокости“. Прямого же отношенія къ дѣйствію драмы и участія въ ней Правдинъ не имѣетъ. „Онъ разрѣзываетъ — по словамъ кн. Вяземскаго — мечемъ закона сплетеніе дѣйствія, которое должно бы быть развязано соображеніями автора, а не полицейскими мѣрами намѣстника“. Этими словами кн. Вяземскій вѣрно указываетъ на главный недостатокъ „Недоросля“, какъ произведенія драматическаго, находя въ немъ „недостатокъ изобрѣтенія и неподвижность событія“, т.-е.: искусственность развязки и завязки, искусственное отношеніе сюжета комедіи (любви Софьи и Милона) къ ея главной идеѣ и отсутствіе драматическаго дѣйствія и движенія. *Карауловъ.*

Стародумъ и Правдинъ и ихъ отношеніе къ просвѣтительнымъ идеямъ XVIII вѣка.

Въ „Бригадирѣ“ — только намекъ на страшную язву русскаго общества — воспитаніе. До временъ Грибоѣдова мы будемъ слышать, въ руки какихъ проходимцевъ попадали русскіе юноши. Иванушка воспитывался у французскаго кучера. Митрофанушка попадаетъ также къ кучеру, только къ нѣмцу. Въ результатѣ выходили развращенные дикари — умственно и нравственно. Семья складывалась изъ деспотовъ-отцовъ и недорослей-дѣтей. Русскіе европейцы усвоивали только sottises du temps, по выраженію Фонвизина, и самое большое — блестки остроумія, упуская изъ виду, какой глубокой любовью была проникнута французская философія XVIII вѣка въ лицѣ ея лучшихъ пред-

ставителей. Несомнѣнно ея благодѣтельнымъ вліяніемъ Фонвизи. обязанъ своими гуманными воззрѣніями, вложенными въ уста Стародума.

Стародумъ — это не представитель старины, не врагъ новыхъ теченій, онъ только врагъ новѣйшей моды, онъ ненавидитъ одинаково — жестокія нравы старой Руси, ея невѣжество, даже ея учрежденія, и европейское обезьянничество новыхъ щеголей и щеголихъ. Старадумъ — это самъ Фонвизинъ, слѣдовательно, отрицаніе всего, что авторъ клеймилъ насмѣшкой и презрѣніемъ. Нравственныя проповѣди Стародума, вставленныя въ комедіи, въ наше время кажутся неумѣстными и скучными, но въ прошломъ вѣкѣ всѣ лучшіе люди стремились къ нравственному просвѣщенію согражданъ какимъ бы то ни было путемъ. „Наказъ" Екатерины ставилъ на первомъ планѣ воспитаніе сердца и нравовъ. Одинъ изъ первыхъ ея сотрудниковъ Бецкій былъ воодушевленъ тою же идеей въ своихъ гуманныхъ, просвѣтительныхъ стремленіяхъ. Стародумъ комедіи — это русскій идеальный XVIII вѣкъ на сценѣ.

Основный принципъ Старадума: „имѣй сердце, имѣй душу — и будешь человѣкъ во всякое время". Стародумъ презираетъ все, что не связано съ нравственнымъ міромъ человѣка: онъ, въ противоположность петиметрамъ, мнимымъ подражателямъ французскаго просвѣщенія, не цѣнитъ происхожденія, чиновъ, богатства, придворныхъ милостей. „Я отошелъ отъ двора — разсказываетъ Стародумъ, — безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою честь, мои правила." „Степени знатности разсчитываю я по числу дѣлъ, который большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а не по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія". Стародумъ, какъ истинный ученикъ лучшихъ людей XVIII вѣка, постоянно говоритъ о природѣ, о сердцѣ и ни во что ставитъ рядомъ съ ними „людскія мнѣнія." Голосъ сердца и совѣсти для него священны. Идея о природѣ приводитъ часто мысли Стародума въ прямую связь со взглядами философовъ XVIII вѣка. Онъ разсказываетъ съ гордостью, какъ доставалъ деньги *трудомъ надъ землею*, я не подлой выслугой: одна только земля „платитъ одни труды вѣрно и щедро". Это одно изъ любимѣйшихъ нравственныхъ идей физіократовъ, экономистовъ, основывавшихъ надежды на наградное богатство, счастіе и нравственное развитіе — на земледѣліи. Рядомъ съ дикими крѣпостниками — Простаковой и Скотининымъ, Стародумъ — защитникъ человѣческой личности, врагъ гнета и рабства. Онъ говоритъ: „каждый долженъ искать своего счастья и выгодъ въ томъ одномъ, что законно, не угнетать рабствомъ себѣ подобныхъ беззаконно" — идея, цѣликомъ взякая изъ „Наказа" Екатерины. Изъ того же „Наказа" усвоены и идеи о воспитаніи. Стародумъ возмущается существующимъ порядкомъ, когда дворянинъ своего сына поручаетъ крѣпостному рабу и въ результатѣ, вмѣсто одного раба, выходятъ двое.

Рядомъ со Стародумомъ по одному и тому же пути дѣйствуетъ Правдинъ, въ качествѣ представителя правительствованной власти.

Онъ вполнѣ согласенъ съ воззрѣніями Стародума и осуществляетъ ихъ на практикѣ. Онъ ведетъ борьбу съ извергами-крѣпостниками, всюду вноситъ гуманное чувство и состраданіе къ слабымъ, имѣетъ передъ глазами идеалъ намѣстника, изображеннаго Екатериной въ „Учрежденіи объ управленіи губерній“ — намѣстника „ходатая за пользу общую и государеву, заступника угнетенныхъ и побудителя безгласныхъ дѣлъ“. Онъ беретъ въ опеку деревню Простаковыхъ и грозитъ тѣмъ же Скотинину и прочимъ варварамъ крѣпостническаго строя. Его дѣйствія осуществляютъ просвѣщенные виды правительства, разсужденія Стародума стремятся ввести эти виды въ сознаніе общества. „Наказъ“ и комедія Фонвизина служили одной и той же цѣли, поставленной Екатериною въ лучшую эпоху ея царствованія, — и имя Фонвизина навсегда останется незабвеннымъ въ исторіи гуманныхъ стремленій русскаго общества. *Ивановъ.*

Вопросъ о воспитаніи въ комедіи „Недоросль“.

Вѣрный сынъ восемнадцатаго вѣка сказался въ Фонвизинѣ тѣмъ, что сущность нарисованныхъ имъ характеровъ онъ поставилъ въ тѣснѣйшую зависимость отъ вопроса воспитанія. Этимъ онъ вполнѣ примыкаетъ къ точкѣ зрѣнія императрицы, которая въ своемъ „Наказѣ“ заявляла: „Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими, есть приведеніе въ совершенство воспитанія“.

Указавъ корни добродѣтелей Софьи въ прочитанныхъ ею книгахъ, Фонвизинъ въ то же самое время неминуемо заставляетъ зрителя задумываться надъ вопросомъ о томъ, какъ сложился бы характеръ самой г-жи Простаковой, если бы ея дѣтство протекло не въ семьѣ Скотининыхъ съ ихъ боязнью просвѣщенія и если бы она въ отличіе отъ остальныхъ дѣвушекъ своего времени была научена хотя бы грамотѣ. Писатель „вѣка просвѣщенія“, видимо, вѣритъ, что тогда г-жа Простакова иначе относилась бы и къ своему мужу и къ своимъ дворовымъ, да и сына воспитала бы иначе, такъ что въ концѣ концовъ ей самой не пришлось бы на себѣ испытывать послѣдствія дурного воспитанія сына. Финальное столкновеніе Митрофанушки съ матерью не укладывается въ рамки банальнаго наказанія порока, а имѣетъ значеніе естественной, такъ сказать, внутренней гибели семьи, построенной на совершенно ложномъ основаніи. И всей своей пьесой авторъ какъ бы говоритъ зрителю, что такъ или иначе, но Скотинины со всѣмъ ихъ потомствомъ обречены на погибель: будущее принадлежитъ Стародуму и тѣмъ, кто воспитанъ въ его духѣ; и вмѣстѣ съ тѣмъ зрителю усвоивается мысль, что сынъ Софьи и Милона не разойдется такъ съ своей матерью, какъ Митрофанушка, и что въ домѣ Милона не будетъ мѣста такому обращенію съ людьми, какого мы только что насмотрѣлись въ домѣ Простаковыхъ.

Такимъ образомъ вопросъ воспитанія положенъ въ основу всей пьесы, являющейся иллюстраціей вѣчной борьбы двухъ поколѣній:

сходящаго съ жизненнаго пути и только что на него вступающаго. Передъ нами одна изъ страницъ непрекращающей борьбы отцовъ съ дѣтьми. Но причину этой борьбы, повидимому, Фонвизинъ усматриваетъ не въ одномъ разногласіи людей двухъ разныхъ поколѣній, а объясняетъ только разницей воспитанія. Въ такомъ освѣщеніи вопроса, по существу нѣсколько одностороннемъ, сказался представитель извѣстныхъ педагогическихъ идей и въ этомъ именно художникъ уступилъ мѣсто публицисту; свою мысль Фонвизинъ воплощаетъ въ цѣломъ рядѣ фигуръ различнаго художественнаго совершенства. На ряду съ образами Софьи, Милона и Правдина, въ созданіи которыхъ онъ не обнаружилъ никакой самостоятельности, перенося ихъ цѣликомъ на страницы своей комедіи изъ любой пьесы своихъ предшественниковъ, другія фигуры, тоже встрѣчавшіяся уже въ репертуарѣ русскаго театра, онъ значительно углубилъ, сдѣлалъ гораздо выпуклѣе и опредѣленнѣе увѣренностью и мѣткостью обрисовки. Такова прежде всего г-жа Простакова. Злая, своенравная и невѣжественная жена появлялась на русской сценѣ и до Фонвизина, но онъ первый придалъ этому образу такой законченный и строго выдержанный характеръ, чѣмъ и заслонилъ совершенно всѣхъ ея сценическихъ родственницъ. Громадный художественный талантъ обнаружилъ Фонвизинъ и въ обрисовкѣ эпизодическихъ фигуръ, появляющихся въ пьесѣ только затѣмъ, чтобы на отношеніи къ нимъ обнаружить характеръ главныхъ персонажей пьесы. Тришка, Вральманъ, Цифиркинъ, Кутейкинъ появляются на сценѣ очень ненадолго, но это не мѣшаетъ автору каждую изъ этихъ дополнительныхъ фигуръ развить въ большой самостоятельный портретъ, вполнѣ опредѣленный. Нужды нѣтъ, что вся роль Вральмана занимаетъ не больше писаннаго листа. По этому обрывку мы безъ всякаго затрудненія возсоздаемъ всю физіономію этого персонажа, легко представляя себѣ и его прошлое и его будущее. По двумъ тремъ удачно брошеннымъ фразамъ мы угадываемъ тотъ путь, который привелъ Вральмана въ домъ Простаковыхъ и представляемъ себѣ поведеніе этого „ученаго иностранца“, сразу занявшаго авторитетное мѣсто излюбленнаго и балованнаго наставника въ домѣ Простаковыхъ.

Благодаря такой шлифовкѣ каждаго сценическаго образа, несмотря на его значеніе, въ пьесѣ нѣтъ въ сущности тѣхъ блѣдныхъ дополнительныхъ персонажей, присутствіе которыхъ такъ сильно портитъ остальныя пьесы драматурговъ XVIII вѣка, у которыхъ хватало таланта на созданіе только двухъ-трехъ центральныхъ фигуръ, тонущихъ въ массѣ недодѣланныхъ и недорисованныхъ персонажей, страшно расхолаживающихъ общее впечатлѣніе пьесы и уничтожающихъ совершенно и то немногое, что удалось драматургу на двухъ-трехъ лучше отдѣланныхъ фигурахъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно это совершенство художественной отдѣлки и придало пьесѣ секретъ вѣчной юности, сохранивъ за ней почетное мѣсто въ русскомъ репертуарѣ, откуда навсегда исчезло не мало пьесъ, написанныхъ на ту же основную тему, но выполненныхъ съ меньшимъ мастерствомъ. *Варнеке.*

Литературная характеристика Фонвизина.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлый властелинъ,
Блисталъ Фонвизинъ, другъ свободы.
А. Пушкинъ.

Пушкинъ владѣлъ особеннымъ искусствомъ изображать въ короткихъ, но точныхъ словахъ литературный характеръ писателя. Такъ и здѣсь, въ приведенномъ эпиграфѣ, обозначены тремя поэтическими строками и орудіе, которымъ дѣйствовалъ Фонвизинъ, и мысль, которой онъ служилъ. Все сказано ясно: и цѣль стремленій и путь къ цѣли. Критикѣ остается только развитіе вѣрнаго сужденія, брошеннаго какъ бы мимоходомъ. Она можетъ обставить его примѣрами, оправдать силлогизмами; но въ сущности скажетъ то же, потому что невозможно сказать что-нибудь противное. Рѣдкое, удивительное соединеніе поэтическаго генія съ вѣрностью критическаго взгляда! Даръ творчества и сила сознанія находятся, большею частью, въ обратномъ отношеніи. Иной творецъ хорошъ до тѣхъ только поръ, пока не выйдетъ изъ своей сферы; но если, сохрани Боже, пустился онъ разсуждать, то изъ всѣхъ его сужденій выйдетъ то же, что, по мнѣнію Гоголя, вышло изъ всѣхъ русскихъ повѣстей — размазня. Примѣръ подобной размазни читали мы очень недавно. Въ отчетѣ нашемъ о Фонвизинѣ мы разсмотримъ три предмета: *орудіе*, которымъ онъ дѣйствовалъ; *мысль*, которую онъ постоянно имѣлъ въ виду или, другими словами, цѣль его литературной дѣятельности, — наконецъ, *эстетическое достоинство* его сочиненій.

Орудіе, которымъ дѣйствуетъ тотъ или другой писатель, большею частью, зависитъ не отъ самого писателя: оно дается природою. А такъ какъ всего труднѣе итти противъ собственной природы, то, вольно или невольно, мы употребляемъ въ дѣло средства, данныя намъ отъ рожденія. Образованіе можетъ изострить или притупить орудіе, удержать его въ извѣстныхъ предѣлахъ или употребить во зло; но сущность врожденнаго остается неизмѣнною: оно не перейдетъ въ другую сущность. Отъ естественнаго отказаться нельзя, точно такъ же какъ естественное не отказывается отъ насъ. Куда ни бѣги отъ природы, она бѣжитъ вмѣстѣ съ тобой, и каковъ ты былъ въ колыбели, таковымъ — въ основныхъ чертахъ своей природы — ляжешь въ могилу. Дѣло мудраго воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть естественный удѣлъ каждаго человѣка, привести въ оцѣнку родовое имѣніе, укрѣпленное за нимъ природой, и потомъ, сообразивъ сумму и качество врожденныхъ наклонностей, дѣйствовать въ сферѣ удѣльнаго владѣнія души, покоряя его общимъ положеніямъ настолько, чтобы отъ покорности не страдали силы особеннаго человѣка, а отъ непокорности не терпѣли бы общія положенія. Смѣшно дитяти жить какъ взрослому, отъ флегматика требовать сангвиническихъ замашекъ, серіознаго заставлять смѣяться, веселому приказывать плакать. Каждому

свое, но такъ, чтобъ всѣмъ было добро и никому не было зла. Въ этомъ законная жизнь.

Врожденный и законный способъ Фонвизина заключался въ удивительномъ дарѣ остроумія. Его литературное орудіе — сатира, смѣлая и забавная, обличительная и шутливая. Его бичъ — насмѣшка, или колкая, или просто смѣющаяся, больше первая, чѣмъ послѣдняя. Она всегда почти обличала тѣхъ, противъ кого была направлена, и рѣдко заставляла ихъ улыбаться. Фонвизинъ, то ѣдкой силой напитывая строки, разилъ нравственную низость, то, силой забавнаго словца, смирялъ притязанія глупости. Пушкинъ справедливо назвалъ его сатиру смѣлой; она смѣла въ высокомъ значеніи этого слова. И нигдѣ не измѣняетъ онъ влеченію своей природы. Наклонностью къ сатирѣ объясняются всѣ его литературные пріемы, его достоинства и погрѣшности. Онъ терпѣлъ за свое остроуміе, и терпѣніе не отучило его отъ желанія дѣйствовать остроуміемъ. Какъ у Державина негодованіе, насмѣшка облекаются въ лирическій покрой, проникаются возвышеннымъ тономъ, такъ у Фонвизина къ возвышеннымъ чувствамъ прилаживается покрой сатирическій, примѣшивается остроуміе, желаніе ухватиться за предметъ насмѣшки. У перваго сатиры выходятъ одами, составляя какой-то особенный, оригинальный родъ — оды-сатиры; у послѣдняго оды переходили бы частью въ сатиры, если бъ онъ писалъ оды, и мы имѣли бы другой, собственный поэтическій родъ — сатиры-оды. Во всѣхъ возрастахъ и положеніяхъ своей жизни, при всемъ различіи предметовъ сочиненій Фонвизинъ — сатирикъ. Молодой двадцатилѣтній юноша, пишетъ онъ, письма къ родителямъ, которые, безъ сомнѣнія, улыбнулись не разъ при остроумныхъ, подчасъ колкихъ замѣткахъ своего сына.

„Иванъ Перфильевичъ (Елагинъ) ежедневно показываетъ мнѣ знаки своей милости: по крайней мѣрѣ нынѣ не имѣю я того смертельнаго огорченія, которое прежде чувствовалъ отъ человѣка, коего и самая природа и всѣ на свѣтѣ законы сдѣлали ниже меня, и который, несмотря на то, хотѣлъ не только имѣть надо мною преимущество, но еще и править мною такъ, какъ обыкновенно правятъ честными людьми многія твари одинаковой съ нимъ породы. Всю матерію заключаю тѣмъ, что я не отстану отъ Ивана Перфильевича, доколѣ Богъ велитъ или чортъ Л—у не поможетъ опять имъ овладѣть и вывести меня изъ настоящаго моего состоянія; однако и тогда, когда я принужденъ буду, избави Боже, оставить мѣсто, то не перестану любить и почитать Ивана Перфильевича“.

Въ другомъ письмѣ жалуется онъ на безпечность и невниманіе того же Ивана Перфильевича: „Къ пользѣ человѣческаго рода, каждую недѣлю даютъ здѣсь по трагической или комической штукѣ. Льются слезы о несчастіи театральнаго героя, а бѣдный Чур., который несчастливъ не на шутку, забытъ, да и помнить о немъ не велятъ. Вотъ какъ на свѣтѣ дѣла идутъ!“

Отношенія подчиненнаго къ начальнику не мѣшали обнаружи-

ваться сатирическимъ выходкамъ. Прося Елагиныхъ объ отсрочкѣ, онъ между многими причинами выставляетъ слѣдующую: „Я съ прискорбіемъ вижу, что, пріѣхавъ въ Петербургъ, не буду имѣть ни малѣйшаго случая заслужить тѣ деньги, которыя я изъ казны брать буду. Дѣла производитъ *секретарь*, а я развѣ для риѳмы буду только *тварь*. Я знаю, что все, кромѣ Создателя, тварь есть, но представьте, милостивый государь, кому хочется быть такою тварью, которая создана для того только, чтобы служить риѳмою другой?“

Разбитый параличемъ, безъ руки, безъ ноги и почти безъ языка, онъ сохранилъ, однакоже, языкъ остроумія и сатиры.

Прочтите отрывокъ изъ „Журнала путешествія въ Вѣну, хоть, напр., это мѣсто:

„Къ обѣду пріѣхали въ Калугу, гдѣ едва могли найти пристанище. Хозяйки мои назывались Татьяна Петровна и Марѳа Петровна В. Меньшая — великая богомолка и во все время нашей трапезы молилась за меня, громогласно вопія: „Спаси его, Господи, отъ скорби, печали и западной смерти!“ Скорбь и печаль я весьма разумѣлъ: ибо въ Москвѣ и то и другое терпѣлъ до крайности; но западной смерти не понималъ. По нѣкоторымъ объясненіямъ нашелъ я, что Марѳа Петровна въ словѣ ошиблась, и вмѣсто отъ внезапной врала — отъ западной смерти. Отобѣдавъ, выѣхали мы тотчасъ отъ сихъ калужскихъ дуръ“.

Въ „Письмахъ изъ путешествія къ сестрѣ“ пишетъ онъ о городѣ Слонимѣ:

„Я побѣгалъ по городу и нашелъ его лучше тѣхъ, кои проѣзжалъ, но со всѣмъ тѣмъ весьма сквернымъ“.

Есть такіе предметы, къ которымъ надобно подходить непремѣнно съ сатирой, потому что иначе нельзя къ нимъ и подойти. Но если предметъ таковъ, что у него не одна черная сторона, но есть и свѣтлая, тогда наклонность къ изображенію той или другой зависитъ уже отъ преобладающей способности автора. Лирикъ вдохновляется достоинствами общества, улучшеніемъ людей, признаками нравственнаго совершенствованія; сатирикъ, въ томъ же обществѣ, въ тѣхъ же людяхъ казнитъ противорѣчія достоинствамъ, помѣхи улучшеніямъ, уклоненія отъ совершенства. У обоихъ цѣль одна, — только пути къ цѣли различны: одинъ дѣйствуетъ отрицательнымъ образомъ, другой положительнымъ. Одинъ изображаетъ людей, какими не должны быть люди, другой представляетъ людей, какъ они должны быть. Но тамъ и здѣсь читатель приводится къ одной мѣрѣ; ибо видѣть идеалъ — значитъ понимать всякое отъ него уклоненіе, и наоборотъ, видѣть уклоненіе отъ идеала — значитъ понимать его. Возьмемъ одинъ примѣръ. Въ царствованіе Екатерины явились многіе знаменитые духовные ораторы. Безъ сомнѣнія, Фонвизинъ, образованнѣйшій мужъ своего времени, цѣнилъ лучше другихъ достоинство ихъ твореній, но эти творенія прошли мимо его пера. Не они заставили его написать что-нибудь въ этомъ родѣ, а проповѣди сель-

скихъ священниковъ, которые не умѣли надлежащимъ образомъ говорить съ крестьянскимъ людомъ. Фонвизинъ вооружился противъ этого неумѣнья, и плодомъ его сатирическаго направленія было извѣстное „Поученіе, говоренное въ Духовъ день іереемъ Васильемъ въ селѣ П.“. Да и какъ написано это поученіе? Тоже въ сатирическомъ духѣ: Фонвизинъ смѣется надъ крестьянами; онъ насмѣшкой смиряетъ ихъ чревоугодіе, ихъ страсть къ пьянству. Писатель другого рода написалъ бы слово другое; у него оно вышло бы кроткимъ, трогательнымъ, смиреннымъ поученіемъ. Можетъ-быть, оно не такъ бы сильно подѣйствовало, потому что насмѣшка страшнѣе многихъ орудій, но дѣло въ томъ, что Фонвизинъ заставилъ іерея Василья говорить такъ, а не иначе, не изъ видовъ сильнѣйшаго дѣйствія на слушателей, а вслѣдствіе своей собственной природы, увлекавшей его всегда къ сатирѣ. Другой примѣръ сатирической наклонности представляетъ письмо къ О. П. Козодавлеву о планѣ Россійскаго словаря. Дѣло серіозное, сухое, могло бы, кажется, обойтись безъ помощи смѣха; но у Фонвизина и филологическія, очень дѣльныя указанія, приняли остроумную форму, изложены въ сатирическомъ видѣ:

„Собственныя имена отнюдь не составляютъ существа языка, а уменьшительныя ихъ еще меньше, и если Ивану нѣтъ мѣста въ лексиконѣ, тѣмъ менѣе Ванькѣ такая претензія прилична“.

И въ другомъ мѣстѣ: „Академія положила принять въ словарь изъ собственныхъ именъ только самыя употребительныя; но какъ можно опредѣлить, которое имя есть самое употребительное и которое нѣтъ? Всякій за свое имя вступится. Въ вашемъ домѣ Осипъ, въ — моемъ Денисъ, весьма употребительны, и мнѣ кажется, что всякое имя нарекается христіанину при святомъ крещеніи точно для того, чтобы оно было употребительно. Вѣрьте мнѣ, что буде въ лексиконѣ нашемъ помѣстятся и одни тѣ, кои признаны будутъ самыми употребительными, то они съ своими *уменьшительными, привѣтственными, уничижительными* и пр. въ словарѣ нашемъ однихъ *Петрушекъ, Ванюшекъ, Анютокъ, Маѳутокъ,* по крайней мѣрѣ, не меньше тридцати тысячъ душъ. Тридцать тысячъ душъ имѣть хорошо, но не въ лексиконѣ“.

Всѣхъ мѣстъ, гдѣ блеститъ остроуміе Фонвизина, гдѣ въ большей или меньшей силѣ является онъ сатирикомъ, выписать невозможно, потому что тогда мы принуждены были бы перепечатать всѣ его сочиненія. Да кто жъ и не знаетъ ихъ? Есть ли хоть одинъ мало-мальски образованный человѣкъ, который по нѣскольку разъ не читалъ бы „Недоросля“ и „Бригадира“? Въ комедіяхъ, письмахъ, Всеобщей Придворной Грамматикѣ, въ Перепискѣ Взяткина и Стародума, въ Разговорѣ у княгини Халдиной, въ знаменитыхъ Вопросахъ, въ Посланіи къ слугамъ, въ Наставленіи дяди племяннику — вездѣ удивительное мастерство замѣтить глупое или низкое, осмѣять первое и поразить второе, — но поразить сатирой, не другимъ чѣмъ-нибудь.

Нѣкоторыя несообразности въ характерахъ и положеніяхъ драма-

тическихъ, ошибки противъ дѣйствительности и эстетики проистекаютъ изъ того же источника, объясняются тѣмъ же направленіемъ. Кн. Вяземскій, первый, кажется, замѣтилъ, что въ „Бригадирѣ“ есть забавное противорѣчіе. Одно и то же лицо — совѣтникъ — выходитъ и толстымъ и тонкимъ. Во второмъ дѣйствіи бригадирша говоритъ ему: „Ты ужъ и такъ, мой батюшка, съ поста и молитвы скоро на усопшаго походить будешь“, а въ четвертомъ — совѣтникъ увѣряетъ бригадира, что въ его коллегіи былъ одинъ канцеляристъ чуть не впятеро его толще. Очень ясно, что этого быть не могло; но Фонвизинъ воспользовался и толщиной и худобой, какъ двумя случаями, чтобы сказать нѣчто забавное.

Есть лица, нарисованныя карикатурно. Трудно повѣрить, чтобъ они до такой степени были глупы; но вы, не вѣря въ истину ихъ глупости, отъ души смѣетесь надъ послѣднею. Даже и мастерски созданные характеры (напр. Простакова) говорятъ иногда такія рѣчи, которыхъ не могли бы они говорить, строго держась своихъ понятій: остроуміе Фонвизина позволило имъ на время оставить свой образъ мыслей. Особенно въ Бригадирѣ замѣтны эти умышленныя несообразности: дѣйствующія лица какъ бы думаютъ о томъ, чтобы насказать побольше смѣшныхъ вещей и позабавить зрителей.

Сатирическое направленіе Фонвизина не было простымъ удовлетвореніемъ благородной потребности ругаться, какъ это случается у многихъ и въ жизни и въ литературѣ. Онъ каралъ видимыя отступленія отъ нравственнаго долга, потому что его внутреннее чувство оскорблялось въ благороднѣйшихъ своихъ стремленіяхъ — оскорблялось злоупотребленіями, предразсудками, пороками. Выражая свое негодованіе язвительнымъ упрекомъ или остроумною насмѣшкою, онъ отмщалъ за поруганное достоинство человѣка.

Талантъ сатирическій есть даръ природы; просвѣщеніе даетъ основу его стремленіямъ, указываетъ цѣль дѣйствій. Оно образуетъ въ душѣ сатирика идеалъ нравственнаго достоинства нашего, образъ того, чѣмъ долженъ быть человѣкъ. Съ этимъ понятіемъ о нравственномъ совершенствѣ сличаетъ онъ современное общество, чтобы видѣть мѣру его приближенія къ идеалу или мѣру удаленія отъ идеала. И когда передъ глазами его происходятъ такія явленія, въ которыхъ унижается достоинство человѣка, оскорбляется живущая въ немъ искра божества, попирается ногами благородный образъ его высокаго происхожденія, — тогда въ возвышенной душѣ сатирика возстаетъ его собственное чувство благородства, и въ потокѣ язвительной ироніи онъ изливаетъ ропотъ своего негодованія. Сатирикъ легкомысленный или безсовѣстный безъ стыда измѣняетъ предметы своихъ нападокъ, — одинъ изъ побужденій корыстныхъ, другой по волѣ своего вѣтренаго характера. Ратуя сегодня за умъ и добродѣтель, они завтра же готовы бросать въ нихъ грязью. Не таковъ былъ Фонвизинъ. Постоянной цѣлью сатиры его было все то, что задерживаетъ человѣка на пути къ его совершенствованію.

Благородство характера перешло къ нему по наслѣдству отъ отца. „Отецъ мой, говоритъ онъ въ „Чист. признаніи“, „любилъ правду и такъ не терпѣлъ лжи, что всегда краснѣлъ, когда кто лгать при немъ не устыжался. Въ переднихъ знатныхъ вельможъ никто его не видывалъ, но не пропускалъ ни одного праздника, чтобы не быть съ почтеніемъ у своихъ начальниковъ. Ненавидѣлъ лихоимства, и бывъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ люди наживаются, никакихъ никогда подарковъ не принималъ. Съ людьми своими обходился съ кротостью, но, не взирая на сіе, въ домѣ нашемъ дурныхъ людей не было“.

Но если высокая нравственность выказывается въ отношеніяхъ нашихъ къ старшимъ, то еще сильнѣе, чертами болѣе рѣзкими обнаруживаетъ ее человѣкъ въ своихъ отношеніяхъ къ младшимъ, принимая слова старшій и младшій въ обширномъ значеніи. Нельзя безъ особеннаго чувства уваженія читать слѣдующія строки признанія, въ которыхъ авторъ, испытавъ свою совѣсть, разоблачаетъ ее передъ публикой:

„Сердце мое, не похвалясь скажу, предоброе. Я ничего такъ не боялся, какъ сдѣлать кому-нибудь несправедливость; и для того ни передъ кѣмъ такъ не трусилъ, какъ передъ тѣми, кои отъ меня зависѣли и кои отмстить мнѣ не въ состояніи“.

Да, вотъ оно, вѣрное мѣрило нравственной чистоты, истинная доблесть человѣка-гражданина, идеалъ общественнаго устройства. Правдивое поведеніе съ равными не всегда служитъ ручательствомъ за искренность правды: мысль равной отплаты можетъ пугать обидчика и обезпечивать обиженнаго. Даже борьба съ человѣкомъ, который богаче и сильнѣе насъ, подозрительна; тщеславіе замѣняетъ иногда крѣпость духа, слабый воспламеняется особеннымъ мужествомъ, завязывая борьбу неравныхъ силъ. Но отказаться отъ неправды при всей возможности не отказываться, выбрать себѣ закономъ не возможность дѣяній, а нравственный долгъ, не формальное право, а внутреннее правило, вотъ гдѣ истинная побѣда надъ самимъ собою, вотъ въ чемъ трофей человѣческаго величія, безсмертіе нашихъ заслугъ.

Понятно, что, управляемый благороднѣйшимъ образомъ мыслей, Фонвизинъ черпалъ въ немъ свое вдохновеніе всякій разъ, когда люди нарушали нравственныя обязанности, — вдохновеніе, которое дѣйствуетъ въ одѣ такъ свободно, такъ нераздѣльно съ своимъ предметомъ, что не имѣетъ нужды ни въ какой задней мысли. Вдохновеніе сатирика необходимо раздѣляется между предметомъ, его возбуждающимъ, и между тѣмъ идеаломъ, который носитъ поэтъ въ душѣ своей. Отсюда иронія, проникающая сатиру. Смотря по предмету, сатирѣ можетъ иногда недоставать огня, сильнаго одушевленія, но иронія неразлучна съ нею. Въ послѣднемъ случаѣ сатира переходитъ изъ патетической или карающей, какъ называетъ ее Шиллеръ, въ шутливую. Первая обращена къ великимъ противорѣчіямъ нравственности, къ важнымъ вопросамъ жизни, къ тѣмъ ея явленіямъ, въ которыхъ прямо унижается достоинство человѣческой природы: отсюда ея строгій, угрожающій тонъ, ея сила и возвышенность. Предметъ второй составляютъ частные

случаи въ жизни, мелкія уклоненія отъ законовъ разумной природы, которые скорѣе вызываютъ улыбку, нежели возбуждаютъ гнѣвъ: отсюда ея шутливый, насмѣшливый тонъ, ея остроуміе, замѣняющее здѣсь силу одушевленія. Въ сочиненіяхъ Фонвизина находятся оба рода сатиры. Такъ, напримѣръ, къ обличительной, карающей сатирѣ принадлежатъ рѣчи Стародума, которыя мы сокращали въ представленіи, но которыя въ свое время имѣли высокое значеніе и производили изумительный эффектъ.

Что же было идеаломъ Фонвизина? Свободное развитіе человѣческаго духа. Что было предметомъ его сатиры? Все, противное свободному развитію, каждая задержка на пути нравственнаго совершенствованія. На ряду съ благородными слѣдствіями Петровской реформы, которыми Россія блистательно пользовалась въ царствованіе Екатерины II, явились и злоупотребленія реформы, плоды непонятной или дурно понятой мысли Петра. На многихъ преобразованіе подѣйствовало только своею внѣшностью; они усвоили себѣ только наружныя отличія новаго порядка вещей, оставшись въ сущности невѣждами. Представитель такихъ невѣждъ — Иванушка, бригадирскій сынъ. Въ комедіи „Бригадиръ" Фонвизинъ осмѣялъ поверхностное, внѣшнее полуобразованіе новаго поколѣнія, которое приняло знаніе французскаго языка и заимствованіе европейскихъ обычаевъ за истинное образованіе. Фонвизинъ не былъ снисходителенъ къ тѣмъ явленіямъ жизни, которыя, можетъ-быть, составляютъ необходимое, хотя и временное зло, при каждомъ движеніи впередъ. Довольно того, что они уклоняются въ сторону отъ истины, искажаютъ ее и такъ или иначе — и онъ поражаетъ ихъ сатирой, какъ препятствіе прогрессу. Другіе вовсе не хотѣли принять реформы Петра, или принимали ее упорно, закоснѣлые въ невѣжествѣ. Фонвизинъ написалъ знаменитаго „Недоросля", въ которомъ изобразилъ это невѣжество и происходящее изъ него злоупотребленіе домашней власти. Послѣ прекраснаго разбора этой комедіи, написаннаго княземъ Вяземскимъ, трудно сказать что-нибудь новое. Критикъ различаетъ въ „Недорослѣ" двѣ стороны: комическую и нравственную. Комическая состоитъ въ прекрасномъ изображеніи нѣкоторыхъ характеровъ, въ искусномъ веденіи многихъ сценъ; нравственная или патріотическая заключается въ томъ, что смѣшное не мѣшаетъ видѣть ужасное или трагическое, что въ содержаніи комедіи „Недоросль" и въ лицѣ Простаковой скрываются страсти, нужныя для трагическаго дѣйствія и трагической развязки, хотя, разумѣется, трагикъ вооружитъ Простакову не кинжаломъ, наподобіе Мельпомены, а палкой или арапникомъ. Мы помнимъ, что послѣ первыхъ представленій „Ревизора" журналы замѣтили непріятное, тягостное, своего рода трагическое впечатлѣніе, производимое пьесою на тѣхъ зрителей, которые имѣютъ глаза и видятъ. Мысль эта показалась тогда чудною; однакоже она вполнѣ справедлива; и самъ Гоголь оправдалъ ее впослѣдствіи своимъ „Разговоромъ". Эта мысль сама собою вытекаетъ изъ качествъ высококомическаго изображенія жизни. Истинный комическій поэтъ не доволь-

ствуется представленіемъ только смѣшной стороны человѣка: смѣхъ не скрываетъ отъ насъ глубокой грусти, когда мы знаемъ назначеніе человѣка и видимъ, какъ мало явленія жизни подходятъ подъ это назначеніе; за видимымъ смѣхомъ ожидаютъ насъ невидимыя слезы, стоятъ прискорбныя впечатлѣнія. Чувство пустоты, которая остается въ насъ послѣ смѣха, и возрождающееся отъ того живое ощущеніе потребности болѣе человѣческаго образа дѣйствій,болѣе живое влеченіе, болѣе теплая любовь къ нравственности чистой, неиспроченной — вотъ вліянія комедіи. Слѣдовательно, въ основаніи комедіи лежитъ глубокое чувство поэта, которое хотя и не для всякаго внятно (потому что большая часть довольствуется однимъ смѣхомъ, веселостью), но которое слышится въ этихъ, часто безсмысленныхъ рѣчахъ, какія ведутъ между собою дѣйствующія лица, которое видится въ этихъ пошлыхъ или низкихъ дѣлахъ. Эти дѣла и рѣчи возвращаютъ каждаго, кто способенъ угадать и восчувствовать настоящую мысль комедіи, къ тому же строгому и нравственному идеалу, какой имѣетъ въ виду и трагедія. Вотъ почему глубокомысленные критики ставятъ комедію въ нѣкоторомъ смыслѣ выше трагедіи: „Много было споровъ о томъ“, говоритъ Шиллеръ, „которому изъ двухъ родовъ драматической поэзіи — трагедіи или комедіи принадлежитъ преимущество. Если этимъ хотятъ спросить, въ которомъ изъ двухъ родовъ предметъ важнѣе, то, разумѣется, преимущество остается за трагедіей. Но если сила вопроса въ томъ, какой родъ требуетъ возвышеннѣйшей поэтической личности, то скорѣе должно рѣшить въ пользу комедіи. Въ трагедіи многое, очень многое дается самымъ предметомъ, въ комедіи предметомъ взять нечего, но все совершенно зависитъ отъ поэта, который долженъ постоянно держать его на извѣстной эстетической высотѣ. И поэтому, если трагедія отправляется отъ важнѣйшаго исходнаго пункта, то комедія стремится къ важнѣйшей цѣли. Эта цѣль комедіи есть одна и та же съ высочайшею изъ всѣхъ, какія только существуютъ для человѣческихъ стремленій; она состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка свободнымъ отъ страстей, отъ нравственной низости, чтобы онъ всегда ясно, спокойно и достойно смотрѣлъ въ себя и около себя“.

Принадлежа къ образованнѣйшимъ людямъ своего вѣка, Фонвизинъ умѣлъ цѣнить значеніе европейскихъ идей, но какъ человѣкъ съ отмѣнно здравымъ словомъ, слѣдовательно, чуждый всякаго увлеченія, онъ видѣлъ злоупотребленія, отъ времени прицѣпившіяся къ самымъ добрымъ постановленіямъ.

„Главное раченіе мое обратилъ я къ познанію здѣшнихъ законовъ. Сколь много не совмѣстны они въ подробностяхъ своихъ съ нашими, столь, напротивъ того, общія правосудія правила просвѣщаютъ меня въ познаніи существа самой истины и способахъ находить ее въ той мрачной глубинѣ, куда свергаютъ ее невѣжество и ябеда. Система законовъ сего государства есть зданіе, можно сказать, премудрое, сооруженное многими вѣками и рѣдками умами; но вкравшіяся мало-по-малу различныя злоупотребленія и развращеніе нравовъ дошли до

юй крайности и потрясли основаніе сего пространнаго зданія такъ, › жить въ немъ бѣдственно, а разорить его пагубно“.

Въ другомъ письмѣ изъ Парижа: „Я стараюсь употребить каждый ;ъ въ пользу, примѣчая все то, что можетъ мнѣ подать справед-ъѣйшее понятіе о національномъ характерѣ. Неприлично изъясняться ьономъ откровенно отсюда; ибо могутъ здѣсь почитать меня или ;тецомъ, или осуждателемъ: но не могу же не отдать и той спра-,ливости, что надобно отрещись вовсе отъ общаго смысла и истины, и сказать, что нѣтъ здѣсь весьма много чрезвычайно хорошаго и ;ражанія достойнаго. Все сіе однакожъ не ослѣпляетъ меня до того, ›бы не увидѣть здѣсь столько же, или больше, совершенно дурного, гакого, отъ чего насъ Боже избави“.

Чрезвычайно остроумно описано L'ouverture des états въ Монпелье: асѣданіе началось чрезъ одного синдика чтеніемъ историческаго ісанія древняго Монпельевскаго королевства. Прошедъ времена ›вnихъ королей и упомянувъ, какъ оно перешло во владѣніе фран-ıскихъ государей, сказано въ заключеніе всего, что нынѣ благо-іучно владѣющему монарху надлежитъ платить деньги. Графъ Пери-›ъ потомъ читалъ рѣчь весьма трогательную, въ которой изобразилъ :гъ вѣрноподанныхъ платить исправно деньги. Многіе прослезились › его краснорѣчія. Интендантъ читалъ съ своей стороны какже рѣчь, которой, говоря весьма много о дѣйствіяхъ природы и искусства, квалялъ здѣшній климатъ и трудолюбивый характеръ жителей. По мнѣнію, и самая ясность небесъ здѣшняго края должна способ-овать къ исправному платежу подати. Послѣ сего архіепископъ ›бонскій говорилъ поучительное слово. Проходя всю исторію ком-›ціи, весьма краснорѣчиво изобразилъ онъ всѣ ея выгоды и сокро-ца, и заключилъ тѣмъ, что съ помощію коммерціи, къ которой онъ 'шателей сильно поощрялъ, Господь наградитъ со сторицею ту сумму, ;орую они согласятся заплатить нынѣ своему государю. Каждая изъ съ рѣчей сопровождаема была комплиментовъ къ знатнѣйшимъ со-›намъ. Интендантъ превозносилъ похвалами архіепископа, архіепис-іъ интенданта; оба они выхваляли Перигора, а Перигоръ выхва-іъ ихъ обоихъ. Потомъ всѣ пошли въ соборную церковь, гдѣ пѣтъ лъ благодарный молебенъ Всевышнему за сохраненіе въ жителяхъ ıнодушія къ добровольному платежу того, что въ противномъ случаѣ ли бы съ нихъ насильно“.

Вотъ нѣсколько строкъ о тогдашнемъ воспитаніи во Франціи, этгорое у французовъ пренебреженно до невѣроятности. Первыя ›бы въ государствѣ не могутъ никогда много разниться отъ без-›весныхъ; ибо воспитываютъ ихъ такъ, чтобы они на людей не ходили. Какъ скоро начинаютъ понимать, то попы вселяютъ въ нихъ эдразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій, и они вырастаютъ ыкновенно съ однимъ чувствомъ подобострастія къ духовенству. інѣшній король трудолюбивъ и добросердеченъ; но оба сіи качества равляются чужими головами. Одинъ изъ принцевъ имѣетъ великую

претензію на царство небесное и о земныхъ вещахъ мало помышляетъ. Попы увѣрили его, что, не отрекшись вовсе отъ здраваго ума, нельзя никакъ понравиться Богу, и онъ дѣлаетъ все возможное, чтобы стать угодникомъ Божіимъ. Другой побѣдилъ силу вѣры силою вина: мало людей перепить его могутъ". Всѣ эти описанія сколько остроумно злы, столько страшно вѣрны. Видишь картину разлагающагося общества, слышишь приближеніе революціи. Нельзя безъ ужаса читать характеристику тогдашняго французскаго правительства: „Каждый министръ есть деспотъ въ своемъ департаментѣ. Фавориты его дѣлятъ съ нимъ самовластіе и своимъ фаворитамъ удѣляютъ. Что видѣлъ я въ другихъ мѣстахъ, видѣлъ и во Франціи. Кажется, будто всѣ люди на то сотворены, чтобы каждый былъ или тиранъ или жертва. Неправосудіе во Франціи тѣмъ жесточе, что происходитъ оно непосредственно отъ самого правительства и на всѣхъ простирается. Налоги, частые и тяжкіе, служатъ къ одному обогащенію ненасытныхъ чиновниковъ; никто, не подвергаясь бѣдѣ, не имѣетъ слова молвить противъ сихъ утѣсненій. Надобно тотчасъ выбрать одно изъ двухъ: или платить, или быть брошену въ тюрьму. C'est l'affaire du goût. Всякій дѣлаетъ, что хочетъ.

„Народъ въ провинціяхъ еще несчастнѣе, нежели въ столицѣ. Судьба его зависитъ главнѣйше отъ интенданта; но что такое интендантъ? Воръ, имѣющій полномочіе грабить провинцію безотчетно. Чѣмъ дороже ему стала у двора сія привилегія, тѣмъ для народа тягостнѣе. Каждый изъ нихъ начинаетъ ремесло свое тѣмъ, что захватываетъ откупъ хлѣба, нужнѣйшаго для жизни произрастенія, и принуждаетъ чрезъ то жителей покупать у него жизнь за ту цѣну, которую опредѣлить заблагоразсуждаетъ. Франція вся въ откупу. Невозможно выѣхать нѣсколько шаговъ изъ Парижа, чтобы, воротясь, не быть остановлену таможнею. Почти за все ввозимое въ городъ платится столько пошлинъ, сколько сама вещь стоитъ. Изъ уваженія къ особѣ государя узаконено не собирать пошлины въ томъ одномъ мѣстѣ, гдѣ его присутствіе; слѣдовательно, въ тотъ день, въ который король пріѣхалъ бы въ Парижъ, пошлина не должна собираться съ народа. Сіе причиною, что король, будучи у рѣшетки Парижа, въ него не въѣзжаетъ; онъ уже нѣсколько лѣтъ не былъ въ Парижѣ для того, что по конракту отдалъ его грабить государственнымъ ворамъ. Можно сказать, что Версаль есть мѣсто, куда французскаго короля посылаютъ откупщики въ вѣчную ссылку".

Невѣжество въ разныхъ видахъ, съ разными своими слѣдствіями, иногда только что смѣшными, но чаще гибельными, постоянно вооружало противъ себя Фонвизина, который особенно негодовалъ на барскую спесь и надменность вельможъ, на подлость выслуживающихся и на лихоимство. Въ „Придворной Грамматикѣ" съ чрезвычайнымъ остроуміемъ охарактеризованы гласные, полугласные и безгласные люди. Въ „Письмѣ къ Стародуму отъ дѣдиловскаго помѣщика Дурыкина", послѣдній, какъ истинный баринъ тогдашняго времени, полагаетъ въ числѣ кондицій для домашняго учителя слѣдующія:

„4) А какъ я, по милости Божіей, имѣю чинъ генеральскій, будучи отставленъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, то я именно требую, чтобъ онъ въ разговорахъ со мною и съ женою давалъ намъ чаще титулъ превосходительства; 5) при гостяхъ въ наше присутствіе онъ садиться не долженъ; 6) при мнѣ и при женѣ моей ни шляпы ни колпака отнюдь не надѣвать; но изъ человѣколюбія въ зимнее время дозволяю закрыться, и то когда мятель большая".

„Письмо, найденное по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника Взяткина, къ покойному его превосходительству***, и отвѣтъ на него" изображаютъ яркими, остроумными чертами лихоимство.

„Взяткинъ съ крайнимъ сердца обрадованіемъ услышалъ, что его превосходительство, такъ сказать, изъ ничего, по единой Божеской благости, слѣпымъ случаемъ произведенъ въ большой чинъ и посаженъ знатнымъ судьей, весьма въ непродолжительное время и безъ всякихъ трудовъ по единой милости Создателя, изъ ничего всю вселенную создавшаго".

Положивъ правиломъ своихъ дѣйствій силлогизмъ:

„Буде челобидчикъ и отвѣтчикъ ищутъ своей пользы въ законахъ, то для чего же судьѣ своей пользы не искать въ законахъ?"—

Взяткинъ предлагаетъ краткій реестръ для напоминанія своей просьбы, съ означеніемъ цѣнъ, клятвенно обѣщаемыхъ его превосходительству за милостивую протекцію и покровительство. Пятый пунктъ реестра очень забавенъ и напоминаетъ быка въ извѣстной баснѣ „Моръ звѣрей", пострадавшаго за клокъ сѣна.

„Находившійся при таможенныхъ сборахъ асессоръ Простофилинъ, котораго за весьма малое до казны прикосновеніе бросили отъ мѣста, припадаетъ къ стопамъ вашего превосходительства и проситъ изъ единаго человѣколюбія приложить милосердное попеченіе объ опредѣленіи его къ новому мѣсту, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что онъ такъ мало до казны никогда не прикоснется и поставитъ себѣ въ состояніе, въ непродолжительномъ времени, достойно и праведно возблагодарить ваше превосходительство".

Мы сказали, что тѣ явленіи, въ которыхъ Стародумъ разсуждаетъ съ Правдинымъ, Софьей и Милономъ, сокращались при ближайшихъ къ намъ представленіяхъ „Недоросля"; но, безъ сомнѣнія, во время Фонвизина они производили чрезвычайное впечатлѣніе на публику по своей современности, когда, между зрителями сидѣли, можетъ быть, тѣ и другіе, къ которымъ ловко приходились правдивыя рѣчи Стародума, этого друга честныхъ людей, какъ онъ самъ себя назвалъ. Въ письмѣ своемъ къ Стародуму Фонвизинъ прямо указываетъ на это впечатлѣніе, говоря:

„Я долженъ признаться, что за успѣхъ комедіи моей: „Недоросль" одолженъ я вашей особѣ. Изъ разговоровъ вашихъ въ Правдинымъ, Милономъ и Софьей составилъ я цѣлыя явленія, кои публика и донынѣ съ удовольствіемъ слушаетъ".

А что же въ этихъ разговорахъ? Старый образъ мыслей (какъ

видно изъ самаго имени Стародумъ), противоположный новому, выраженіе достоинствъ Петрова времени, сличеннаго съ недостатками того времени, къ которому принадлежалъ Фонвизинъ и въ которомъ „многіе не стоили одного". Въ это время на ряду съ плодами истиннаго просвѣщенія, быстро пошедшаго впередъ, возросли и плевелы, явились злоупотребленія. Глубоко уважая первое, высочайшей представительницею котораго была императрица, Фонвизинъ тѣмъ сильнѣе напалъ на послѣднее. Онъ видѣлъ, что между людьми случайными и людьми почтенными бываетъ иногда неизмѣримая разница, видѣлъ себялюбіе, которое суетится объ одномъ настоящемъ часѣ, людей, которые не оставляютъ двора потому только, что дворъ имъ полезенъ, которые разсчитываютъ степени знатности не по числу дѣлъ, которыя большой господинъ сдѣлалъ для отечества, а по числу дѣлъ, которыя нахваталъ на себя изъ высокомѣрія, и все это обличилъ прямою, неподслащенной сатирой.

„*Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей*" приноситъ жалобу на тѣхъ, кои достигли знаменитости, не будучи сами — умомъ и знаніемъ весьма знамениты. Въ душѣ этихъ невѣждъ родилось внутреннее удостовѣреніе, что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ. Исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, они постановили между собою условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ. И вслѣдствіе этого учинили опредѣленіе: 1) всѣхъ, упражняющихся въ словесныхъ наукахъ, къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать.—Фонвизинъ (подписавшійся Нельстецовымъ) проситъ отмѣнить такое „беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе" и грамотныхъ людей повелѣть употреблять по способностямъ къ дѣламъ, дабы они, служа россійскимъ музамъ на досугѣ, могли главное жизни своей время посвятить на дѣло для службы ея величества. Слѣдовательно и здѣсь, какъ и вездѣ, знаменемъ Фонвизина было просвѣщеніе, наука, слѣдованіе за вѣкомъ, а предметомъ сатиръ невѣжество, ложная, заимствованная знаменитость, или, какъ выражается авторъ, „умы жалованные, а не родовые".

„*Наставленіе дяди своему племяннику*" весьма замѣчательно, какъ сопоставленіе двухъ крайнихъ противоположныхъ системъ, изъ которыхъ одна, сурово-нравственная, своими безусловными правилами, приводитъ человѣка къ дѣйствительнымъ страданіямъ, а другая, рѣшительно безнравственная, надѣляетъ его благами земными за пожертвованіе всѣмъ, что есть въ насъ доблестнаго и священнаго. Подъ конецъ авторъ находитъ средство спасти честь и вмѣстѣ спасти свое счастье, ограничивая предписанія крайней нравственности, такъ что она не сокрушаетъ личности, удѣлъ которой наслаждаться жизнью, а не страдать для того только, чтобы имѣть потомъ возможность утѣшаться чѣмъ-нибудь постороннимъ, лежащимъ внѣ жизни.

„Будь чистосердеченъ“, говоритъ дядя, „но знай, что не всегда и всякую истину говорить надобно. Будь благотворителенъ, но не разстраивай своего состоянія. Будь трудолюбивъ и прилѣпляйся къ ученію, но не возмечтай о своей мудрости“.

Отъ положенія нравственнаго кодекса Фонвизинъ восходилъ и выше — къ общему взгляду на устройство жизни, къ міросозерцанію которое выразилъ въ шуточномъ „Посланіи къ слугамъ своимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ“. Это міросозерцаніе есть дань философіи XVIII вѣка метафизическимъ идеямъ энциклопедистовъ: конечно, оно ложно и мелко; но Фонвизинъ самъ раскаялся въ немъ, какъ въ злоупотребленіи остроумія.

Какъ смѣла сатира Фонвизина, какъ далеко простиралъ онъ виды свои, и сколь многаго ожидалъ отъ движенія просвѣщенія — это всего яснѣе въ его „Вопросахъ“. Считаемъ излишнимъ говорить о нихъ, какъ объ извѣстныхъ каждому образованному. Они вполнѣ удостовѣряютъ, что литературное направленіе Фонвизина было благородное, честное, возвышенное направленіе, что онъ былъ не просто писатель, но писатель-патріотъ, желавшій истинныхъ благъ своему отечеству, что онъ употреблялъ перо свое, какъ орудіе нравственной силы, для пораженія безнравственности. Онъ самъ это зналъ, убѣжденный въ пользѣ своего литературнаго дѣла, и потому нельзя безъ глубокаго сочувствія читать его „Письма къ сочинителю „Былей и небылицъ“ отъ сочинителя „Вопросовъ“ и „Письма къ Стародуму“. Вотъ нѣсколько строкъ изъ второго:

„Человѣкъ съ дарованіемъ есть, такъ сказать, стражъ общаго блага. Онъ можетъ въ своей комнатѣ съ перомъ въ рукахъ быть иногда полезнымъ совѣтователемъ государю, а иногда и спасителемъ согражданъ и отечества“.

Этими словами вѣрно характеризуетъ себя авторъ „Недоросля“, смѣлый обличитель пороковъ и невѣжества, открытый другъ свободнаго развитія духовныхъ силъ человѣка, слуга своего идеала. Такое направленіе литературной дѣятельности князь Вяземскій прекрасно назвалъ ея патріотическою стороною. Просвѣщенное и благодѣтельное правительство находитъ въ ней содѣйствіе своимъ видамъ.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ объ эстетическомъ значеніи комическихъ пьесъ Фонвизина („Недоросля“ и „Бригадира“), объ ихъ достоинствѣ въ отношеніи къ искусству.

Что касается до характеровъ дѣйствующихъ лицъ, то они были уже настоящими списками съ русской жизни, въ которыхъ многіе узнавали себя, а не пустыми подобіями людей, никогда не существовавшихъ; они были русскіе не по однимъ именамъ (какъ у предшествовавшихъ писателей), а русскіе по своимъ отличительнымъ свойствамъ, лица живыя. Много значитъ это и теперь, когда понятія о творческой дѣятельности уяснились почти до популярности, когда истинно-изящныхъ произведеній явилось столько, что даже посредственный талантъ, изучая ихъ, набиваетъ руку въ изображеніи дѣйстви-

тельной жизни. Несравненно больше значило это тогда, при отсутствіи всякой теоріи изящнаго, при всеобщей и слѣпой подражательности французскимъ писателямъ, плохимъ эстетикамъ и плохимъ творцамъ.

За характерами слѣдуетъ дѣйствіе, въ которомъ они должны раскрываться. Необходимое условіе дѣйствія — стройное его развитіе, правильность и послѣдовательность, такъ чтобы отдѣльныя его сцены соединялись въ одно, ясное и полное цѣлое; въ такомъ только случаѣ послѣднее будетъ художественнымъ, и комедія — истинной комедіей. Съ этой стороны ни „Бригадиръ“ ни „Недоросль“ не удовлетворяютъ требованіямъ критики: это не комедія въ полномъ смыслѣ этого слова, а сатира въ лицахъ или сценахъ. Платя дань вѣку, Фонвизинъ, на ряду съ истинными характерами, съ живыми лицами, выводитъ олицетворенія различныхъ добродѣтелей или пороковъ, слѣдовательно, не лица, а призраки, нѣчто въ родѣ восковыхъ фигуръ, которыя можно узнать частью по самымъ именамъ (Стародумъ, Милонъ). При такомъ соединеніи дѣйствительныхъ лицъ съ олицетвореніями отвлеченныхъ понятій не могло быть крѣпкой завязки, а гдѣ нѣтъ крѣпкой завязки, тамъ пьеса по необходимости распадается на отдѣльныя сцены, которыя авторъ связываетъ по произволу.

Причины тому трoякія: время, къ которому принадлежалъ Фонвизинъ, свойство его таланта и цѣль, которую онъ себѣ предположилъ.

Мы уже замѣтили, что во время Фонвизина не только не имѣли понятія о художественности произведенія, но и смѣшивали стихотворство съ поэзіей. Введеніе въ комедію резонеровъ, точно такъ же, какъ наперсниковъ въ трагедіи, считалось почти правиломъ. Авторъ вручалъ особенному лицу проповѣдываніе морали: это лицо служило органомъ нравственныхъ идей пьесы, которая чрезъ это какъ будто долженствовала упрочить свое вліяніе на зрителей. „Одна половина роли Стародума“, говоритъ кн. Вяземскій, „соотвѣтствуетъ хору древнихъ трагедій“. Нельзя вѣрнѣе обозначить характеръ его дѣйствія, или лучше, малодѣйствія. И какъ хоръ своею пѣснью выражалъ участіе зрителей въ ходѣ драмы, такъ и Стародумъ своими словами высказываетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что долженъ былъ чувствовать зритель, видя передъ собою Простакову, Простакова, Скотинина. Какъ хоръ нравственнымъ урокомъ заключалъ все представленіе, такъ и Стародумъ нравственнымъ же урокомъ заключаетъ представленіе „Недоросля“, говоря: „Вотъ злонравія достойные плоды!“ Но этотъ урокъ, если ужъ онъ нуженъ, обязана сказать сама пьеса не посредствомъ лица, нарочно для того поставленнаго, а представленіемъ цѣлаго событія, стройно и послѣдовательно развившагося предъ глазами публики.

О другой причинѣ, которая заключается въ особенномъ свойствѣ таланта Фонвизина, таланта по превосходству сатирическаго, мы говорили въ первой части статьи. Тамъ замѣтили мы, что онъ приноситъ иногда правдоподобіе въ жертву остроумію; что желаніе высказать смѣшное беретъ у него въ иныхъ случаяхъ перевѣсъ надъ требованіемъ поэтическаго искусства не отступать отъ естественнаго;

что наклонностью къ шуткѣ объясняются нѣкоторыя несообразности въ характерахъ. Въ примѣръ представили мы совѣтника (изъ „Бригадира“), который выходитъ и толстымъ и тонкимъ. Но есть и другіе примѣры, въ которыхъ, на ряду съ чрезвычайно вѣрнымъ изображеніемъ характера, прорываются невѣрности противъ дѣйствительнаго хода вещей. Видишь тотчасъ, что такія-то слова сказаны не потому, что ихъ возможно было сказать, что они умѣстны, а потому, что, будучи неумѣстными, они все-таки смѣшатъ читателей. Сюда принадлежитъ и слишкомъ увеличенная привязанность Скотинина къ свиньямъ; сюда же относятся и челобитье Кутейкина, который проситъ „объ увольненіи отъ бездны премудрости“, и консисторская резолюція, которая свое согласіе подкрѣпляетъ библейскимъ текстомъ: „Писано бо есть: не мечите бисера предъ свиньями, да не попрутъ его ногами“, и разсужденія бригадира о томъ, что Богъ считаетъ волосы только у первыхъ пяти классовъ, по табели о рангахъ.

Но кромѣ остроумныхъ выходокъ, Фонвизину нужны сентенціи, нравственныя правила. Онъ зналъ, какую пользу можетъ принести его сатира, понималъ важность литератора, изображающаго современные пороки и глупости, и, безъ сомнѣнія, не столько дорожилъ эстетическимъ достоинствомъ того, что писалъ, сколько нравственнымъ вліяніемъ написаннаго. Его цѣль — патріотическая: быть, въ нѣкоторомъ отношеніи, сподвижникомъ просвѣщеннаго правительства. При такомъ взглядѣ каждое произведеніе литературы — будетъ ли то комедія, или повѣсть, письмо или басня, — становится мѣрой общественнаго устройства, а писатель, по собственному выраженію Фонвизина, — стражемъ общаго блага. Но такое благородное направленіе, тѣсно граница съ направленіемъ дидактическимъ, легко можетъ переходить въ него. Художественность и цѣль поэтическаго произведенія, лежащая внѣ поэзіи, рѣдко уживаются вмѣстѣ. По крайней мѣрѣ, замѣчено, что служеніе поэта политикѣ или философіи никогда почти не обходилось безъ ущерба поэзіи. Изъ современныхъ романовъ наилучшихъ романистовъ меньше удались тѣ, которыми они приносили щедрую дань взлядамъ утопистовъ. Не до художественности въ то время, когда авторъ хочетъ или поучать читателей, раскрывъ предъ ними ложныя начала, на которыхъ они основали жизнь свою, семейную и общественную, или когда, раздраженный, поражаетъ ихъ сатирой, показывая имъ тѣ нравственные законы, отъ которыхъ они уклонились.

Здѣсь-то, въ этой-то сатирѣ, неуклонно преслѣдующей одну и ту же цѣль, и заключается высокое значеніе Фонвизина не только для его современниковъ, но и для насъ; ибо и теперь, черезъ столько времени, читаешь его съ истиннымъ наслажденіемъ. Воевалъ онъ не съ призраками, а съ дѣйствительными недостатками общества, которые живутъ и въ наше время, только въ другихъ, быть можетъ, видахъ; и воевалъ онъ не во имя призрака, а во имя истиннаго идеала нашего, который находится въ душѣ каждаго человѣка, и при мысли о которомъ человѣкъ возвышается душой. Жизнь, изображенная

въ его сочиненіяхъ — жизнь современная, дѣйствительно бывшая, а не вымышленная праздной фантазіей близорукаго поэта, который бредитъ греками и римлянами, и видя, что происходитъ или не происходитъ на небѣ, не видитъ, что дѣлается у него подъ ногами. И потому изъ всѣхъ писателей ломоносовскаго періода, кого можно читать и теперь — читать не для историческаго изученія только, но и для удовольствія, какъ мы читаемъ произведенія современныхъ намъ знаменитыхъ писателей? Скажите откровенно, признайтесь. — Разумѣется, двухъ только — Фонвизина и Державина; но Фонвизина больше, чѣмъ Державина: послѣдній не всегда смотрѣлъ на предметы прямо, а смотрѣлъ на нихъ подъ угломъ идеальнаго воззрѣнія.

Галаховъ.

Педагогическія, нравственныя и политическія убѣжденія Фонвизина.

Литературная дѣятельность Фонвизина относится вся къ царствованію Екатерины II; его лучшія произведенія появились въ цвѣтущее время этого царствованія и носятъ на себѣ явные слѣды того общаго характера, который отмѣчаетъ собой цѣлый періодъ въ развитіи русской литературы. Педагогическія и политическія воззрѣнія Фонвизина, высказываемая въ его комедіяхъ, заимствованы имъ или прямо изъ французскихъ источниковъ, или посредственно, изъ сочиненій Екатерины II. Представителями этихъ воззрѣній служатъ такъ называемыя моральныя лица въ его пьесахъ: Стародумъ, Правдинъ и Милонъ — въ „Недорослѣ", Добролюбовъ въ „Бригадирѣ", Нельстецовъ въ „Выборѣ гувернера", Здравомыслъ въ „Разговорѣ у княгини Халдиной". Стародумъ — главное лицо между ними: въ журналѣ „Другъ честныхъ людей" отъ его имени высказываются многія весьма важныя политическія мысли, въ „письмѣ къ Стародуму" Фонвизинъ самъ признается, что личности Стародума обязанъ отчасти „Недоросль" своимъ успѣхомъ на сценѣ и въ печати. Очевидно, что эта роль была чисто тенденціозной вставкой въ комедіи, и Стародумъ высказывалъ мысли, казавшіяся тогда передовыми и современными. Это обстоятельство должно опредѣлить и нашъ взглядъ на личность Стародума. Стародумъ не брюзга и не ретроградъ, смотрящій съ ужасомъ на умственное движеніе своего вѣка; онъ далеко не похожъ на тѣхъ питомцевъ Петровскаго времени (въ родѣ Неплюева), которые не признавали въ новыхъ людяхъ ничего путнаго. Точно такъ же Стародумъ не напоминаетъ намъ (вопреки мнѣнію г. Галахова) „почтенную личность отца Фонвизина". Дѣло въ томъ, что отецъ Фонвизина, какъ это видно изъ „Чистосердечнаго признанія" и изъ переписки съ нимъ его сына, не имѣлъ и понятія о новомъ направленіи умовъ въ XVIII вѣкѣ; его библіотека ограничивалась

однѣми книгами назидательнаго содержанія, изъ которыхъ по вечерамъ читалъ онъ отрывки своимъ дѣтямъ. Онъ былъ, правда, честный и нравственный человѣкъ, но этими двумя чертами еще не опредѣляется вполнѣ характеръ Стародума. Не налегая слишкомъ на этимологію слова, мы должны признать, что Стародумъ хотя и хвалитъ старое время, но заимствовалъ сущность своихъ воззрѣній изъ тѣхъ источниковъ, которыхъ не было прежде въ наличности; ссылаясь на доблести Петровскаго вѣка, онъ говоритъ не какъ сынъ этого вѣка и защитникъ, но какъ полемизаторъ, съ цѣлью освѣтить дурныя стороны современнаго общества. Ему надо было прикрыть нападки свои авторитетомъ великаго императора, любившаго грубую простоту и безыскусственность отношеній. Но мысли Стародума о высокомъ значеніи и неприкосновенности человѣческой личности, его горячія филиппики за свободу (въ сценѣ съ Правдинымъ) — все это новыя явленія, которыя не имѣютъ корня въ Петровскомъ времени, но являются результатомъ „освободительной философіи" XVIII вѣка. Короче сказать, Стародумъ это самъ Фонвизинъ, отчасти раздѣлявшій идеи французскихъ писателей, но ограничивавшій ихъ, преимущественно, съ религіозно-нравственной стороны. Выражая свою любовь къ племянницѣ, Софьѣ, Стародумъ говоритъ, что онъ „видитъ и почитаетъ въ ней добродѣтель, украшенную разсудкомъ просвѣщеннымъ" (дѣйств. 4, явл. I); разсуждая о вліяніи новыхъ писателей на умы, онъ признаетъ, что они „искореняютъ сильно предразсудки, но воротятъ съ корня добродѣтель", т.-е. не даютъ прочныхъ нравственныхъ основъ, которыми такъ дорожитъ Стародумъ.

Разсмотримъ же педагогическія, нравственныя и политическія убѣжденія Стародума, или, что̀ то же, самого Фонвизина.

Отъ воспитанія юношества Стародумъ требуетъ, прежде всего, нравственнаго воздѣйствія на природу воспитываемыхъ, чтобы образовать въ нихъ добродѣтельныхъ и честныхъ людей и вѣрныхъ слугъ своему отечеству. „Я желалъ бы", говоритъ онъ, „чтобъ при всѣхъ наукахъ не забывалась главная цѣль всѣхъ занятій человѣческихъ — *благонравіе*. Наука въ развращенномъ человѣкѣ есть лютое оружіе дѣлать зло. Просвѣщеніе возвышаетъ одну добродѣтельную душу. Я хотѣлъ бы, напр., чтобы при воспитаніи сына знатнаго господина наставникъ его разогнулъ ему исторію и указалъ въ ней два мѣста: въ одномъ, какъ *великіе люди способствовали благу своего отечества;* въ другомъ, какъ вельможа недостойный, употребившій во зло свою довѣренность и силу, съ высоты пышной своей знатности низвергся въ бездну презрѣнія и поношенія" („Нед.", д. V, явл. I). „Воспитаніе, — по мнѣнію Стародума, — должно быть залогомъ государственнаго благосостоянія: ну, что̀ можетъ выйти изъ Митрофанушки?" Оно должно имѣть цѣлью гражданское преуспѣяніе общества, а не подготовку спеціалистовъ: „богослововъ, живописцевъ, столяровъ" — какъ говоритъ самъ Фонвизинъ въ письмѣ къ Панину (П. И.). Государственному элементу въ воспитаніи и общественной жизни Фонвизинъ придавалъ

большое значеніе: сторонникъ правительства, замышлявшаго многія важныя реформы, онъ склоненъ былъ расширять кругъ его вліянія и задавать ему задачи, лежащія на самомъ обществѣ при болѣе нормальныхъ отправленіяхъ общественной жизни. Обѣ комедіи Фонвизина оканчиваются вмѣшательствомъ власти: въ одномъ случаѣ (въ „Бригадирѣ") „вышнее правосудіе", къ которому прямо обратился Добролюбовъ, возвращаетъ ему отнятое имущество; въ другомъ (въ „Недорослѣ") Правдинъ, чиновникъ изъ намѣстнической канцеляріи, прекращаетъ злоупотребленія помѣщичьей власти и отсылаетъ на службу бездѣльника-дворянина. Въ комедіи: „Выборъ гувернера" мѣстный предводитель дворянства изгоняетъ изъ своего уѣзда самозванца-педагога. Обученію въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. развитію ума познаніями, Фонвизинъ отводитъ такъ же мало мѣста, какъ и Екатерина II въ своей „Инструкціи". „На умы мода", говоритъ Стародумъ (въ „Недорослѣ"), „на знанія мода, какъ на пряжки, на пуговицы... Умъ, коли онъ только умъ, самая бездѣлица. Съ пребѣглыми умами видимъ мы худыхъ мужей, худыхъ отцовъ, худыхъ гражданъ". Объ односторонности этого направленія въ педагогикѣ, слишкомъ очевиднаго въ настоящее время, мы сказали уже нѣсколько словъ въ своемъ мѣстѣ. Изъ отношеній Стародума къ Софьѣ видно также, какъ много цѣнилъ онъ чувство самоуваженія въ своей воспитанницѣ и какъ мягко и благотворно было его педагогическое вліяніе на нее. О принужденіи и суровыхъ мѣрахъ въ воспитаніи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Простирая свое вліяніе и на зрѣлый возрастъ Софьи, Стародумъ объясняетъ ей, что „въ ней самой находится твердое основаніе ея счастія", что сознаніе своего собственнаго достоинства не должно покидать ее и въ супружествѣ, когда, по общему взгляду того времени, личность жены должна была стушевываться и раболѣпствовать предъ личностью мужа. Въ ея мужѣ онъ надѣялся увидѣть искренняго и снисходительнаго друга, а не грубаго и развращеннаго тирана", — человѣка достойнаго ея сердца, который могъ бы свободно овладѣть ея волей и ея помыслами. „Надобно, мой другъ, говоритъ онъ, чтобъ мужъ твой повиновался разсудку, а ты мужу, и будете оба совершенно благополучны". Счастіе супружеской жизни не зависитъ, по его мнѣнію, ни отъ знатности ни отъ богатства; бо́льшая часть несчастныхъ браковъ отъ того и происходитъ, что въ нихъ обращается вниманіе только на чины и матеріальныя средства, а не на сердечную склонность жениха и невѣсты. Не устраняя вполнѣ въ бракѣ преобладанія мужа надъ женою, Стародумъ желаетъ, по крайней мѣрѣ, смягчить и облагородить его взаимнымъ уваженіемъ. Эта скромная попытка, конечно, заслуживаетъ вниманія въ такую пору, когда такъ часты были мужья въ родѣ Гвоздилова („Бригад.".д.4,явл.2), которые, „разсерчавъ за что-нибудь, а больше хмельные, гвоздили своихъ женъ ни дай, ни вынеси за что̀". Согласно взгляду Стародума, въ комедіи „Бригадиръ", Софья, влюбленная въ Добролюбова, „не устрашается малаго его достатка", находя въ немъ любовь и почтеніе къ себѣ. Отстаивать полную равноправность жены съ мужемъ Фонвизинъ не рѣ-

шился, боясь войти въ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ господствовавшими представленіями о бракѣ и нравственности. Нравственныя правила Фонвизина, подвергнувшіяся значительной перемѣнѣ съ конца шестидесятыхъ годовъ, опирались на религіозныя основанія. Сознаніе долга въ человѣкѣ есть, по мнѣнію Стародума, „тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ". „Сколько я понимаю", писалъ Фонвизинъ въ письмѣ къ графу П. И. Панину изъ Ахена, отъ 18 сентября 1778 г., „вся система нынѣшнихъ философовъ состоитъ въ томъ, чтобы люди были добродѣтельны независимо отъ религіи; но они, которые ничему не вѣрятъ, доказываютъ ли собою возможность своей системы? Кто изъ мудрыхъ вѣка сего, *побѣдивъ всѣ предразсудки, остался честнымъ человѣкомъ?* Кто изъ нихъ, отрицая бытіе Божіе, *не сдѣлалъ интереса единымъ божествомъ своимъ* и не готовъ жертвовать ему всею моралью... Истинно нѣтъ никакой нужды входить съ ними въ изъясненія, почему считаютъ они религію недостойною быть основаніемъ моральныхъ человѣческихъ дѣйствій". Фонвизинъ даже совсѣмъ изгналъ личный интересъ изъ своей нравственной системы, замѣнивъ его другимъ стимуломъ. Но, нападая на исходную точку нравственной философіи своего времени, Фонвизинъ отдавалъ ей дань въ своемъ приговорѣ о вліяніи клерикальной партіи во Франціи на воспитаніе высшаго общества. „Первыя особы въ государствѣ", пишетъ онъ въ томъ же письмѣ къ гр. Панину, „не могутъ никогда много разниться отъ безсловесныхъ" и объясняетъ это тѣмъ, что съ раннихъ лѣтъ „вселяются въ нихъ предразсудки, подавляющіе смыслъ младенческій".

Въ своихъ политическихъ взглядахъ Фонвизинъ болѣе сближался съ французскими мыслителями, чѣмъ въ вопросахъ религіи и нравственности. Въ письмахъ изъ Франціи къ графу Панину Фонвизинъ порицаетъ королевское правительство за lettres de cachet, за don gratuit, вынуждаемый силою, за нерадѣніе о провинціяхъ. Все это вызывало уже рѣзкія нападки передовыхъ французскихъ мыслителей. „Слушай, другъ мой!" говоритъ Стародумъ Правдину („Нед.", д. V, явл. I): „великій государь есть государь премудрый. Его дѣло показать людямъ прямое ихъ благо. Слава премудрости его та, чтобы править людьми, потому что управляться съ истуканами нѣтъ премудрости... Достойный престола государь стремится возвысить души своихъ подданныхъ". Это „возвышеніе душъ" сильно занимало Фонвизина въ теченіе его жизни. Главнымъ средствомъ къ тому Фонвизинъ считалъ: распространеніе въ обществѣ, по иниціативѣ верховной власти, правильныхъ понятій о политическихъ правахъ и обязанностяхъ, отмѣну нѣкоторыхъ стѣснительныхъ формъ и условій государственной жизни и, наконецъ, свободу мыслить и изъясняться, при которой частные люди, т.-е. писатели, считали бы за долгъ „возвысить громкій голосъ противъ злоупотребленій и предразсудковъ, вредящихъ отечеству", не боясь „ни одной робкой души, обитающей въ тѣлѣ знатнаго вельможи". Разсуждая о причинахъ, препятствующихъ у насъ развитію оратор-

скихъ талантовъ, Стародумъ (см. „Другъ честныхъ людей“, письмо изъ Москвы, февр. 1788 г.) сожалѣетъ, что „мы не имѣемъ тѣхъ народныхъ собраній, кои витіи большую дверь къ славѣ отворяютъ, и гдѣ побѣда краснорѣчія не пустою хвалой, но претурою, архонціями и консульствами вознаграждается. Демосѳенъ и Цицеронъ въ той землѣ, гдѣ даръ краснорѣчія въ однихъ похвальныхъ словахъ ограниченъ, были бы риторы не лучше Максима Тирянина, а Прокоповичъ, Ломоносовъ и проч. въ Аѳинахъ и Римѣ были бы Демосѳены и Цицероны“... Свобода и „право повиноваться единымъ законамъ“ не исключали, по мысли Фонвизина (такъ же какъ и Екатерины II въ „Наказѣ“), раздѣленія народа на сословія, съ предпочтеніемъ одного класса другому. Полное равенство состояній казалось Фонвизину праздною мечтою. „Нигдѣ и никогда,“ говоритъ Нельстецовъ въ „Выборѣ гувернера“, „не бывали и быть не могутъ такіе законы, кои бы честнаго человѣка счастливымъ сдѣлали. Необходимо, чтобы одна часть подданныхъ чѣмъ-нибудь жертвовала: слѣдственно, равенства состояній и быть не можетъ. Оно есть вымыселъ ложныхъ философовъ“. Дворянскому классу Фонвизинъ отводилъ первое мѣсто въ государствѣ, но требовалъ отъ него особенныхъ заслугъ передъ отечествомъ и добродѣтели, затмѣвающей всѣ достоинства другихъ сословій. „Если бъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ говоритъ Стародумъ“, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи и было бы совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестье не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать, есть отечество, которому служить. Тогда не было бы такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками“.

Своими переводами, изъ которыхъ три: „Похвальное слово Марку Аврелію“, „Жизнь Сиоа“ и „Торгующее дворянство“ особенно характеристичны для оцѣнки литературной дѣятельности Фонвизина: онъ развивалъ и дополнялъ тѣ же мысли о лучшемъ политическомъ устройствѣ. Въ первомъ изъ этихъ переводовъ, въ длинной похвальной рѣчи стоическаго философа Аполлонія, Маркъ Аврелій ставится въ образецъ государямъ за его мудрое и кроткое правленіе. По взгляду Марка Аврелія, „человѣкъ рожденъ свободнымъ, но, въ необходимости быть управляемъ, покорился законамъ, но никогда не покорялся прихотямъ государскимъ“. Въ „Жизни Сиоа“ мемфисскій жрецъ, въ своей надгробной рѣчи царицѣ, превозносилъ ее, какъ мудрую правительницу, которая „добродѣтель свою посвящала благополучію своихъ подданныхъ“, издавала премудрыя узаконенія и проч. Умершая царица „знатныхъ особъ честь сохранить старалась, но притомъ не допускала ихъ преступать предѣлы должнаго себѣ повиновенія, народныя тягости облегчала своимъ милосердіемъ. Судьи не были грабители царскаго сокровища, и всякій подданный несъ требуемую отъ него государю дань самопроизвольно, зная, что она даръ не судьямъ, но самому царю“. Въ брошюрѣ о „Торгующемъ дворянствѣ“ авторъ полемизируетъ съ „храбрымъ дворяниномъ“,

маркизомъ де-Лэссе, который доказывалъ, что дворянству унизительно заниматься торговлею и что если дворяне сдѣлаются хоть на время купцами, то въ нихъ пропадаетъ рыцарскій духъ, составляющій гордость и украшеніе Франціи. Въ своемъ отвѣтѣ авторъ говоритъ, что во Франціи гораздо больше дворянъ, чѣмъ сколько нужно ихъ для офицерскихъ мѣстъ въ арміи, слѣдовательно, бо́льшая часть ихъ могла бы, безъ ущерба для государства, обратиться къ купеческой дѣятельности и содѣйствовать обогащенію страны. Бѣдный дворянинъ, для котораго нѣтъ мѣста на войнѣ, могъ бы сказать, по мнѣнію автора, своему воспитателю: „ты съ юныхъ лѣтъ сказывалъ намъ, что счастія своего должны искать мы единою войною. Уже научились мы смѣяться надъ неблагородными людьми, поднимать оружіе, обижать сосѣдей, и совершенно къ войнѣ пріуготованы... Но видимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ старшій братъ нашъ туда посланъ, терпимъ мы въ платьѣ недостатокъ, и какія трудности имѣли мы къ снисканію сего порученскаго мѣста! Можетъ быть, безъ покровительства нашего благодѣтеля мы бы и въ томъ успѣха не имѣли. Уже триста лѣтъ не посѣщаетъ счастіе нашъ старый за́мокъ, и ожидать онаго надежды не имѣемъ. Что намъ дѣлать шпагою, когда, кромѣ голода, не имѣемъ мы другихъ непріятелей?“ Брошюра эта появилась въ то время, когда во Франціи раздавались голоса противъ феодальныхъ привилегій и среднее сословіе готовилось выступить на сцену. Толки о среднемъ состояніи, или „третьемъ чинѣ“, зашли и въ нашу литературу: въ „Наказѣ“ Екатерины, въ докладахъ Бецкаго мы видимъ упоминаніе объ немъ. Во время этихъ толковъ Фонвизинъ перевелъ цѣлую книгу (оставшуюся неизданной) „О среднемъ сословіи“ и написалъ свое разсужденіе о немъ. Онъ, какъ видно, желалъ возвысить и облагородить средній классъ, присоединивъ къ нему даже многія дворянскія фамиліи, не имѣющія крупной поземельной собственности. Есть основаніе думать, что, сочувствуя взглядамъ графа Н. И. Панина, пристрастнаго къ аристократическому принципу, Фонвизинъ не прочь былъ бы видѣть и въ Россіи нѣчто въ родѣ англійской аристократіи[1]). Въ своихъ вопросахъ Екатеринѣ II Фонвизинъ также затрогивалъ государственные предметы: между прочимъ, онъ говорилъ о награжденіи дворянскимъ достоинствомъ особенно отличившихся купцовъ (вопр. 4) и о той пользѣ, какую могла бы принести гласность въ судебныхъ дѣлахъ (вопр. 5). Но эта же переписка доказываетъ намъ, какъ мало было самостоятельности въ его литературныхъ требованіяхъ: стоило только напомнить Фонвизину о „свободоязычіи“ и „образцовомъ послушаніи“, какъ

---

[1]) Въ запискахъ М. А. Фонвизина (стран. 47—48) разсказывается, что Д. И., съ согласія и частію по указаніямъ графа Панина, составилъ проектъ новаго государственнаго устройства, по которому крѣпостное право осуждалось на постепенное уничтоженіе, предполагались раз-различныя измѣненія въ составѣ сената и проч. Отъ этого проекта сохранилось только одно введеніе. Вѣроятно, это и было то политическое сочиненіе, о которомъ упоминаетъ князь Вяземскій въ своемъ замѣчательномъ трудѣ „о Фонвизинѣ“.

изъ просвѣщеннаго мыслителя и критика общественныхъ явленій онъ становился подсудимымъ, обязаннымъ оправдываться. Новое направленіе, распространявшееся тогда у насъ, до тѣхъ поръ только пользовалось льготами, пока отъ него не отказались въ высшихъ кружкахъ нашего общества.

Пятковскій.

Stanford University Libraries
3 6105 124 436 044

